

A detailed historical map of the world, likely from the 17th or 18th century, showing continents, oceans, and a grid of latitude and longitude lines. The map is oriented with North at the top. In the top right corner, there is a circular badge with the text "16+".

16+

Дмитрий Свиридов

**500 лет назад -
3.3,**

или Кавалер ордена

Дмитрий Свиридов

**500 лет назад – 3.3,
или Кавалер ордена**

«Автор»

2023

Свиридов Д.

500 лет назад – 3.3, или Кавалер ордена / Д. Свиридов —
«Автор», 2023

Все, что имеет начало, имеет и конец. Кто только не говорил эти слова!... Но так оно и есть, и подходит к концу история нашего современника, неведомой силой перенесенного из 2020 года на пятьсот лет назад, в 16 век. Он успел за годы, проведенные в прошлом, многое, и успеет, пожалуй, еще больше, о чем вы и прочтете в этой книге. Но и его путь будет закончен. Как?... Читайте.

© Свиридов Д., 2023

© Автор, 2023

Дмитрий Свиридов

500 лет назад – 3.3, или Кавалер ордена

Часть 1. Поражение Ливонского ордена

1

Для полного понимания, как и с чем все герои нашего рассказа пришли к той летней встрече на Чудском озере, нам придется снова вернуться примерно на шесть месяцев назад, к февралю, и оценить эти же события, так сказать, изнутри Ливонии. Конец зимы и начало весны выдались для князя Ивана и его людей очень напряженными. Эмоциональный подъем от очередной победы над орденами, все же слегка накрывший всех после того памятного собрания, когда князь назвал следующие цели их похода, и осознание важности собственного дела, когда он там же перечислял адресатов их будущих грамот, дали всему руководству (и всем приближенным, конечно, кто в той или иной мере знал эту информацию) хороший такой заряд бодрости. Да и у самих бойцов, замковой obsługi, чудинов и жителей ближайших (а по мере расхождения новостей – и дальних) деревень вроде как тоже появились поводы порадоваться. На этой волне очень быстро и уже как-то привычно, можно сказать – в рабочем порядке, они на следующий же день после совещания определились, кто пойдет на планируемые далее... диверсии (это сложное слово старца все же запомнили уже все).

Рейд в Пернов взял на себя Петр – там надо было, кроме максимального урона орденскому подворью, еще и в самом городке кое с кем потолковать, и грамотки нужным людям оставить, да чтоб их при этом под розыск Ордена не подвести. Именно для этого с ними пошел Грек, знающий там таких людей. Рейд в замок эзельского епископа возглавил Гридя – там надо было просто тихо подобраться и этот замок попытаться поджечь. Просто, м-да... Впрочем, замок (а сведения о нем собрали, конечно) был небольшим, да и городок Хапсал, рядом с которым (но отдельно) он стоял – тоже. Именно близость к Хапсалу и определила составы отрядов – если к Пернову шли почти полтора десятка, причем именно по реке Пярну (так получалось и проще, и быстрее всего), на лошадях и с санями, и в эти полтора десятка входили только бойцы отряда, то к Хапсалу, по договоренности со Жданом, кроме десятка своих бойцов Гридя взял десяток людей купца с ним самим. Правда, они сразу же обговорили, что все командование в этом походе – только на Гриде, а Ждан получит возможность лично оценить городок. Наглость?... совсем нет! Почему бы богатому купцу не посетить портовый город, со своей охраной, конечно? Ну и что, что не сезон, зима и навигации нет – как раз самое время оценить возможность торговли в этих местах. Причалы, амбары, торговые места и все прочее. Летом-то ему недосуг будет, дел много, только успевай поворачиваться... Должно было прокатить, как сказал кто-то из десятников (другие словечки старца приживались в отряде гораздо легче).

В общем, еще через день подготовки две группы ушли на запад и на юг. Степан и Черный, герои битвы на тракте, совершенно спокойно восприняли такой расклад, как временный отдых. Впрочем, на Степане оставалась дозорная служба по дорогам, у Черного большинство людей так и стояло на тракте, в деревушке у новой засеки, где все же было самое опасное место для новых атак Ордена, а сам Черный взялся за прилично набравшееся уже пополнение (вторая очередь псковичей и местные), гоняя их, как гоняли весь отряд у Сига. Семен больше занимался с пушками и пушкарями (подобрали еще тройку), поскольку рука пока не позволяла ему полноценно тренировать бойцов, но в процессе подготовки, когда она проходила возле замка, он участвовал, конечно. А так бойцы чаще уходили в лес за озеро, недалеко, где оборудовали и стрельбище, и позицию для метания бомб, и шалаши-временки, на которых отрабатывали действия в помещениях.

Для остальных дел тоже нашлось выше крыши, по словам Седова, или по самую маковку церкви, как говорили сейчас. Сам старец с князем и Ефимом начали прорабатывать тексты

посланий (первые, конечно, решили отправить на Русь, вместе со Жданом, когда тот будет в Псков возвращаться), делать наброски для всех остальных грамот, выяснять вместе с Федором и Пименом тонкости жизни и современного бизнеса в Ревеле – именно Пимену князь поручил в ближайшее время снять дом в Ревеле и начать знакомиться там с людьми да присматриваться, что да как в этом городе, на который было много планов. Разумеется, никто не собирался отправлять его туда одного, в его роли (приказчика псковского купца, собирающегося открывать свою торговлю в Ревеле), его должен был сопровождать Торгаш, как знаток местной жизни, причем и видимой, и, так сказать, теневой ее стороны. А пока сам Торгаш окончательно шел на поправку, именно у него в комнате часто собирались Пимен и Федор, да и сам князь приходил послушать, как обстоят дела в Ревеле.

Милана теперь поила Торгаша своими отварами и настоями, и тот уже почти не кашлял, хотя внешний вид у него, конечно, был еще не очень. С учетом лечения препаратами из будущего она очень осторожно давала ему еще пару седмиц на выздоровление, не меньше десяти дней точно, да и потом побережись бы надо – зима, так что сроки выдвижения в Ревель они пока планировали, исходя из этого. Сама травница (со Светкой) продолжала заниматься своим делом, от первичного осмотра и подлечивания болячек у бойцов отряда и иных обитателей замка перейдя к жителям ближайших деревень. Им, конечно, давали сопровождение, и среди бойцов, не уходящих в дозоры, даже проявилось легкое соперничество – это считалось честью. Впрочем, чаще всего ей в спутники давали тех из бойцов, кто был включен в санитары отряда – Иванушку и других, так как и в дороге, и в деревнях те и сами людям помочь могли, и свой уровень медицинских знаний повышали, говоря в терминах 21 века.

Конечно, и у Миланы, и у Николая Федоровича оставалось время и на... свое. Ночи точно были целиком их, да и днем удавалось выкроить минутку-другую, и они все лучше узнавали друг друга, именно в тех мелочах, знание которых и делает людей по-настоящему близкими. А так Седов был занят и с князем, и с Федором, и с обучением новичков (его снова просили рассказать, как они там у себя через пять сот лет воюют, и кое-что показать). А еще был Малх со своим любопытством, возобновились занятия с санитарями (теперь уже с Миланой вместе), находилось время для кратких записок по знаниям из будущего, в общем, загружен он был плотно.

На этом фоне полной занятости и днем, и ночью, ему было как-то проще отвлечься от волнения за своих, ушедших на такие сложные и опасные задания. Да еще и Федот, с которым половину ракет отправили к Хапсалу... Еще в период короткого отдыха отряда Седов выбрал время и, собрав верхушку их Ордена, снова рассказал о ракетном вооружении будущего, а Федот, с огромным вниманием выслушав этот рассказ из первых уст, дополнил его конкретными техническими возможностями их «огненных стрел». Слово «ракета» старец Димитрию говорил, но оно было непонятно мастерам, и они использовали более привычные им названия. Как раз из-за того, что часть ракет могла все же прилично отклоняться от цели, было решено использовать их для отдельно стоящих зданий, поэтому первой целью был выбран замок епископа (а вторую половину, пока предварительно, нацелили на Везенберг). На службу нового оружия направили людей Гриди, да так оно и было правильно – это было как раз делом для его диверсантов – скрытно подошли, поставили направляющие, запалили и скрытно же ушли. Сами ракеты были довольно удобны для перемещения, даже навьюченными на лошадей, а вот длинные доски направляющих уже заставляли что-то комбинировать с их перевозкой, однако справились и с этим. Нарезал Федот перед их отъездом и ивовых прутьев для стабилизаторов, но с этим проблем не было никаких – ивняк был везде, да и особой прямооты там не требовалось.

Ну, и техника безопасности, которой Седов буквально загрузил выбранных для сопровождения Федота и обслуживания ракетного станка бойцов, впечатлила всех. Впрочем, сам мастер только одобрил (а кое-что потом попросил рассказать еще раз, уже для себя). А вот

прямой приказ от князя двоим бойцам постоянно сопровождать мастера и, случись что, спасти его даже ценой своих жизней, его изрядно удивил. Видно было, что такое отношение ему непривычно, и, похоже, Федот сам не ожидал, что новое оружие окажется таким ценным.

Разумеется, за ушедших волновался не только старец, но и все остальные. Но так или иначе – около 80 верст до Пернова и более ста – до Хапсала говорили, что только дорога в одну сторону у обоих отрядов займет не меньше недели, значит, как минимум две недели вестей не будет. Так и вышло, и эти две недели в замке снова росло напряжение... Впрочем, и дозоры ходили, и с тракта привели еще парочку купцов (а с так и сидевшими в корчме и начавшимися волноваться торговцами из первой партии все же поговорил сам князь, подтвердив, что речь идет лишь об их временной задержке, которая скоро кончится). На новой трактовой засеке бойцы обстреляли из самострелов сунувшихся было вооруженных всадников (никого не подстрелили), но было их всего с пяток, похоже, из Феллина, не получив никаких вестей от первого орденского отряда, послали дозор, да и по срокам оно совпадало.

По мальчишеской эстафете приходили сообщения, что в деревнях все в порядке, правда, к ближней деревне к Везенбергскому замку (самой северной от малой усадьбы Ливонского ордена, которая была захвачена ими первой), что возле засеки, через леса вышел орденский разведчик. Староста села вывалил на него ворох новостей: что пришли неизвестно откуда несметным числом воины, перебили всех бойцов Ордена, захватили все, докуда дотянулись, нагнали мужиков и перекрыли дорогу. Сам он, староста, тех воинов не видел, но говорят – их несметные тыщи, все в железах, да с оружием страшным, что взрывается и горит.

Лазутчик ушел через лес назад, в Везенберг, теперь надо было ждать новых гостей, уже в большем числе, но и такой рассказ старосты, и дальнейшие действия заранее оговаривались – ясно было, что с той стороны кто-то обязательно выйдет, и старост предупредили. Жалко, что не было сейчас в замке Гриди, на бойцах которого и строились дальнейшие действия, но сами-то бойцы были, и что делать – знали, так что тройка их скорым маршем на лошадках отправилась обратно, вместе с пацаном, принесшим эту новость.

Ну, а примерно через две недели (Седов точно не запомнил) вернулся отряд Петра. Вернулся с победой, даже с двумя, и несколько дней с лица Петра не сходила та самая улыбка, которую давно уже оценили все. Все удалось – под видом торгового обоза они легко и быстро прошли по накатанному на реке санному пути почти до самого Пернова. По дороге встретился им один орденский дозор из трех человек, который как раз и проезжал по речному пути. Хотя и выглядели бойцы подозрительно, и саней с грузом у них было всего четыре (да и груз – в основном, обманка), но дозор не стал к ним цепляться. А перед самым городом они сделали небольшой круг, выйдя к нему не с реки, как шли, а с юга, вроде как то ли от Феллина, то ли вообще от Риги. Сам город стоял в самой глубине довольно большого залива, а вот малые поселения (рыбачьие, в основном) были по всем его берегам. Это потом, где-то в 19 веке, они сольются в единый город (да и все равно тот останется маленьким), а пока городком можно было считать именно глубинную часть. При этом в сам Пернов десяток вообще не полез, расположившись вроде как на отдых в одной из небольших деревушек на побережье, а съездили туда на разведку Петр, Грек и еще пара бойцов сопровождения.

Посидели в корчме (где как раз Грек у знакомого корчмаря все и выяснил, что хотел, и оставил тому пару копий письма с описанием суда над орденцами), выпили, закусили, прошли по городку (оставив лошадей в конюшне корчмы), своими глазами увидав все, что нужно, и... уехали к своим, в деревушку. А ночью, ближе к утру, загорелся орденский двор в Пернове, да как-то не в одном месте, да на самом берегу – склады Ордена же. Грек знал точно, да и Петр был в курсе – здесь, в небольших городках на всех берегах Рижского залива, орденцы были скорее таможенниками, чем пограничниками, и скорее полицейскими, чем солдатами, если судить по функциям. Внутренние воды, фактически полностью принадлежащие Ордену, и удаленность от сухопутных границ расслабляли бойцов. Нет, они оставались обученными воинами – перво-

начальное обучение в Ордене, учебка, так сказать, никуда не девалось, но дальше служба шла в городах, на теплых местах, почти без стычек и сражений, но зато с возможностями «левых» заработков... Мечта, кто понимает...

Поэтому только поздно днем, разбираясь с последствиями пожара и подсчитывая, кто погиб, обожжен и ранен (а убытки еще только предстояло подсчитать!), старший рыцарь над орденским двором в Пернове обнаружил, что среди обгоревших и задохнувшихся тел есть парочка, явно подстреленная из арбалетов (которые прекрасно и почти бесшумно действовали в любых руках, кто понимает). Да и сами начальные точки возгорания (сразу в нескольких местах), и сохранившийся кое-где резковатый запах, не перебиваемый запахами от пожарища, говорил, что дело тут нечисто... К розыскам поджигателей орденцы смогли приступить только через несколько дней – пока устранили последствия пожара, пока посчитали, что сгорело на складах, но за это время по городку и окрестностям начали распространяться странноватые слухи – что огонь тот был божий, за прегрешения орденские с неба спущенный, и приходят для ливонцев последние времена, потому как переполнилась чаша грехов их... А потом до Пернова таки дошли вести из Феллина, что на севере Ливонии что-то сильно неладно...

Конечно, это был «бензин». Именно его везли на санях в плотно закрытых кадушках, его, и мелкие, примерно на пол-литра глиняные кувшинчики – в ящиках, переложенных стружкой. Как правило, в небольших городках на побережье часто не было общей крепостной стены, а защита обеспечивалась самой архитектурой строений – обращенных глухими стенами на улицу, ну, и оградами в сажень-полторы высотой. Именно таким было орденское подворье в Пернове, а где за стенами нужные строения, и какие из амбаров в порту принадлежат Ордену – подсказали местные... Все удалось сделать быстро (зажигалки снова помогли), а двое ночных патрульных, попавшихся на пути диверсантов по ночному же городу, ничего не успели сделать против двух самострелов. На отходе (тоже с крюком через юг) группа снова встретила тройку дозора, и вот тут уже дозорным не повезло. Тела их спрятали в снегу, подальше от санного пути, а отряд пополнился лошадьми, оружием и кожаной броней. И – на пустых, считай, санях, чуть ли не с песнями и гиканьем вернулись к себе.

Рассказ Петра об их походе слушали в столовой палате – всем хотелось узнать, как все прошло, подробности они с Греком рассказывали уже в башне, не для всех. Ну, а дальше... Грек рвался на юго-восток, к Дерпту, запустить слухи и туда, пока Орден не опомнился и не перекрыл все дороги сетью дозоров. Князя больше напрягла легкость поездки по реке, а после его уточнений задумались об этом уже и Семен с Черным – Пярну выходила, считай, к самому замку, а патрулировали они только дороги... Степан не обрадовался добавлению еще одного маршрута для дозоров, но с тем, что реку на пару дней пути надо проверять – спорить не стал. Ну, а пока решили все же дожидаться возвращения отряда Гриди...

Они вернулись еще примерно через неделю, когда все уже начали серьезно волноваться. Вернулись тоже все живые, без потерь и с победой, хотя часть была и... с расцарапанными мордами. А вышло так: путь у Гриди был хоть и разведан уже наполовину, но шел по глухим местам, с малыми и редкими деревушками – в этой части Ливонии холмы уже были мелкими, а к западному побережью и вовсе сходили на нет, но все еще делали местность малопригодной для сельского хозяйства. Тут были в основном леса, да и то – смешанные, сорные, холмики и лощины с ручьями, овраги, заросшие кустарником... Но дороги между деревушками были, хоть и вели на запад не прямо, а с довольно большими петлями, определяемыми рельефом.

Первым делом отряд добрался по известным путям до той деревни, возле которой была сожжена малая усадьба Ордена. Как выяснилось, за это время орденцы еще никого не присылали разобраться, хотя весть им староста все же подал – по цепочке селений. Уточнив дороги, группа двинулась дальше. На пути их ждала еще одна усадьба Ордена, в которой жило аж четверо бойцов. Это были не те пьяницы, которых епископ сослал в конец своей географии, но против двух десятков они ничего сделать просто не успели – люди Ждана перекрыли округу

(усадебная стояла рядом с деревней, но отдельно), а разведчики провернули трюк, который уже раз сработал – подъехали к воротам и на немецком потребовали открывать. Двоих положили сразу у ворот, еще двоих – практически тут же. Прислуга в этот раз не пострадала, и Гридя, который уже приспособился общаться со старостами, довольно быстро ввел выдернутого из деревни местного в курс дел, вывалив все новости об изменениях в их положении... Но на полдня отряд все же задержался, пришлось еще и в самом селе (среднего размера, без церкви) речь произносить, и разъяснять, что к чему. Ну, и про дороги заодно уточнили. Это как раз позволило немного свернуть и выйти к Хапсалу с северо-востока, как бы от Ревеля, где шла дорога, условно повторяющая здесь уже близкую береговую линию.

По ней и выехал к городу Ждан с сопровождающими, на это время став в отряде главным. Ему играть самого себя и не надо было, так что в Хапсал они заехали спокойно, но остановились все же на окраине. День купец потратил на знакомство с торговой и складской частью города, а пара человек Гриди в это время выясняла нужные отряду сведения. Хапсал, как и Пернов, располагался на берегах большого залива, но, если в Пернове залив был образован рекой, здешний представлял из себя несколько довольно мелких отдельных озер, соединенных с морем протоками. Удобных мест для жилья здесь было не так много, а сам городок располагался на южном берегу этих заливов.

Епископский замок в Хапсале относился к постройкам времен завоевания Ливонии рыцарями, и был, пожалуй, даже больше Вейсенштайна. Были тут и стены, и башни, но расположен он был не на отдельном острове, а на берегу, в том месте, которое было чуть повыше окружающей равнинной местности. Близко к замку посадку города разрастаться не давали, он стоял практически отдельно, но чуть дальше шла довольно плотная застройка, через которую отряду никак бы не удалось пройти незамеченными. Помогла зима – через замерзший залив кое-где были тропки, но мало, а с воды и стены замка были ниже, и вряд ли дозорные стояли... Так что план у Гриди сформировался довольно быстро. Когда вернувшийся к ночи Ждан подтвердил, что в первом приближении городок он осмотрел, Гридя рассказал ему о своих задумках.

Они договорились все же разделиться, и на следующее утро купец с несколькими сопровождающими после плотного завтрака не торопясь уехал дальше на юг по дороге, которая так и шла примерно вдоль побережья. Их группа на подходящей развилке должна была свернуть на восток и вернуться на тот путь, которым они шли к Хапсалу. Гридя же, вроде как задержавшийся по поручению купца, с остальными уехали с постоянного двора лишь после полудня (улучив момент и подсунув вроде бы вменяемому хозяину описание суда над орденцами, шепнув, что то весть тайная, но своим, кто понимает, рассказать о том можно), но – по дороге обратно, с которой они свернули к морю, и уже в сумерках, пройдя по северному, почти не заселенному берегу залива, вышли напротив замка. Именно там все и ободрали морды лиц – побережье заросло густым кустарником, и надо было продаться сквозь него, да еще и не зажигая огня и не на шумев, чтобы все же не привлечь внимания орденцев. Залив был в этом месте шириной чуть больше версты, и в сумерках (а тем более в темноте) их заметить уже не могли, что позволило выйти к замку с воды, установить и нацелить направляющие и отправить три ракеты, как на учениях. Гридя волновался (да и Федот, и все бойцы тоже), и поэтому рискнул, кроме первой разведки, на всякий случай отправить поближе к замку пару своих с «бензином», кувшинчики с которым они тоже везли с собой, но меньше, чем группа Петра.

Вой первой ракеты и огненный хвост за ней все же заставили всех присесть (а кое-кого – и испуганно перекреститься), но теперь пора было торопиться, и две остальные были выпущены четко и без задержек. Звук от разрывов был не сильный, а вот попали ракеты неплохо, по крайней мере одна – там сразу начало разгораться яркое зарево. Надо было срочно уходить с заснеженного льда, на котором они стали хорошо видны, и группа ушла обратно, по тем же кустам, быстро разобрав направляющую – следов остаться было не должно. Вернувшиеся сле-

дом бегом лазутчики подтвердили, что все три ракеты ушли за стены, и добавили, что они и сами подпалили несколько небольших орденских лодей, которые, как оказалось, были вытасканы на зимовку как раз на берегу возле замка. В итоге первую версту бойцы уходили снова в темноте по кустам, правда, в этот раз со спины им подсвечивал разгорающийся и в замке, и на берегу пожар. Тут, пока не продрались до чистого места, где оставляли коней, их морды пострадали снова. По темноте, хоть и с факелами, но все равно почти шагом, группа смогла по дороге на Ревель добраться до того отворота, где они выходили на нее же, и вернуться на свой путь. А через день обе группы соединились (Ждан, свернув в леса с дороги на юг, к Пернову, тоже ускорил движение), и двинулись обратно. Федот всю обратную дорогу принимал поздравления, а группа, запускавшая ракеты, похоже, уже записала себя в постоянные метатели огненных стрел. Особо они на обратном пути не мешкали, но и расстояние было больше, и дороги хуже, так что и вышло несколько дней разницы.

Милана, которая в приказном порядке загнала всех с оцарапанными мордами на осмотр (хоть они и говорили, что промывали царапины настойкой), выловила двоих покашливающих, и отпаивала их пару дней своими отварами – то ли пока бегали ночью по заливу, застудились, то ли после в дороге расслабились. А Федот с Гридей долго и подробно рассказывали всему руководству, как именно отработали ракетами. После чего все снова стали пытаться старче, и он постарался выжать из своей головы о ракетах все, что помнил, и что могло быть применено прямо сейчас. Готовые направляющие на повозках возить, хотя бы легкие щиты для расчета заранее сделать, если в поле воевать, тренировку расчета установки на нужную дальность и возвышение по проставленным заранее меткам на направляющих... он вспомнил даже про то, что можно лошадей специально приучать как к выстрелам, так и ко взрывам, хотя, конечно, свист от ракеты был такой, что все равно придерживать лошадок придется, даже если они будут не рядом... Все слушали и мотали на усы, но для Димитрия через Федота был наказ один: надо бы этих «стрел» побольше!

Федот, разумеется, обещал все рассказать хозяину, как было, сам попросил кое-что записать для памяти из рассказов старца, и очень тепло распрощался с бойцами Гриди, уезжая вместе со Жданом. Сам купец имел перед отъездом долгий разговор с князем, и наедине, и – попозже – с приглашением Петра, Семена и Седова. Вел он себя, как показалось Николаю Федоровичу, как будто Хапсал был уже его (точнее, их с Твердом), и осталось доделать лишь какие-то досадные мелочи, все оттягивающие и оттягивающие момент вступления во владение городом. Да и вообще, купец торопился, так как вся его поездка в целом довольно сильно затянулась. Так что Ждан выпросил у них еще одну карту Ливонии, с реками, портами и дорогами, а также карту (скорее, схему) самого Хапсала (Гридины ребята делали заметки). Зато он оставил пятерку своих бойцов, для обучения всех их новым... приемам. Они должны были потом стать учителями-инструкторами уже для купеческих людей, а пока, в случае, если ливонцы пойдут большими силами, князь получил разрешение задействовать их в своих операциях.

В общем, купец уехал, увозя новые заказы от отряда (Гридиным диверсантам очень понравился «бензин» в деле, и армянам придется снова раскошегаривать свои котлы), а с ним уехал один из людей Петра, увозя грамоты в Иван-город, Псков и в саму Москву. Пакет документов к московскому князю получился приличный, для него пришлось делать специальный тубус, а вот грамоты в города были всего на паре листов каждая. Ждан обещал помочь с быстрой доставкой их нужным людям в Иван-город и напрямую во Пскове, а вот с Москвой дело было сложнее, но Петр заверил князя, что нужные люди есть и все получится.

Кстати, именно из-за грамот в эти дни был быстро, как-то даже походя, решен вопрос с переименованием замка. Никто до того этим не заморачивался, ни Вейсенштайном, ни Пайде (как он назывался у чудинов), его не называли – замок и замок. Но... в грамотах на Русь надо было указать, где и кем они писаны. И если с «кем» вопросов не было, то вот «где»... Немецкие названия князь указывать не хотел, и верхушка их Ордена была срочно собрана в башне. Сам

князь коротко озвучил необходимость переименования, и попросил всех высказать свои предложения. Но народ, услышав задачу, впал в ступор – до того города и замки называть никому как-то не доводилось... Ефима попытались было, как называлась столица у того самого пресвитера Иоанна, но он ничем не помог – если и было где в старых хрониках то название, то он сам его не знал... Посматривали и на старца, но тот лишь развел руками, сказав, что жить-то здесь дальше им, и выбрать, значит, надо для себя, а как оно тут все называлось через пятьсот лет, при нем, он и не знает, да и жили тут совсем иные люди, и за ними повторять смысла нет. Народ потихоньку все-таки расшевелился, и кто-то из десятников предложил назвать замок по озеру, на котором он стоит. Оказалось, что и озеро никак особо не называется, тоже озеро – и озеро, но князь зацепился за эту мысль и предложил назвать замок и селение при нем Озерском. Все сразу согласились, и дело было решено.

Правда, после, покопавшись в памяти, Седов предложил князю в документах именовать замок и город «Озерск-40». На закономерный вопрос князя, к чему это, он рассказал ему и Ефиму (которого тоже позвал, так как все это связано было с картами и документами, в общем, с писаниной, по его части), что в его время, правда, совсем в других землях, был создан почти на пустом месте такой город. И в нем жили и работали те, кто создавал для страны особое оружие и особую мощь. Именно их успехи (и случавшиеся там потери и жертвы) в свое время позволили стране встать вровень с сильнейшими того времени (а кое в чем – даже всех опередить), и предотвратить продолжение Второй мировой войны, уже против России, которое вполне серьезно рассматривалось тогда в планах самых сильных стран. Очередной рассказ о будущем, которыми давненько старче их не баловал, выслушали с полным вниманием. Все же князь попросил повторить его пятерке совета глав их Ордена (Ефим потихоньку заканчивал уставные и прочие документы по Ордену и доводил их до людей), Николай Федорович рассказал еще раз, никто не был против, и на карту и в документы Ефима были внесены изменения.

Конечно, так просто совпало, но именно после отъезда Ждана началось то, что потом Седов мог с полным правом назвать черной полосой для отряда. Правда, свести все события в кучу он смог только гораздо позже, почти к лету, а первое время отряд, замок и люди в деревнях под его началом жили довольно спокойно. Ушел через леса к Дерпту Грек. Отправили Пимена с вроде выздоровевшим Торгашом в Ревель, аккуратно, без лишних глаз – впрочем, Пимен особо не светился нигде, а Торгаша как привезли в бессознательном состоянии, так он из замка и не выходил. По их следам, буквально через день (точнее, через день в ночь), отправили диверсионную группу в Ревель же, собрав ее в основном из тех, кто ездил с Петром в Пернов – они успели отдохнуть, да и незачем было привлекать внимание к оцарапанным и пока не зажившим мордам второй группы. Сам Петр тоже ушел с ними – ему надо было оценить нынешнее состояние города лично. Еще через пару дней отпустили торговцев, живших до того на постоялом дворе. Они рванули по тому же ревельскому тракту, торопясь разнести такие важные и срочные новости, но... не успели. В Ревеле и без них хватало срочных и важных новостей.

...Как потом выяснилось из первых, так сказать, полевых допросов захваченных орденцев, и их более глубокого потрошения специалистами Петра и Гриди позже, а также из сбора слухов, примерно в это самое время независимо друг от друга произошли следующие события: орденское руководство в Нарве, обеспокоенное отсутствием комтура, решило послать гонцов до Везенберга, а если и там ничего не известно о причинах задержки начальства с капитула, то и до Ревеля. Гонцы, добравшись до Везенберга, выяснили, что кратчайшая дорога в центр Ливонии перекрыта, и оттуда только что вернулся лазутчик, сообщивший, что якобы там полно чужих-то чужих воинов, захвативших чуть ли не все земли юга. Лесами вокруг засек туда сейчас ушло сразу трое – с четким заданием выяснить, что там за люди, и хорошо бы непосредственно у этих самых воинов... Немного успокоили местных, везенбергских, орденцев, сведения о том, что у русских, в Иван-городе, все тихо и спокойно, и это явно не они. Но тогда кто?! Может ли

быть захвачен весь юг, так, чтобы тут, на севере, об этом ничего не было известно?! Рыцари совместно решили, что вряд ли, но в Ревель ехать надо. Гонцы поехали туда, прихватив пару человек уже из Везенберга...

...Тем временем в самом Ревеле тоже беспокоились о задержке руководства, а еще и полностью прекратился приток хоть каких-то новостей с тракта на Дерпт, а уехавшие, наоборот, в ту сторону купцы не возвращались, хотя вроде уже должны были. За сам Ревель местные не боялись – и укрепления хорошие, и до любых границ далеко, да тут сперва стало известно, что эзельский епископ давно вернулся с капитула в Хапсал (приехали торговцы по дороге, идущей вдоль побережья), а потом и гонцы с востока подоспели...

Совместно было решено отправить сразу две группы – вдоль побережья в Хапсал, к епископу, уточнить, что там прошло на капитуле, мало ли... И усиленный дозор – прямо по тракту, до Вейсенштайна, а если и там ничего не известно – то до самого Феллина. Но решение это принимали, не торопясь, в самом городе дозоры не усиливали, в крепости увеличенные караулы не поставили...

А зря. Так совпало, что в ближайшую же ночь, ближе к утру, в крепости, куда днем можно было попасть каждому (не везде, правда), в трех местах вспыхнули пожары, а еще загорелись склады ордена в портовой части. Надо сказать, что ревельская крепость в это время была, конечно, побольше тех же Вейсенштайна с Везенбергом, но даже до Пскова ей было далеко, и была она... недоделанной. Нет, не так: был более старый участок (старый замок), небольшая цитадель обычного размера с крепкой стеной (окруженной рвом), внутренним двором и башней. Здесь был арсенал, хранились огненные припасы и жило орденское руководство. Сюда чужих не пускали никак. Более новые пристройки к этому самому старому куску, хотя среди них и были отдельные крепкие башни, пока не были замкнуты новой общей стеной и в основном несли хозяйственные функции, так, здесь были казармы городской стражи, подчинявшейся уже не Ордену, а городскому совету, различные склады, запас провизии и прочее, и сюда можно было днем попасть довольно свободно. При этом кое-какая строительная работа в крепости велась, но, опять же, неспешно – ливонцы не считали положение Ревеля опасным.

Три двойки бойцов под командой самого Петра с небольшим запасом горючки смогли вплотную подобраться к казармам стражи, внутренним складам и близко (через стенку) к арсеналу. Труднее всего было согласовать время, и Петр сильно пожалел, что у них нет тех самых часов, про которые рассказывал старче. Зато были зажигалки, и каждая из двоек быстро закинула по четыре зажженных кувшинчика... Получилось все примерно в одно время, и спящая в казарме стража не успела оцепить и прочесать окрестности крепости. Правда, это не уберегло группу от потерь – по городу было несколько точек, где стояли ночные караулы, и выскочившие при шуме на улицы стражники из ночной смены столкнулись с одной из возвращавшихся двоек, и арбалет (снова!) унес жизнь одного бойца, а второму пришлось отрываться от погони по переулкам, оставив тело товарища... Но он ушел, и вернулся к месту сбора хоть и последним (и заметно подавленным), но все же до того, как вся группа собралась и уже спокойно, без беготни и шума, добралась до окраины города, где оставила лошадей.

Там их уже ждали две остальные двойки, которые выходили на дело в порт к орденским складам, при том попробовали хитрую задумку (на основе рассказов старца, дополнивших уже имевшийся у местных саперов опыт): не сразу разливали это масло и поджигали, а оставляли тлеющий фитиль, ведущий к кучке пороха и огненной дорожке до амбара от нее. Несколько вариантов такой затравки попробовали в замке, и самый подходящий использовали сейчас. Он позволял провести дело более-менее тихо, а самим исполнителям – успеть убраться подальше. Судя по тому, что зарево начало подниматься и в районе порта, но только сейчас – все получилось. Уже не особо торопясь, группа потихоньку, ведя лошадей в поводу, переулками вышла за пределы города, там поехала на восток, чтоб немного запутать возможное следствие, а с рассветом уже вскачь ушла к себе, в холмы, на юг...

Следствие, конечно, Ливонский орден провел, тем более, что крепость все-таки была в основном каменная, да и погибших не было (правда, были травмированные и обожженные). А вот казарма и склады в порту погорели хорошо, так что искать поджигателей взялись рьяно... Хотя и жило в городе более пяти тысяч человек, но специально учиненный розыск быстро прочесал все подозрительные места. Следы, конечно, нашлись. Нашелся и постоялый двор, где пришлые ночевали, и конюшня... Надо сказать, что в таких вот городах, портовых или нет, главное – не приграничных, в функции внутренней стражи входил контроль за прибывающими и проверка всяких подозрительных лиц. Но... делалось это не на входах за городскую стену (не везде она и была), а по тавернам, корчмам да постоялым дворам, и день-другой-третий задержки были нормальным явлением. А дешевые кабаки и ночлежки для бедноты могли и вообще годами толком не проверять. Нет, городская охрана от хозяина мзду получала, конечно... Того же Пимена с Торгашом, заселившихся на более дорогой постоялый двор, по чину, так сказать, стражники проверили уже на следующий день после их приезда, и не найдя, к чему придраться (и получив некую сумму вспомоществования на руки, как принято), даже подсказали пару домов, пригодных для съема – как он им о цели своего приезда и сообщил... С людьми Петра они, естественно, заранее договорились не пересекаться, так что у Пимена все прошло, как и было задумано.

Как оно в Ливонии в городах со стражей и проверками устроено, прекрасно знали и Грек с Торгашом, и еще пара человек Петра, бывавших здесь ранее, так что на проворачивании диверсий в один день и строился расчет, что в Пернове, что в Хапсале, что тут, в Ревеле. И по факту – все так и вышло, как надо было! Ну, а погибший... что ж, не первый, не последний... В замке рассказ вернувшегося Петра встретили с пониманием, помянули побратима, в церкви появилась новая дощечка с именем и траурной рамкой, и Гридя, который с десятком своих собирался к Везенбергу (огненные стрелы еще остались, надо было использовать быстрее, пока Орден, действительно, не осознавал масштаба опасности и не усилил дозоры везде), поспешил со сборами. Но... тоже не успел.

2

Следствие, проведенное Орденом в Ревеле, в том числе занималось и телом неизвестного нападавшего, убитого дозорными. И кольчуга, и тесак-кошкодер по оценке знающих людей оказались однозначно орденскими, но вот все остальное – одежда, нож, всякие мелочи, по словам тех же повидавших виды людей, было, скорее всего, московитским. Нательный крест тоже не дал однозначного ответа, так как был простым деревянным, который мог быть как у католика, так и у православного. Не нехристь, хотя бы...

Совпадение приезда гонцов из Нарвы и Везенберга с этим ночным нападением изрядно насторожило ревельских орденцев, а орденское же оружие и броня, найденные на убитом, только усилили их подозрения. И в самом деле, при полном отсутствии с осени сколько-нибудь опасных слухов о готовящемся нападении внешних врагов, все эти события могли быть внутренними распрями, перехватом власти, например... Это изрядно осложнило расследование и уж точно его не ускорило, но по любому получалось, что, действительно, против Ордена действуют какие-то воины, и они где-то уже совсем рядом. Так что и в Хапсал, где вроде как все было в порядке, была отправлена целая пятерка, и на южную дорогу – почти два десятка верховых с двумя рыцарями во главе, а кастелян Ревельского замка начал устанавливать в городе порядки военного времени.

Вот с этим-то отрядом в два десятка, едва выехав из своих (уже своих, да) холмов, и столкнулся десяток Гриди, чуть-чуть не успев на развилке свернуть с тракта на восток, в сторону Везенберга. Был там такой трехдорожный перекресток... Гридины бойцы в этот раз тоже были все верхами, но одни сани с собой все же взяли – там везли ракеты, разобранные пока направляющие и кое-какие припасы. После возвращения группы Петра было понятно, что теперь-то ливонцы точно начнут шевелиться, и все всадники были настороже, да и в экипи-

ровке кое-что поменяли. Но настороже были и орденцы, а еще сказалось их двукратное превосходство в численности – завидев неизвестных, ливонцы только прищипорили коней. Десяток Гриди тоже сворачивать не стал, а, быстро обменявшись несколькими знаками распальцовкой, продолжил ехать навстречу. Саженой за десять орденцы стали все же притормаживать, разъезжаться от дороги чуть в стороны и доставать оружие, одновременно приказывая остановиться этим незнакомым встречным, но... Гридя дал отмашку, и два изготовленных самострела тренькнули, извлеченные из-под зимних накидок, к орденцам улетело с пяток бомб, а через пару мгновений три дробовика, получив фитили к запалам, выплюнули в их сторону крупную дробь. Численный перевес и чувство, что они на своей земле, сыграли с ливонцами злую шутку.

А вот дальше все же началось всеобщее рубилово. Кони у обеих групп были не приучены к взрывам и выстрелам, хотя отряд все же начал тренировать своих, и первые выстрелы (а уж тем более взрывы) смешали общий строй, а кое-кого и уронили. Но орденцы тоже были в снаряжении (рыцари и вовсе в латах, легких, правда), а уж кольчуги-то надели все. Примерно так же были экипированы и Гридины бойцы, разве что чуть полегче, да сверху все это было прикрыто зимними вещами, как и у орденцев. В общем, взаимной конной схватки, как и полного истребления кого-то одним ударом, не вышло, но первый ход дальнобойным оружием и первый натиск в рукопашной остался за Гридей. Ливонцы были, конечно, не все убиты и даже не все сильно ранены (доспехи), но все изрядно ошеломлены и скинуты с коней – парочка самых задних только смогла удержаться в седлах. Пока они успокоили коней, пока снова сунулись к образовавшейся куче-мале, почти все уже было кончено. Свалка не давала больше воспользоваться бомбами и огнестрелом, но оставшийся с санями боец Гриди, которому покидали самострелы, успел раза три перезарядиться и снять двоих из самых резвых ливонцев – одного наглухо, и одного рыцаря подранить, пока бойцы разбирались с ошеломленными, в основной массе валяющимися на снегу врагами. Да еще раз перезарядившись, он стрельнул в спину двум всадникам, которые развернулись, и, нахлестывая коней, поскакали обратно, к Ревелю – на этой дороге они проиграли...

Ливонцы взяли свою цену. Двоих убитых привез в замок Гридя (о продолжении поездки к Везенбергу не могло быть и речи теперь) и троих раненых. Раненые сами пошли к Милане – наскоро перевязались все там же, на дороге, а промыли раны и сделали нормальные перевязки уже на своем дозорном посту, в ближайшей деревне. Погибшими занялся Михайла – эта печальная обязанность так и закрепилась за ним. А лишь слегка оцарапанный Гридя доложил, как все было. Был он при этом собран, деловит, вполне боеспособен, но не только князь понимал теперь, что размен людьми с ливонцами даже в таких соотношениях они не могут себе позволить, и, если по итогам схватки в броне с оружием у них снова был прибыток, по коням – вышло так на так (чужих забрали, но кого подранили, кто ускакал и не дался потом поймать себя), то вот по людям... Планы надо было срочно переделывать, и на северную часть тракта сразу же отправилась большая группа народу – все же делать такую же боевую засеку, как и на юге, места под нее в холмах были...

А атаку на Везенберг провели совсем по другому плану. Он сложился у руководства отряда, когда вернулись Гридины бойцы, караулившие лазутчиков в ближайшей к Везенбергу деревне, возле засек. Троицу пришедших от орденцев перехватили в самой деревне, когда встретивший их по договоренности местный староста вел их к себе. По свистку деревенские мужики выпустили из переданных им луков пару стрел да начали закидывать их из-за заборов чем под руку подвернется, близко не подходя, староста отскочил под шумок, а троица наших бойцов кинулась в рукопашную. Почти чисто взяли – один из ливонцев, будучи здоровее других (и, видать, поопытнее), кроме тесака имел еще и тонкий кинжал из хорошей стали, вроде мизеркордии, которым и пробил кольчугу одного из бойцов отряда, прямо в сердце... Его быстро уложили, да и остальные орденцы не долго прожили – и стрелки из луков не промах-

нулись, да и вообще, оставлять в живых их никто не собирался, быстро разговорили, узнали, что нужно, да и прекратили мучения неоднократно раненых, но в этой схватке размен прошел три к одному...

Так что двое вернувшихся привезли тело товарища и сведения. По ним был составлен новый план, и новая тройка, из тех, что освоили обращение с ракетами, ушла верхами до малой усадьбы, а оттуда на лыжах с ракетами на легких волокушах через леса к Везенбергу, так, чтобы точно не попасться на глаза патрульным орденцам, взяв в проводники одного из местных, пообещав ему оплату, как за троих ливонцев.

Князь, после осмысления последних новостей, все же решился, и посыльные мальчишки повезли по деревням новую весть о том, что, кроме объявленного ранее положения «вне закона» для любого члена Ливонского ордена, орден Красного знамени объявляет плату за любого орденца, живого или мертвого, лучше мертвого – «чтобы не гибли зазря людишки ливонские от их лап сатанинских». И добавляет к ранее розданному оружию еще луков со стрелами, забирать которые снова надо старостам. Для Седова все это выглядело вполне обычно, хотя, конечно, общее беспокойство от того, что ливонцы явно про них узнали и начали активное противодействие, у него было. Но вроде как это было ими заранее обсуждено, что так обязательно случится, вопрос только времени?... Оказалось, дело не только в этом. Как-то раз, на их вечерних посиделках, дождавшись, когда смурной князь останется с Семеном (почти все десятники были в разгоне, ожидая теперь появления орденцев со всех сторон их небольших владений), Николай Федорович поинтересовался, не упускает ли он чего в своих рассуждениях, ведь явно князя гнетет что-то.

И получил неожиданный ответ – действительно, с ливонцами все было ясно заранее, а вот увеличившаяся раздача оружия селянам, особенно луков, вызывала опасения. На просьбу пояснить, что не так, ему ответил уже Семен:

–Мы, старче, для местных еще не стали своими. Это если кто с русских земель пригнан или родители оттуда были, для них – да, да и то, посмотреть надо... Если бы хоть год-другой прошел, когда мы им земель прирежем, да оброк с барщиной уменьшим, а так – пока чужаки и есть... Так что, как ты сам давеча говорил, одна стрела из леса – и все...

Князь кивнул, а Седов, действительно, вспомнил старый разговор, что пока не нужно князю выделяться... Тогда у местных селян луков с копьями не было, и опасаться надо было только орденцев, а как повернется сейчас – с этой стороны он на ситуацию не смотрел. На уточнение, а как оно с этим на русских землях, он получил прямой ответ, что никогда крестьянам оружие князь не раздает, кроме поселений совсем уж на рубежах – не положено им оно, не по чину! На вопрос о Никодимыче, имевшем целый арсенал, было сказано, что исключения всегда есть, так, старые дружинные воины, на покой ушедшие, конечно, оружие свое имеют, да дети боярские – самые бедные владельцы земель, из однодворцев да иных небогатых, тоже. Охотники еще, но там другое. Казаки тоже... Но крестьянам – только в ополчении разве копье дают, ну так и толку с того ополчения... Они, когда обсуждали дальнейшее свое житье здесь, с его же подачи, собирались от такого порядка отойти и сразу молодежь кое-каким ухваткам да приемам обучать, да оружие после того выдавать по селам, а вот выходит так, что сразу надо это делать, оттого и сомнения... Князь кивнул снова, и Седов, поблагодарив за разъяснения, ушел озадаченным, и еще пару ночей ворочался дольше обычного, обдумывая новые расклады. А потом новые события заставили на время отложить эти раздумья.

На четвертый или пятый день после того, как разъехались мальчишки с новыми объявлениями князя, приехал староста одной из деревень, что стояли ниже по течению Пярну, и привез на санях... тела трех орденцев. Его встретил еще на тракте дозор, сопроводил для порядка к замку, так что попал он сразу к князю и рассказал следующую историю. Левая сторона его лица при этом представляла собой сплошной синяк, а на правой был свежий порез, и поэтому Седову (который был здесь же, ясное дело), сперва показалось, что староста ранен –

но нет, выяснилось, что это у него речь такая, неторопливая, обстоятельная, с растягиванием гласных... Так что кто у него был в предках, становилось ясно практически сразу, с учетом его почти белых волос и светло-зеленых глаз.

Говорил он долго и медленно, а вот дело вышло короткое и резкое. Феллинский кастелян, узнав от своих разведчиков, что, похоже, вся ушедшая с комтурами полусотня лежит в небольшом овражке рядом с трактом (и комтуры сами как бы не там же), озаботился уже все-рьез. Были снова разосланы по всем дорогам конные десятки, только недавно вернувшиеся на зимние квартиры после ловли банды, а магистру ушло донесение о бунте на всем севере Ливонии, да и во все крупные ближайшие поселения усакали гонцы с этими же вестями. Если в Дерпте и южнее было все спокойно, то уже в Пряну, в самом городке, гонцы узнали и о нападении с поджогом, и о странных слухах... А на сам север кастелян отправил людей, с задачей пройти не в лоб, а по лесам да малым дорогам, да разведать толком, что там на самом деле творится и кто те бойцы, что уже прилично орденцев побили (в бандитов и крестьянский бунт ему уже особо не верилось).

Тройка из таких лазутчиков и вышла (видимо, по реке) на деревню. Бойцы оказались резкие и опытные, прошли незаметно, а селян ни во что не ставили, поэтому заявили сразу к старосте, дали по морде ему да бабе его, и стали жестко расспрашивать... Скормил бы им староста ту же байку, что прошла возле Везенберга – о неизвестных людях большим числом в железе, может, и сошло бы ему с рук... Да был в деревне за пару дней до того мальчишка-гонец с новыми вестями от князя, а оружия они еще с первой поездки в замок пару комплектов привезли. Так что пошли деревенские мужички старосту выручать – какой ни есть, а свой... Орденцы не испугались, а, вытащив старосту на крыльцо (с приставленным к горлу ножом), стали обвинять собравшихся в бунте, с призывом немедленно разойтись в ожидании справедливого наказания, а не то всю их бунтарскую деревню перепорют да халупы их спалят.

Месяц назад – так и вышло бы, да больно уж многое случилось за этот месяц. Может, и сейчас бы как-то иначе прошло, да жил в этой деревне мужик один, которого лет семь назад с Литвы пригнали, а родную его деревню при этом сожгли. Был он замкнутым, и толком никто не знал, как там все вышло, но вроде как сгинула у него вся семья – то ли сгорели, то ли не дошли... Так он бобылем и жил. Оружие ему на раздаче от нового Ордена не досталось (нашлись покрепче), но, как услышал он про «спалить деревню» – так заревел и кинулся на этих троих с малым ножиком... Те, хоть и в кольчугах были, и вроде как готовились ко всему – не ожидали такого, да и староста успел извернуться и даже подтолкнуть с крыльца пару орденцев в кучку набегающих мужиков...

Тела орденцев, сейчас задубевшие на морозе, наглядно показывали, что тяжелое дробящее оружие (дубины) в руках людей, привыкших к тяжелому же крестьянскому труду – аргумент в любом споре весомый, смертельный... Привезший их староста винился, что живыми взять не смогли, и интересовался насчет награды... На вопрос же, что стало с тем мужиком, и сколько еще погибло либо было поранено деревенских, ответил, что сам Михась (так его звали) принял в своем рывке на свое тело сразу два тесака орденцев, чего (при полном отсутствии защиты) тут же и не пережил, а из остальных, кроме него, никто и не пострадал, считай, разве что кое-кому в запарке своими же дубинами досталось. Удивленное молчание князя, Семена и других, кто рядом оказался, сказало Николаю Федоровичу лучше многих слов, что случай это редкий, и дальнейшие расспросы, которыми эти опытные воины пытались у старосты точнее выведать, как оно все происходило, так сказать, на местности, это только подтвердили... Старосту отправили сперва к Милане, и та все же наложила ему примочку на лицо (да с собой дала), а потом они долго и обстоятельно торговались с Федором и Семеном – что получают деревенские в награду. Да за привезенное орденское оружие и броню, да как бы стрел да копий взять побольше, а тесаки отдать – не умеют ими мужики пользоваться-то, как вышло... Договорились, и оставленный в замке ночевать староста получил и оружие, и награду, которую

должен был поделить на тех, кто участвовал в стычке, и свою долю, как старосты – десятую часть сверх того, что получают непосредственно те, кто орденцев убьет либо захватит (о чем тоже мальчишки в деревнях говорили)...

На следующее утро он уехал (вроде бы, уже со спавшей опухолью и довольный), а Седову пришла в голову идея. Лучше поздно, чем никогда, и к обеду он подошел к князю... Тому понравилось, но захотелось обсудить с десятниками, те были в разъездах... Но дня через три Михайла повез в ту деревню крест, который и был установлен там на свежей могиле Михася. На нем была вырезана их орденская звезда с крестом да надпись «Михась-литвин», а самое главное – Михайла отвез селянам весть, что Михась их был внесен в список отряда, с князем пришедшего, да в церкви, где имена погибших бойцов их хранятся, дощечку с его именем добавили. Да обмолвился еще, что, будь у Михася жена, так награда его досталась бы ей, как оно у них положено... Староста с еще парой мужиков вернулся с Михайлой в замок, чтобы убедиться в том (дав Седову еще одно подтверждение, что некоторые прибалты бывают очень уперты), уточнял у Ефима про запись, дощечку в церкви разглядывал – а потом долго кланялся и князя благодарил... А еще через пару дней из той деревни пришло сразу пятеро мужиков – записываться в отряд... Семен, поговорив с ними и проверив общую подготовку, одного все же оставил в самой деревне, а четверых взял. И тут уже не Николай Федорович, а Ефим подсказал князю, и те же мальчишки на лошадках разнесли по всем деревням и эту весть – как пришли в то село орденцы, и что из этого вышло... Приток мужиков в отряд, прекратившийся после того, как все, имеющие к орденцам старые претензии, в замок пришли, после того возобновился. Да и из тех лазутчиков, что кастелян Феллина посылал, удалось взять кого мертвыми, а пару в разных местах живыми, но поранеными. Не везде получалось это малой кровью, но в итоге князь о том, что орденцами он раскрыт, и ищут они подходы к замку, узнал.

Правда, узнали и в Феллине (видать, кое-кто из разведчиков оказался поумнее, обделал все тихо и вернулся обратно) примерную численность противника, их расположение и русские корни. Да и вообще вся орденская цепочка городов и крупных замков: Дерпт – Феллин – Пернов – Хапсал – Ревель – Везенберг – Нарва – похоже, это узнала и стала готовиться к возврату своего, хотя и не координировала пока между собой свои действия никак. Точнее, юг был отдельно, север отдельно, а эзельский епископ вообще из замка не выходил – ему опалило на том самом пожаре в замке лицо, не сильно, но заметно, и после слухов, распространившихся по Хапсалу и окрестностям, что адским пламенем горят замки ордена за грехи орденцев, показываться перед паствой с такой отметиной было совершенно невозможно, кто понимает...

Неладно было между ливонцами и по северу. Ревельцы, оставшись без комтура, хоть и сняли с соседей подозрения в прямом предательстве (вести из Феллина дошли по побережью), но все равно считали, что без измены не обошлось – как-то же добрались эти пока неизвестные противники почти до края орденских земель?... Через кого, через земли каких комтуров или епископств?... Да и потеряна в схватке на тракте у них была, считай, пятая часть их воинов (именно орденских, городская стража так в городе и сидела). Везенберг сперва напрасно ждал своих лазутчиков, а потом ночью получил три ракеты в замок и пожар (тройка бойцов отряда разведала местность, скрытно вышла на ближайший соседний холм и запустила все три ракеты по месту, а деревенский проводник закинул своему знакомцу в замковый посад, что стоял под этими холмами, список с решения суда, наказав кому попало не показывать). Бойцы, вернувшись обратно даже без погони (ливонцы не были готовы к ракетам, и искали поджигателей сперва внутри, потом под стенами), получили по малому знаку ордена, а деревенский – обещанную награду, и снова гонцами-мальчишками была разнесена весть, что очередное поражение получил ненавистный Орден. Да еще Николай Федорович на вечерних посиделках в столовой зале после награждения по этому случаю не преминул напомнить, что вот так диверсанты и должны действовать – тихо ушли, тихо пришли, что надо – сделали.

В Нарве не знали, чему верить – вестям от гонцов, рассказывающих о странных пожарах и не менее странных слухах, или своим собственным глазам, видящим в Иван-городе, за рекой, обычную для зимы неспешную жизнь русской крепости, почти замершую до лета... Да и вообще, сторонники протестантов в Ливонии очень активизировались после начала распространения этих слухов, как на юге, так и на севере, все громче заявляя о грехах в первую очередь епископов Ордена (но и всего священничества в целом), отчего даже в среде рыцарей, не говоря уже о простых воинах, пошли некоторые шатания. А уж какие слухи расходились и на севере, и на юге среди крестьян... Об отмене кабалы для всех холопов Ордена в письмах тех тоже было написано...

Феллинскому кастеляну от магистра пришло указание жестко разобраться со смутьянами, послав весть (от его имени) о необходимости того же всему северу, включая епископства, и даже Нарве ушел приказ – выделить воинов для проверки рубежей вдоль реки и Чудского озера. Кастелян начал собирать силы. По прикидкам, на это дело должно было хватить сотен трех бойцов, из них около пяти десятков тяжеловооруженных всадников под предводительством конных рыцарей – большее количество и не нужно было в тех лесных местах, и с припасами и ночевками для такого числа становилось совсем неудобно. Не отменяя усиленных дозоров по дорогам, кастелян стал созывать (властью магистра, подтвержденной грамотой) войска от соседей, да послал соответствующие приказы по побережью. Дело продвигалось не быстро, то епископы людей зажимали, то с теплой одеждой нехватка случилась, но все же шло.

Князь и остальные в замке об этом тоже кое-что знали. С усиленными дозорами Ордена их дозорные сталкивались, те же пленные лазутчики кое-что рассказывали, да еще пришел из Дерпта Грек – снова через леса, весь черный и отощавший, но живой и даже не поморозившийся. Отчитался, что письма в те корчмы на дорогах, куда хотел, доставил, с нужными людьми словами перекинулся, да не удержался, и в самом Дерпте подпалил епископу его подворье. Вроде, склады какие-то, но удалось сделать все чисто и уйти тихо, хоть и пришлось за отсутствием «бензина» использовать масло и порох... Отмывшегося, отдохнувшего и отъевшегося Грека князь сперва отругал, а потом по совокупности всех его заслуг наградил знаком их Ордена в золоте, но не перед строем, а только при капитуле, да такой же знак в серебре приготовили для Торгаша, так и сидевшего пока в Ревеле. А эмблему для них подсказал старче – кинжал на фоне плаща, как выяснилось, символы эти были и так вполне понятны, а уж с пояснениями – тем более.

Напряжение в замке все это время нарастало. Черета стычек, снова уносившая жизни чьих-то близких друзей и общих побратимов, желание поквитаться, понимание того, что ливонцы взялись за них всерьез... Гридя почти перестал появляться в замке, мотаясь со своими по лесам и дорогам – по его словам, на них за это время можно было записать более десятка убитых орденцев. Мотался с конниками по всем дорогам и Степан, ушел, наскоро обучив новичков, обратно на тракт Черный... Вообще, почти весь отряд стоял по ожидаемым направлениям ударов, как сказали бы в 21 веке. Дошло до того, что пятерка людей Ждана ходила в ближние дозоры от замка, а Седов и Федор наравне с прочими выходили в самом замке начальниками караулов. Даже Малх сунулся было с помощью, но был отправлен к Ефиму, который так в основном и занимался орденскими документами, правда, по воскресеньям все же проводя в церкви беседы-проповеди, уже в своем новом стиле. Пришлось и Николаю Федоровичу повторить свои рассказы – о чистоте, об общем устройстве Земли, да (по особой просьбе Ефима) о питании. Деревенские и чудишки слушали его с огромным интересом, но особо вопросы задавать пока стеснялись.

А вот Якоб освоился, как-то по привычке к новому руководству (да и то сказать – пока между отрядом и местными не было никаких стычек, не говоря уже о драках или иных подобных случаях), и много времени проводил в замке. Да и что за люди в этом новом Ордене, он примерно уже понял... Особо они сошлись с Федором, ну, оно и понятно – казначей и хозяй-

ственник. А у Эле с Магдой и Миланой получился свой, бабский триумvirат, который, как подозревал Седов по косвенным приметам, потихоньку забирал все хозяйственные функции в приличном замковом хозяйстве в свои руки. Так, к расходу молока, яиц и прочих, так сказать, возобновляемых продуктов, Федор уже практически не касался. Впрочем, как они там между собой договорились, никто толком не знал, да никто из руководства и не хотел особо лезть в бабские дела, раз хозяйство в порядке. А вот из явно видимых результатов тех договоренностей – в замке, в рамках постоянно поддерживаемой бабами чистоты, появились плетеные циновки из местного камыша или тростника, Николай Федорович не разбирался. Оказывается, на дальнем конце озера, в заболоченной части, его были целые заросли, и зимой, по льду, его было легко срезать там хоть целыми возами. Вот его и нарежали, а чудинки у себя наплели таких ковриков, разных размеров. Они довольно быстро истрепывались (и уходили в печки), но в замке стало заметно чище.

Милана в первую очередь занималась ранеными, но, слава богу, тяжелых не было – сказывалось наличие хорошего снаряжения, правда, на одного бойца пришлось снова потратить антибиотики из будущего – похоже, не до конца промыли несколько неглубоких резаных ран, началось воспаление и жар. Но таблетки помогли, и этот случай послужил напоминанием, что первичную обработку запускать никак нельзя, и проводить ее надо очень тщательно, иначе вот что будет.

Если раненые все же были легкими и почти тут же вставали в строй (конечно, бойцы с переломами оставались на лечении, заняв уже всю комнатку импровизированного медпункта), то привозимые из стычек тела своих погибших пополняли местное кладбище, где уголок отряда уже сильно разросся. Всего за эти примерно три или четыре недели (Седов тогда даже не считал) общие потери отряда достигли трети от того числа, что когда-то вышло с подворья Сига. Не все из них упокоились на кладбище возле замка заботами Михайлы – двое дозорных просто пропали, лишь лошадь одного пришла через день в деревню, где стоял дозор, со следами крови на потнике... Тогда и появилась в бумагах Ефима первая запись «пропали без вести» и две дощечки на прилично уже заполненной стене в церкви с именами, но без черной каймы. Нет, с учетом пополнений отряд не потерял боеспособности и даже значительно вырос, но эта полоса была определенно черная...

А как эта полоса закончилась – Седов мог сказать точно. В тот день с утра, сразу после завтрака, Якоб снова пришел в почти пустой замок, и попросил дневального подсказать ему, где нынче искать князя (старосту давно перестали сопровождать внутри замка, и по нехватке людей, и по признанию его своим). Тот нашелся в зале на третьем поверхе, не успев пока никуда уйти или уехать по делам. Здесь же были и Семен с Петром и Федором, и старче, и Якоб, поздоровавшись, начал довольно невнятно рассказывать про... погоду.

–Так что, ваша милость, дело верное – князя староста все же побаивался, и сейчас и сам мялся, и шапку свою мял – надо бы передать, на заставы ваши. Да кто в дозорах... Я уж тут еще к двоим нашим, кто из стариков, зашел, оба говорят – точно кости ноют...

Из уточняющих расспросов выяснилось, что по местным приметам в ближайшие дни следует ожидать резкого изменения погоды – метели с сильным, шквалистым северным ветром, которая (с перерывами на день-два) обычно устанавливается в это время седмицы на две-три, а то и четыре, как повезет. Вообще, погода за это время была обычной для местной зимы – то небольшой снежок и легкий морозец, то морозы чуть покрепче, и солнышко иногда выглядывало. «Похоже, у них тут есть аналог наших февральских метелей – понял Николай Федорович – а какое у нас число?». Теперь он редко смотрел дату и время на телефоне, ни к чему оно было... Число в телефоне оказалось 23 марта. Дата эта что-то напомнила Седову, но он сообразил не сразу, а когда понял, чуть не хлопнул себя по лбу...

Еще несколько раз уточнив все подробности, князь все же принял решение разослать гонцов с предупреждением, как себя вести в случае метелей. Предлагалось особо не высовываться,

в дальние дозоры не выходить (а по одному – вообще никуда не передвигаться), даже тем мальчишкам, что все это время разносили внутри занятой территории новости, ездить только по двое и после окончания метелей, если не случится чего особо важного. Напоенный взваром староста, видя, что князь воспринял все серьезно, несколько расслабился и еще несколько раз на все лады повторил, что так и будет, приведя примеры с прошлого и позапрошлого годов, и с каких-то еще его детских лет. Седову стало интересно, и он спросил – а что с погодой обычно бывает дальше? Вроде как уже отвлекшийся от их беседы остальной народ снова заинтересовался, и все в полном молчании внимательно выслушали от Якоба, что дальше обычно бывает малый перерыв (еще даже иногда с морозцами), на седмицу, много две, но бывает, что к концу метелей снег сразу идет мокрый, чуть ли не с дождями, и погода поворачивает на тепло. Ну, а потом все зависит от температуры, ветров и дождей – бывало, что теплые дожди с ветрами смывают чуть не весь снег на полях за седмицу (в лесах-то гораздо дольше, кто понимает). Конечно, староста все это рассказывал долго и многословно, но в любом случае это было очень важно, и гонцу к Гриде дали задание передать еще и эти слова. После ухода старосты все еще раз обсудили ситуацию, которая получится, если погода действительно поменяется. Выходило, что им оно сильно на пользу...

Приметы не обманули – на следующий день еще до рассвета, как сказали дневальные, с неба посыпались крупные хлопья, уже к завтраку поднялся ветерок, а где-то к полудню и завьюжило. В этот день никто еще не поверил толком, что все будет, как Якоб рассказывал, и народ был так же напряжен, но уже на следующий день стало ясно, что у них передышка. Появились другие неудобства – двор замка приходилось чистить по два раза на дню, на улицу особо старались не высовываться, дневального со стены убрали, переведя в караулку возле ворот... Вьюжило сильно. Холмы, несколько прикрывающие замок и село с севера, не спасали от ветра, но делали его неровным, рваным, с порывами, кидающими снег не сплошным потоком, а отдельными зарядами, так сказать. Но чистить снег (работали поочередно все, даже князь пытался взяться за лопату, но его таки отговорили) было легко, потому что все понимали – по такой погоде к ним никто не придет точно. И даже когда эта метель кончится, у них будет еще время – по словам того же старосты, тракт после этих снегопадов раньше расчищали (а точнее, набивали новый санный путь) чуть ли не пару седмиц.

Люди выдохнули и заметно расслабились, даже князь. Хотя связи ни с кем из своих и не было, но случиться точно ничего не могло – гонцов разослали, вовремя предупредили, припасы у всех были... А тут еще старче снова удивил, сообщив, что у него скоро день рождения, и он хотел бы его слегка отметить. Николай Федорович родился 30 марта, и предупредил князя и десятников за пару дней. Все уже успели выспаться, отдохнуть, привыкнуть к новому распорядку и даже слегка заскучать (приходилось почти постоянно сидеть в помещениях), так что идея устроить небольшое празднество всем понравилась. Вообще, рязанцы помнили из рассказов старца еще у Никодимыча, что в будущем принято эти даты праздновать, упоминал об этом Седов и позже – когда рассказывал и показывал документы людей будущего, но тут была конкретная дата у него самого, мало того, 55 лет!

Праздник получился душевным, из двух частей. В обед все собрались в столовой зале, и князь произнес в честь старца здравицу. А после, под вкуснейшие пироги (Магда выпросила у Седова, как положено отмечать, и из доступных вариантов они сошлись на пирогах – с рыбой, с мясом, с творогом, с сушеными ягодами, ммммм...) да под наливку, Николай Федорович снова рассказывал, как оно там через пять сот лет, все устроено. Но это не была лекция на два часа с одним выступающим – нет, это напомнило ему, скорее, его предыдущие юбилеи, отмечаемые в полуофициальной компании (например, с коллегами, когда он еще работал). Атмосфера была довольно свободной, но лишнего бойцы не говорили и все же держались в неких рамках (да и спиртного сейчас князь все же разрешил выдать с разумным ограничением, учитывая, что пива у них давно не было, а их наливка имела известную крепость).

Все равно, душевно все прошло, а это была еще только первая часть. Вечером, на обычные посиделки в башне, Седов согласовал с князем – пригласить Магду, Милану, Эле и Якоба, понятно, что все свои тоже были, и вторая часть получилась совсем домашней. Начать, правда, снова пришлось с лекции, теперь – о правах женщин в будущем и сложившихся обычаях в этом смысле. Все видели в телефоне у старца несколько фото с его семейных празднеств там, где мужчины, женщины и дети (даже кошки с собаками!) сидели за одним столом, но расспросить об этом времени как-то все не хватало, и пришлось ему снова рассказывать, уже подробно... Сами бабы несколько жались поначалу, но, видя, что атмосфера совсем душевная, все же немного расслабились. Не было телевизора и музыки, но вечерние посиделки прошли уже без официоза, а как домашнее отмечание юбилея у взрослых людей, с семьей и друзьями... Николай Федорович, хоть и много пришлось сегодня говорить, очень хорошо отдохнул, да и все, расходясь, его благодарили. А была еще третья часть, когда Милана ночью поздравила его уже от себя лично, как смогла...

За первые дней семь-восемь дней метели она прерывалась один раз, всего на день, да и то – по облачности было видно, что это короткий перерыв. Народ уже вполне отдохнул и даже немного заскучал, впрочем, дела нашлись – кому оружие с бронькой поправить, кому продолжать тренировки, наработывая новые ухватки (это, конечно, больше к пополнению относилось). Князь же со старцем и Ефимом доводили до ума тексты грамот в дальние земли, но отправить их пока не было возможности, да и в первую очередь надо было дожидаться ответа из Москвы, если он вообще будет...

И он пришел – во второй перерыв в метелях, еще дней через пять, прискакал мальчишка с малой усадьбы, доложил, что все в порядке, да что пришли с восхода люди, посланник князя Московского, постельничий Еропкин с охраной, а в проводниках у них – от купцов псковских уже знакомые сопровождающие. Князь, подумав, решил все же собрать десятников на такой случай, и по тракту ушли парные гонцы. Не смогли вовремя предупредить только Гридю (он со своими лыжниками так и мотался по лесам), а так всколыхнула всех рязанцев именно фигура самого посланника государя – постельничего Еропкина. Хитрую задумку князя Василия повертели так и эдак, оценили, и в своем кругу сказано было много нелицеприятного в его адрес... Но самого посла встретили, как полагается, и вроде удалось скрыть общую радость от того, что первый этап получился, как было задумано. Ему все показали и рассказали еще раз (Седов свои речи о будущем оттарабанил уже совсем на автомате), покатали его и всех бойцов на машине – правда, только по замковому двору, который каждый день расчищали, дали послушать музыку, показали фото и видео с телефона (ему и еще одному, оказавшемуся десятником), ну, и снова дали с собой целый сверток грамот (Ефим аж устал писать). Уложились в два дня и проводили загруженного откровениями из будущего посланника обратно, не особо мешкая, да он и сам, услышав об их планах, и какое место, будь на то желание у князя Московского, в них Москве отводится, заторопился из всех сил. Метели, хоть и стали поменьше, пока не прекращались. А после отъезда Еропкина... десятники все же разъехались по заставам снова, князь с остальными остался в замке, но настроение было у всех уже совсем другое!

Всего метели в этом году продолжились около трех недель. Отряд сумел и отдохнуть, и восстановиться, и пополниться, и подтянуть уровень новичков... Николай Федорович тоже вроде как восстановил душевное равновесие, сняв напряжение последних двух месяцев, богатых на плохие новости. И немало помогло ему в этом переключение на письма к европейским правителям, чем они в основном в непогоду занимались (снова приходилось много рассказывать князю, Петру и Ефиму, какое развитие событий ждало в ближайшее время Европу), а еще – баня. Полностью готовой новой баней на замковом острове отряд начал пользоваться буднично. Просто на очередную помывку из замка пошел народ не в корчму, которая, кстати, стояла теперь почти пустой (не считая той части людей Степана, которая ездила дозорами по ближнему тракту – они там так и обосновались), а сюда же, на замковый остров. Ходил туда и

Седов, но это было быстро, дел было много. А метели позволили выделить время попариться вдумчиво, неторопливо, с медовухой... А это ж совсем другое дело, кто понимает! Он еще добавил к стандартному оборудованию бани душ из поднятой под потолок небольшой бадейки, с веревочкой, потянув за которую, получишь шесть-семь литров холодной воды на голову. В современных условиях, без водопровода, подвешивать ее к крюку в потолке пришлось на длинной веревке, с помощью которой банщик опускал бадейку на пол и наполнял ее из обычного ведра, снова поднимая затем наполненную под потолок. Получалось медленнее, чем в 21 веке, конечно, но – не намного, и всем так понравилось, что пришлось вешать под потолок и вторую бадейку. Хорошо, что и парные, и моечные отделения сразу делали большими, с расчетом на весь персонал замка, и место, куда пристроить душ, нашлось.

Руководство тоже слегка выдохнуло, поскольку всем стало ясно, что теперь уже мелких стычек с раздвиганием их бойцов (и с разменами по убитым хоть пока и в их пользу тактически, но проигрывая стратегически) не будет – не позволит заваленная снегом местность. Либо Орден пойдет в лоб, либо... По факту, разведку Ордена бойцы снова заметили только через несколько дней после конца метелей, на том же тракте, от Ревеля (не доходя до холмов) и от Феллина (с юга, где всадники ливонцев снова пробились до самой поляны, где была битва). Обе засеки здесь, и северная, и южная, к этому времени были еще укреплены, здесь стояли мелкие пушки (на юге две, на севере – одна), подготовлены еще кое-какие сюрпризы, так что вернувшиеся из ближайших деревень на заставы бойцы встретили дозоры Ордена спокойно. Неугомонные мальчишки-гонцы, которым больше других надоело сидеть по хатам, начали снова протаптывать все дороги в занятой отрядом части Ливонии еще до полной перемены погоды, правда, все же сперва по двое, как князь и приказывал, так что с внутренней связью у отряда тоже все было хорошо – ну, как могло быть хорошо в это время.

А перемену погоды заметили все. В очередной пасмурный день с утра еще шел снежок с ветром, но к обеду перестал, и стало можно различить, что снеговые тучи из сплошной облачности превращаются в пока еще плотные кучевые облака, а после обеда в них и просветы появились, которые к вечеру расширились, полностью очистив синее небо. Люди давно его не видели, поэтому даже занятый своими делами народ, проходя через замковый двор, нет-нет, да и поднимал голову вверх. А Николай Федорович забрался на верх башни, одно из своих любимых мест (крышку люка и саму площадку тоже периодически чистили дневальные), и стоял там, оглядывая уже давно знакомые окрестности. Количество выпавшего снега за эти недели было видно, что называется, невооруженным глазом, в пределах видимости почти не осталось тропинок, протоптанных ранее людьми, совсем скрылись под снегом землянки чудинок, да и дома (и другие постройки) в деревне оказались засыпаны почти до крыш. Седов постоял не так много, минут двадцать, но показалось ему, что и воздух как-то по другому пахнет, и глаза ободрались, что ли...

Народ в отряде, как оказалось, успел прилично устать от безделья. И если Степан со своими бойцами на лошадях сразу начал заново натаптывать дозорные пути по дорогам, то Гридя, давно поставивший часть своих разведчиков на лыжи, снова прокладывал лыжни по лесам – там и в метели было гораздо тише, и можно было нормально передвигаться, и передвижение то получалось тайным – с того же тракта лыжню в лесу уже с десятка саженей не разглядишь. И если то, что Орден снова выпустил своих разведчиков по тракту и с севера, и с юга, сперва обнаружили дозорные Степана (а потом и заставы на засеках), то Гриде удалось совсем другое – он привел почти два десятка новых бойцов в отряд. Это оказались местные крестьяне, забранные в ополчение еще по осени, и только сейчас пешим ходом возвращающиеся из земель Тевтонского ордена домой, в земли Везенбергской и Вейсенштайнской комтурий. Через три-четыре дня после конца метелей к первой из деревень на реке Пярну, что была теперь под контролем отряда, с трудом вышла по занесенному свежим снегом льду цепочка изможденных, исхудавших людей. В основном с копьями, но использовали они их уже как посохи. Сельчане

в этот раз их заметили издалека, вооружились выданным в замке и заняли оборону в деревне (ну, как смогли), но вблизи, когда разглядели друг друга – один из них оказался как раз из этой самой деревни, нашлись и другие знакомые, и народ еще с взаимным недоверием, но все же обменялся свежими новостями, безбожно привирая при этом с обеих сторон, конечно... А тут подоспел и дозор из Гридиных ребят, но, разобравшись, что боя нет, тревогу поднимать не стали, а полностью разъяснили пришедшим ситуацию.

По словам вернувшихся ополченцев, их осталась пятая часть от того, что с осени собрали в этих местах и отправили на подмогу тевтонцам. Еще столько же, с более тяжелыми ранами, отлеживалось в двух монастырях, которые принимали на обратном пути раненых и лечили их, ну, как могли – дошедшие к возможности выздоровления большого числа оставшихся тяжелых относились... скептически, говоря словами 21 века. Из остальных трех пятых, если и выжил кто, отделившись от основной части (а такое могло произойти в добром десятке случаев, как еще на марше, так и после любой из схваток), то единицы, и когда они смогут добраться до своих деревень – бог весть, а большинство – не вернутся уже никогда... По дороге туда они, конечно, были под плотным орденским контролем, во время боев тоже, а вот на обратном пути еще после Риги их сопровождал всего один немолодой орденский боец, вроде сержанта, специально поставленный для таких вот ополченцев, доведший их до Пернова, а там, видя, что они застряли из-за метелей, велевший им дальше добираться самим и уехавший куда-то обратно, к себе. Правда, их кормили в орденских же дворах, замках и монастырях по пути, но держали впроголодь, и сейчас они пришли с малым остатком сухарей, да луковичек еще было несколько...

Как оказалось, это была обычная практика для орденского ополчения – после окончания боевых действий рыцари уедут на своих конях, воины уйдут отрядами, ну, кто выживет, и только ополчение тащится последним, хотя, если действия военные в этот раз были более удачными, то и обратно ополченцев приводил представитель той комтурии, с которой их и собирали. Сейчас же и орденцы в Пернове, и неизвестный сержант никак не связали их появление из Риги (то есть с юга) с какими-то проблемами на севере, а слухи, как рассказали чуток подкормленные ополченцы, ходили по Ливонии уже разные. Особенно наслушались они за время вынужденного сидения в Пернове... И про наставшие последние дни Ордена, и про огонь небесный, за грехи их сжигающий... Понятно, что говорилось это только между своими, с оглядкой, не слышат ли лишние уши, но – говорилось. А тут как раз уже сельчане рассказывают, что все это правда, да не вся, а на самом-то деле!... И – полились песни и сказки. И про свободу от холопства, и про суд над орденцами, и про розданное оружие (получше даже, чем ополченцам самим дали).

3

Гридины дозорные (по взаимной договоренности Степана, Гриди и Семена на день пути по реке ездили конные, а дальше – забегали лыжники, и уже по берегам, тайно), разобравшись, что за люди пришли, часть слухов подтвердили, а насчет основного – сказали, что сопровождают к самому князю, с ним, мол, и будете договариваться. Дали день отдохнуть да помыться, и повели к замку. А там и конный дозор по реке подъехал, в общем, придя в сам замок, ополченцы уже верили всем рассказам. Знамя малое, над воротами висящее, цвета крови, стало, пожалуй, для них последней каплей. Князь, встретивший их во дворе, был строг, но добр – подтвердил освобождение от холопской доли, свободу уйти, кто желает, и предложение вступить в его отряд, если у кого, наоборот, долги к Ордену есть, будут они остальную землю Ливонскую от орденцев освобождать. Посмотрел их копыя, хмыкнул, пообещал дать настоящее оружие и броню, сказал, что опытные воины, за свою теперь(!) землю стоящие, им всегда нужны, в общем, в очередной раз сработал князем на все 100%.

Кое-что добавили Ефим и старец. Если слова Ефима были... привычны, хоть и толковал он Писание против ливонцев, а не как их патеры, то старец всех озадачил. Его... чуждость в

одежде, пять сот лет, через которые его... закинуло, рассказ самыми простыми словами, перемежающимися с совершенно непонятными, о тяжелом будущем этих земель – от всего этого веяло чем-то нездешним, да и внешность у старца была соответствующей. В отряд согласились вступить почти все, но князь дал неделю – сходить к своим, а чтоб идти было веселее – еще раз пропустили всех через замковую баню, осмотр травницы (кое-кого Милана оставила на пару дней, подлечить), да дали понемногу продуктов из замковых же запасов... Так отряд в нужное время прирос людьми, ну, а уж как встретили своих в деревнях, да как приняли новости об этом решении князя – говорить не надо... Вышло, что через неделю вместе с этими мужиками пришли еще желающие в отряд вступить.

Надо сказать, случилось это вовремя, потому как Гриде надоело гонять своих по пустым лесам, дожидаясь орденцев, когда (и куда) те захотят пойти. Он со своими людьми придумал другое: на лыжах, в своих белых накидках, они набили потайные дорожки вдоль тракта Ревель-Дерпт, используя леса, перелески, заросли кустов, в общем, те места, где зимой вообще никто из местных не ходил. Разумеется, для этого он до того уточнял у местных, где что есть, потому как были тут и болота, и овраги, и сплошной мордохлыст из молодого леса, то есть места, где пройти не было физической возможности. Получилось у него, с его людьми, три маршрута таких, тайных: один спрямлял извивы реки Пярну, позволяя быстро пробежаться на лыжах довольно далеко вдоль нее, периодически выглядывая на реку и проверяя, какое там движение есть, второй – выходил из холмов на севере и позволял дойти по перелескам в сторону Ревеля до того самого тройного перекрестка, где у Гриди же стычка с орденцами была, и отслеживать там, куда и кто ездит, а третьим был довольно долгий маршрут, как бы не на 20 верст, на юг, вдоль тракта на Дерпт, с заходом в две деревни. По первости, понаблюдав, что орденцев там нет, разведчики и в те деревеньки зашли, приняли их сперва настороженно – слухи-то среди крестьян разные ходили, а ушедшее (и не вернувшееся) войско с комтурами и вообще мимо них проходило (и не вернулось, да), но после их рассказов, что на самом деле у них на севере делается, ситуация поменялась. Первая из этих деревень, если от их земель считать, была совсем мелкой, вторая – крупнее. И именно оттуда принесли они весть, что, похоже, решил Орден еще раз их пощупать, накапливает для этого силы, и кое-какие войска уже начали выходить и пока останавливаются в той самой дальней деревне, и ждут туда еще бойцов, так что – скоро надо ждать их на южной засеке.

К этому они и сами готовились, больше того – они этого ждали. Потепление, действительно установившееся почти сразу после конца метелей, конечно, не могло справиться сразу со всем снегом, выпавшим за зиму (особенно в лесах, что, собственно и позволяло пока лыжникам быстро передвигаться по ним), а вот на открытых местах кое-где (пока только на пригорках, на южных склонах) проталины уже появились. Седову объяснили то, что было понятно здесь для всех, кроме него: если сейчас, по остаткам зимних путей и пока земля не оттаяла, войско не пойдет, то потом любому военачальнику надо будет делать еще перерыв до установления... ну, не полностью сухих, но хотя бы проходимых дорог. Логика в этом была, и Николай Федорович что-то такое припоминал, из своих обрывочных знаний о старых временах, но пока как-то не особо верил, что все так серьезно. Но – стремительно тающий, прямо на глазах, снег, как и положено, превращался в воду, эта вода пыталась сбегать вниз – тоже по всем законам физики, и, например, дорога по деревне возле их замка и выезд на тракт, где каждый день мотались дозорные, очень быстро превратилась в месиво – там как раз получалось такое место, с небольшим уклоном на юг, к реке, хорошо освещаемое и прогреваемое частым и теплым теперь солнцем. По ночам, правда, пока все снова подмораживалось...

Установление лыжниками тайных маршрутов, кроме разведки, позволило и примерно раз в неделю общаться с посланником от Пимена, из Ревеля. Тот передавал разное, но общий смысл был такой, что нужные знакомства он завел, и кое-какие переговоры (исподволь пока) тоже провел, а через Торгаша они потихоньку собирают людей, на которых можно будет поло-

житься в случае, если понадобятся бойцы внутри города. Дело тоже было нужное и важное, и туда на перу дней уехал Петр – сам хотел с этими людьми переговорить, да Пимену новые задания дать – пора было выходить на ганзейцев, именно на возможной договоренности с ними строились планы по забиранию в свои руки (ну, или под свое влияние, как уж выйдет) Ревеля. Они с князем и старцем плотно сидели пару вечеров перед отъездом Петра, обговаривали, какие могут быть варианты, и тот уехал. И в эти же дни снова пробился к ним Еропкин, да не один.

Гридя давно справился со своим старым отношением к постельничему, и уже ничем не выдавал этого, когда они общались. А уж когда они узнали, С ЧЕМ к ним приехали посланцы князя Московского... То ли грамоты их князя, то ли новые листы старца, то ли рассказы самого Еропкина о первом посещении их замка, то ли все это вместе – сработало, и государь повел им, мало того, вписывался в их планы, предлагал свое, да все по делу, с пониманием тонкостей... А приехавший с постельничим воевода вообще, как оказалось, дальше поедет саму Нарву отвоевывать! Круто взяли, но рассказ о том, что Димитрия со всеми... поделками его возили к самому государю, и тот показывал, что они могут теми стрелами, что старец подсказал, расставил все на свои места. Николай Федорович не ожидал, что как-то оно вот так быстро выйдет, похоже, 16 век не всегда был долгим на принятие решений.

В любом случае, за пару дней князь с Семеном и Гридей постарались максимально подробно рассказать воеводе Телепневу все, до чего дошли с использованием новинок сами, и согласовать возможные совместные действия. Воевода этот, как оказалось, был заочно им знаком (его родной город, где он, собственно, и воеводствовал, был не так далеко от Рязани), а семью его знали все, и даже сам старец – оказался воевода из Оболенских. Вышло забавно, когда Телепнев долго и как-то... восхищенно матерился, услышав в машине (конечно, ему тоже все из будущего показали) песню Малинина, про корнета и поручика. Похоже, хитрый Еропкин, в первый свой приезд ее услышав, провел там какую-то каверзу, по крайней мере, Седову так показалось... Но именно после этого воевода оттаял. Видимо, человек просто не сразу сходил с незнакомыми людьми, дело обычное.

Москвичи уехали по стремительно тающему снегу, прихватив с собой гонца из выздоравливающих раненых, зато оставив еще и короб с ракетами, восемь штук всего успел для них сделать Димитрий (гости передали, что теперь будет больше, потому как отдали ему всех пороховых мастеров во Пскове, и попробует он наладить массовый выпуск, ну, как массовый – в понятиях 16 века, конечно). Вернулся Петр, сообщив, что вроде как и правда – идут дела у Пимена, и время есть дальше по их задумкам ему работать, а орденцы в Ревеле несколько успокоились пока. И тут прискакал дозорный с юга. Как передал ему прибежавший на лыжах разведчик, в той самой деревне, где войска ливонцев собираться начали, замечены были всадники, и удалось узнать от деревенских, что ждут и рыцарей, а те в крестьянских-то халупах долго жить не будут, похоже, готовы они.

Неизвестно, как остальные, а Седов сразу вспомнил, с каким напряжением они отправляли своих на ту, первую битву на южный тракт, и с каким напряжением ждали ее результатов... Сейчас вышло проще, по-деловому как-то. Уходили из замка все. Ну, почти – оставался на хозяйстве Федор, у которого на самом-то деле было больше всех настоящей работы сейчас – близилось время весенних работ, которые «весь год кормят», и он уже был весь в запарке, проверяя семена, плуги, тягло, начав разбираться с землями для посадки... Но – все эти сугубо мирные дела зависели от результатов очередной схватки, увы... причем явно не последней. Оставалась Милана, попросившаяся было с ними – раненые-то будут... Но князь отказал, сказав, что, если удастся все, то сюда к ней они раненых доvezут, ну, а нет... Сам князь пошел в этот раз во главе бойцов, и Гридя тоже, потому как на его людей многое было завязано в этот раз (а с ракетами только они обращаться и умели), а на северную засеку снова отправился Петр, только что с той стороны вернувшийся. Послали гонца и в малую усадьбу, предупред-

дить, что у них тут затевается. Была опасность согласованной атаки с трех сторон (или с двух), но вероятность такого и князь, и Семен, и Петр оценивали как малую. Семен, кстати, хоть и носил руку все еще на перевязи, но уже разрабатывал кисть кожаным мячиком (кривеньким, так что скорее, валиком) по подсказке Николая Федоровича. Командовать он вполне мог, но, если дойдет дело до конной сшибки или рукопашной – был еще не готов, и князь в этот раз выступал в качестве такого командующего сам. Ну, а старца, Ефима и Михайлу брали только в качестве санитаров, довольно жестко сказав сидеть, где покажут, и до поры не высовываться.

И Черный, и Степан давно были возле южной засеки, как и основная часть бойцов, так что колонна из замка выдвинулась довольно жидкая. По пути Седов смог в полной мере понять, что будет на всех дорогах тут в скором времени – уже сейчас остатки санного зимнего пути возвышались среди стремительно оседающих снежных полей этаким горбом утоптанного снега (который таял гораздо медленнее) с наледями. А кое-где уже были проталины, рытвины, в которых поверх еще мерзлой земли стояла талая вода, в общем, действительно – зимний путь доживал последние дни. В отряде было некоторое опасение, что как бы им не опоздать, но руководство все же склонялось к тому, что некоторое время у них есть – только на переход орденцев от деревни, где у них устроен временный лагерь, до их засеки, надо было класть два дня... Так и вышло – добравшись до последней на тракте своей деревни, они узнали, что конники еще прибыли к орденцам, и, похоже, все у них готово. Теперь уже с разведчиками удалось поговорить напрямую, и те рассказали, что народу у орденцев много, сотни три, деревня забита, стоит лагерь у околицы, собран небольшой обоз, среди всадников виднеются рыцари... Правда, оказалось, что с самими деревенскими давно не удавалось поговорить и разведчикам – слишком опасно соваться, да ливонцы и дозоры пускают, правда, вблизи домов только. Это признали совершенно разумным, и, хотя деревенские, наверное, смогли бы еще что-нибудь интересное рассказать, основное было видно и так.

Седов успел еще сходить к самому укреплению – деревня отстояла от засеки примерно на километр. Распоряжался тут Гридя, который, можно сказать, почти всю вторую половину зимы тут провел. После того, как в первой битве поучаствовать ему не удалось (он тогда северное направление закрывал), он тут всерьез развернулся, собираясь взять за тот пропуск реванш. Именно под его руководством достраивалась засека и делались завалы и ловушки в окружающем лесу. Именно он придумал сделать вторую линию укреплений, отступив чуть к деревне, по полого повышающейся местности. Сейчас там, шагах в ста за основной засекой, была... ледяная детская крепость – именно так сперва показалось Николаю Федоровичу. Но вблизи крепость оказалась совсем не детской, основа, похоже, была из стволов деревьев, а дальше все было закидано снегом почти в рост человека, укатано и полито водой, создав ледяную корку. Три широких проема в стене этой крепости были амбразурами, в двух из них были установлены малые пушки (сейчас уже капитально, а не на санях), третья, смотрящая несколько в бок, на лес, была, видимо, на случай, если надо будет отбиваться и оттуда.

Седов знал, что сюрпризы на этом не заканчиваются – с ним советовались, конечно, но остального сейчас разглядеть было нельзя. У самой засеки были оборудованы места для дозоров и стрельбы, даже снег под ногами был прикрыт нарубленным лапником, а в лесочке рядом – срублены два балагана, из стволиков толщиной с руку, с очагами, где, видимо, сидела та смена бойцов, которая сутками дневалила возле засеки (а не уходила ночевать в деревню). Первый отпор ливонцам планировалось давать отсюда, а вот потом – действовать в зависимости от их действий, «играя от обороны», так сказать. Они ушли обратно в деревню (Ефим и Михайла тоже ходили любопытствовать, конечно), там для них выделили место, где переночевать и разместить свои медицинские припасы. Было тесновато, да и все в деревне тоже было занято бойцами, но предполагалось, что это не надолго.

И действительно, уже на следующий же день разведчик прибежал еще до полудня с новостью, что Орден выдвинулся. Уходили по своей лыжне разведчики обычно еще затемно, но

шли аккуратно, часто осматриваясь, чтобы самим не попасть в засаду. Так ушел дозорный и сегодня. А вот обратно, когда орденцы были замечены, он уже бежал быстро. По его словам, верстах в пяти от поляны, на одном конце которой засека и была, организуют лагерь, пока всадники, в основном. Похоже, пешая часть отряда подойдет попозже, и – завтра, или послезавтра, надо ждать. Конечно, они не знали, ни что там за бойцы, ни их точного числа, ни даже, кто там у них главный – но это все было теперь уже не важно...

А главным у орденцев в этот раз был сам феллинский кстелян, Генрих фон Галлен. Путь его в Орден (и в Ордене), наверное, можно считать типичным. Далеко не первый ребенок в семье небогатых дворян в небольшом городке Зосте, что в северной Вестфалии. Обучение необходимым молодому дворянину навыкам и наукам, самым основам. Протекция в дальние земли, в Ливонию, сперва – оруженосцем, потом кандидатом, потом рыцарем... К 30 годам Генриху была доверена должность фогта в малом замке на западе Ливонии. Он постарался устроить там свою жизнь и жизни своих подчиненных, как смог, получше, и вот тут ему повезло. В одной из поездок в его замок остановился сам фон Плеттенберг, с небольшой свитой. У магистра был огромный авторитет в Ордене, множество войн и политических интриг за плечами, и фон Галлен еще с юных лет испытывал к нему почтение. Это чувство сохранилось, даже когда он познакомился с изнанкой жизни рыцарей и некоторыми... обычно не обсуждаемыми вслух фактами. А магистру понравилось, как их встретили, он не поленился переговорить с уже не юным управляющим и взял его на заметку. Но назначения кастеляном в сам Феллин, примерно через год, Генрих не ожидал...

Человек, не знающий историю Ливонского ордена, затруднился бы сказать, чем отличается Феллин от других крупных городов этих земель. Понятно, что он стоял не на море, и морскими воротами Ордена ему стать было не суждено, как Ревелю или жемчужине-Риге. Да и от русских земель он был далек, отдавая основные объемы торговли с ними Дерпту, еще помнящему старое имя – Юрьев, или Вендену, который, будучи постоянным местонахождением магистра фон Плеттенберга, в последнее время небезуспешно пытался спорить в этой торговле с епископским Дерптом. Но любой даже кандидат в орденцы, даже мальчишка-оруженосец, только приехавший из родных германских земель, узнавал историю Ордена. А в ней Феллин был крепостью-воином, одно время – столицей Ордена и первым центром ее военных сил, когда местные племена еще пытались вести против орденцев если и не полноценную войну, то оказывать хоть какое-то сопротивление. Оно, конечно, искоренялось, огнем и мечом, и центром этого тогда был именно Феллинский замок.

У него было неплохое расположение. На одном из невысоких холмов с вершиной неправильной формы, которыми богата эта земля, стояла старая цитадель, и тут все было, как обычно у таких замков. Но холм имел еще две ступени, пониже, и они за многие годы тоже были выровнены, обнесены стенами и заполнены строениями. Нашлось время (и деньги) и для украшения старого замка, здесь были и резьба по камню, и цветные стекла в церкви, и, конечно, все возможные варианты отделки деревом. Ничего особо роскошного (все-таки устав их вообще-то монашеского Ордена подразумевал скромность), но по сравнению с малыми замками и усадьбами – тут было, на что посмотреть. А с учетом того, что здесь до сих пор хранились архивы Ордена, еще со времен завоевания этих земель, тут можно было и прикоснуться к истории прежних веков.

Сейчас Феллин, чьи земли были расположены между двумя епископствами, был далек от любых внешних границ Ордена, а бунты местного населения, давно разбавленного всеми окрестными народами, ограничивались одной-двумя деревушками за год, и военная роль его замка как укрепления несколько снизилась. Но и арсеналы тут были, и войска стояло много, по старой памяти и из-за наличия тут больших казарм. А вот посад при Феллине так и не стал полноценным современным городом, все-таки для этого нужны были серьезные торговые пути или центры промышленности. Но – поселок у подножия холма был, постепенно разрастался,

хотя и не имел никаких достопримечательностей, которые выделяли бы его среди таких же больших сел (или уже малых городков). Их было достаточно много здесь и еще больше – южнее, где было больше давно обрабатываемых земель и меньше лесов и болот.

Фон Галлен быстро разобрался в хозяйстве самого Феллина (довольно скромном) и периодически встающих тут на постой войск. Все было давно отработано – и житье в казармах, и рацион на поварнях, и каналы поставки продуктов, и распорядок дня для бойцов долгими зимами, и жизнь заметно пустеющего с началом каждого лета замка... Вот уже больше пяти лет Генрих был здесь кастеляном, совершенно обвыкся, наладил и хозяйство, и свой быт, познакомился и неплохо сошелся с рыцарями, что постоянно жили в Феллине, и получал заслуженные благодарности от магистра в его редкие приезды сюда. В этом году зимний сонный покой замка был потревожен – войска постоянных отрядов, собранные на зимние квартиры в Феллине, пришлось поднимать за зиму дважды. Такое бывало и раньше, но вот причина нынче была особая. Сперва три поджога усадеб (а дело это даже при крестьянских бунтах было редкое), два пропавших на тракте дозора, слухи... И на старом месте, и уже на новом – кастеляну пришлось сталкиваться со всяким. Но с залетной бандой наемников – еще нет.

Надо сказать, что, хоть и были на землях Ордена зачатки и будущего МВД, и судебной системы, и следственных органов, но... 16 век, силовой захват этих земель орденцами и сложившиеся за три века обычаи наложили свой отпечаток. Стандартным средством реагирования «в случае чего» со стороны Ордена был приезд в провинившуюся деревню местного фогта или комтура и выяснение на месте жесткими методами дознания. Пороли всех, проще говоря, причем могли и забить до смерти, и даже для старост никаких поблажек не было. Вообще-то в Ордене были и люди, которых можно было назвать следователями, но, опять же, специфичными – военными следователями, разбирающимися в ранах, каким они оружием нанесены, время и причины смерти и тому подобное. Были и следопыты, были и ловцы людей (как сбегавших своих, так и специалисты по поиску спрятавшихся крестьян при набегах на соседей), была у фон Галлена налажена и связь с окрестными корчмарами (через подчиненных, конечно) – значение их, как потенциальных точек притяжения криминала, он прекрасно понимал.

Но... ничего из старых способов в эту зиму результатов не дало. Побитые морды мужиков в двух деревушках, возле которых были первые из сгоревших усадеб, не помогли раскрыть, как и что происходило – полыхнуло ночью, да и все, а кто там орденцев перебил, они не видели. Перетряска корчмарей (и даже обыск сгоряча в одной корчме, содержателя которой давно подозревали во всяком нехорошем), результатов не дала. Ну, как не дала – кое-что нашлось, но... к усадьбам Ордена отношения не имело (Грек с товарищами подготовились, и забранное оружие и броню, все объемное и заметное, схороняли в тайниках). Чужаков местные если где и видели, то издали и в потемках, так что даже числа людей этой... банды точного узнать не удалось. И слухи эти... Генрих специально уточнял у замковых старожилов, не помнят ли они какой особо уж жесткой истории с неким Яном (или семьей, в которой мог быть молодой наемник), но ему ничего конкретного сказать не могли. Всякое бывало, а если за последние лет 15 взять, так и вообще... Но все же, наводнив земли свои дозорами (и согнав для этого бойцов с зимовки), кастеляну удалось перекрыть все пути этой шайки, как они не петляли, уходя на время даже к соседям. А потом они были захвачены в небольшой деревушке и перебиты. Жаль, что не удалось никого живьем взять, но там еще и пожар случился, так что не смогли его бойцы, и так нескольких человек потеряли. Судя по телам и оружию этих неизвестных, мужики и правда были опытные, матерые, так что версия с наемниками, гулявшая в народе, у фон Галлена особых сомнений не вызывала. Он не сталкивался с таким ранее, поэтому быстрое распространение слухов, да еще зимой, его не удивило и не насторожило тогда.

Кастеляны замков, даже такого важного, как Феллин, не участвовали обычно в орденских капитулах. Собственно, они для того и назначались, чтобы всегда оставаться на хозяйстве. Поэтому Генрих, конечно, с интересом ждал, когда комтуры начнут возвращаться – мимо него

двое или трое поедут обязательно, все-таки дорожная сеть в Ливонии изначально создавалась с учетом Феллина. Но... незадолго до приехавших комтуров (в этот раз даже четверых) пришла весть о перекрытой дороге на Везенберг, да и из Ревеля что-то давненько никто не приезжал... Он успел только выяснить, что дорога на Везенберг и в самом деле перекрыта засекой (а не пара упавших от урагана деревьев перепугала того купчишку), как приехали комтуры. Фон Галлен не стал скрывать от них последних событий, и народ заторопился к себе – собственно, все четверо были как раз из тех мест, где (ну, или по дороге туда, это пока было не ясно) что-то нехорошее происходит. Так что пообщались они довольно коротко, хотя и новости с капитула ему рассказали, и про его банду расспросили. Генрих несколько расстроился, что, похоже, дело это стало известно всему Ордену, но сопровождение комтурам выделил приличное. Да и с ними люди были, так что, честно говоря, проблем он тут не ожидал.

Но дозорных, что ушли на третий день после отъезда комтуров по тракту на север, вышел проинструктировать сам (чего обычно не делал – главная дорога, рутинный выезд, все давно отработано). Правда, сказал он им всего лишь обязательно нынче доехать до северного дозора, из Вейсенштайна, узнать у них, как проехали комтуры, да посматривать по дороге повнимательней – ничего особенного. Дозор уехал, а когда через несколько дней вернулся... Бойцы в Ордене бывали разные, Генрих уже насмотрелся. И растяпы, и любители пивка попить, и старые, опытные воины, которых лишний раз с места не сдвинешь, и молодежь, только набирающая опыта. Дозорные были из середнячков. Не любимчики своего командира (таких обычно далеко не посылают, держат поближе), но и не новички. А вот рассказ их... Выходило, по их словам, что до самого тракта доехали они по следам комтуров, и в корчме, на тракте уже, оставались на ночь в той же, что и они (а другой там и не было). А вот еще через день, когда они, как было велено, ехали, почаще осматриваясь, уже к вечеру нашелся сильно наезженный свежий отворот с тракта, да с кровавыми следами кое-где, тоже свежими, еще не засыпанными снегом. Проверили они и его...

–Как бы не все, кто уехал, там, господин кастелян – негромко говорил старший дозора, до сих пор посматривая по сторонам испуганно – овражек там, близко разглядеть никак нельзя было, но много, побитые да раздетые все, да и зверье уже... того...

Дозор все же сунулся чуть дальше, уж совсем осторожно, и нашел за большой поляной (на которой, присмотревшись, следы схватки они тоже рассмотрели) некое укрепление, тоже типа засеки, но... похлипче.

–Ну, а как оттуда по нам с арбалета пару болтов пустили, мы уж ближе не стали проверять, и так до первой деревни обратно уже почти в ночи доехали – оправдывался дозорный, и видно было, что картина того... овражка с телами все еще стоит у него перед глазами. Из расспросов (Генрих привлек еще пару опытных человек, опросили и остальных дозорных) выяснилось, что погибли убитые вроде как все же от обычного оружия, а не от... чертовщины какой, да и тела обирали явно крестьяне, а не нечисть. Или та самая банда? Или что? Дело принимало серьезный оборот... Фон Галлен не стал пороть горячку. Не стал он пока и сообщать капитулу Ордена или самому магистру, а послал разведку. Хорошо подумав (и обсудив со старыми, опытными рыцарями, которые давно жили в Феллине уже на постоянной основе, на покое), он решил, что сразу две основные дороги за короткое время, да с засеками, силами одной небольшой банды не перекроешь, да и почти пять десятков опытных бойцов (включая рыцарей, а со слугами и того больше) – тоже просто так не перебеешь, ну, или в плен не возьмешь, если число убитых бойцам со страху преувеличенным показалось, так что дело темное и явно опасное.

В итоге, отправил на север он аж три десятка бойцов, вразнобой, из тех, что опыт хождения по лесам имели, или сами вызвались (нашлись и такие), наказав идти малоизвестными тропами или вообще лесом и постараться в первую очередь вызнать, что там происходит, не ввязываясь в мелкие схватки. Уж как бойцы его слушали, их дело, но вернулись далеко не все, вообще с пяток всего, и рассказали странные вещи. Что там, действительно, чужаки. Что у

пришедших (вроде как с русских земель) среди зимы бойцов есть не то пророчество, не то – сам пророк с собой, который гибель Ордену предрек за... гм... кровавые дела его, да местных племен многовековые гонения и прямые убийства. Что пророк тот (или пророчество) говорит, что кончилось время Ливонского ордена на этих землях, и потому бойцы те, которым пророчество это явлено было (вот тут ясности не было – кому, когда, где), и преград себе не встретили, когда на землю эту зашли. И что все орденцы, с которыми сталкиваются они, мертвы, как и весь гарнизон Вейсенштайна, и те, что в малых усадьбах были. А ведет их некий фюрст, который суд провел над орденцами, в замке том захваченными, и признал их... ну, говорить такое при господине кастеляне и неловко, в общем, разорвали их прямо голыми руками при народе, а потом сожгли...

Волосы дыбом вставали у фон Галлена от таких рассказов. Да и число вернувшихся бойцов намекало, что не все так просто... Но тут вернулись еще двое. Были они как раз из людоловов, и решили, далеко не заходя, перехватить на дороге одного из этих неизвестных пока бойцов, рассудив, что дозоры-то у них должны быть. Не торопились, выбрали место, сели в засаду, подкараулили парочку (все-таки двойками ездили те, неизвестные), одного сразу свалили из арбалета, второго подранили, но... живым он не хотел даваться. Все же скрутили, опыт есть, но одного коня упустили, долго расспрашивать (с толком, как полагается) времени не было, пришлось делать все по-быстрому и тела прятать (второй тоже долго не прожил), уходя, потому как узнали они... Псковичи, почему-то с рязанским князем, пять десятков опытных бойцов. С ними старец, дело темное, но вроде как и правда пророк, и чудесные вещи при нем, а еще – повозка, что сама ездит. И старец тот, верно, говорил, что время Ордена кончилось уже, но еще не сейчас (вот тут непонятно было), и можно то ускорить. А Вейсенштайн и правда взят, и много усадеб еще, а замки – пока нет.

Много вопросов ушло, но много и появилось. Значит, русские, это проще, но пророк? Чудесные вещи? Захват замка почти без потерь? Суд... над рыцарями?... Какая-то страшная казнь? Фон Галлен не был идеалистом, рыцарем из баллад. Он прекрасно знал, еще с родных мест, что простой народ вороват, глуповат, норовит увильнуть от работы и в целом требует постоянного присмотра и жесткой руки. Но быдлом крестьян (ну, или там горожан) он никогда не считал, и всегда интересовался, все ли есть у подчиненных ему людей для нормального существования и выполнения его требований, без панибратства и урона своему статусу, конечно. Возможно, именно благодаря этому ему удалось добиться... того, чего удалось. Но устроить такой суд, от имени как раз этих самых крестьян, он бы ни за что не догадался... Тут, похоже, он столкнулся с тем, что требовало решения... кого-то повыше в иерархии Ордена и поопытней. Донесение магистру он написал не с первого раза. Помучившись, решил все же разделить надвое: то, что точно известно (перекрытые дороги, захваченный русскими замок), и всякие слухи. С грамотой он отправил аж троих гонцов, на всякий случай. Вроде, и дороги все свои, но как-то у Генриха после рассказов тех лазутчиков (щедро награжденных, конечно) было беспокойно на душе, да и потом, до Вендена, где сейчас должен был быть магистр, было больше 130 верст.

А после отъезда гонцов фон Галлен подумал, что кое-что упустил, и разослал людей еще и соседям – в Дерпт и Пернов, ну, и по пути пусть предупредят братьев по Ордену, что что-то на севере творится нехорошее... Конечно, все это время по тракту у него ездили усиленные дозоры, но за засекой (немного подросшей и укрепившейся за это время, как ему докладывали) никакого движения не было, и на его землях тоже – ничего не происходило. Вернулись гонцы от соседей раньше, чем от магистра (им было в два раза ближе ехать), в Дерпте все было спокойно, а вот Пернов... После разговора с гонцом оттуда у кастеляна впервые появилось подозрение, что все еще хуже, чем кажется. И дело было даже не в том, что Пернов, находящийся довольно далеко от Вейсенштайна, пострадал от поджога орденского двора, что означало, что и до него добрались... эти. Дело было в тех самых слухах, что привез гонец из Пер-

нова, в том, что они почти дословно повторяли то, что смогли выяснить лазутчики на временно занятых этими русскими землях... Нет, Генрих не был и рыцарем «без страха и упрека», не был религиозным фанатиком (хотя и те, и те ему в Ордене встречались). Он был реалистом, и именно распространение одинаковых слухов (причем как раз таких, что выбивали у Ордена почву из-под ног, поднимая среди крестьян ропот, пока глухой) в сочетании с поджогами, при этом начавшихся заранее, если вспомнить так называемую «банду», вызывало у него опасения. Против них работал противник, может, и малочисленный, но опасный...

Тут вернулись и его посланцы к магистру. Похоже, ему удалось в своем письме донести до того свои опасения, или старый лис Плеттенберг и сам почуял, что дело неладное. Фон Галлену была прислана специальная грамота, дающая ему право собирать бойцов от всех земель Ордена именем магистра, и даже требовать того в епископствах. А в письме, к грамоте приложенном, было указано, чтобы Генрих срочно занялся этим делом, расчистил тракт, выяснил, что с комтурами и в Вейсенштайне, а еще – чтобы послал людей по побережью и непременно выяснил, как дела на севере, и употребил для этого все необходимые силы. Магистр писал, что надеется на Генриха и что «верю, что ты, мой мальчик, сделаешь все с присущей тебе обстоятельностью и надежностью». Это был карт-бланш, но и ответственность предполагалась немалая – именем магистра, но не сам магистр, и, в случае чего... Такая тонкость была фон Галлену совершенно понятна, и он занялся делами.

Дел было много, но были они привычными и позволили на время отвлечься от тех неприятных мыслей. Усиленные дозоры по тракту и по другим, малозначимым дорогам на севере, имели четкое указание – в стычки не вступать, если уж совсем не будет у них явного превосходства (кастелян прекрасно понимал, куда делись те его разведчики, что не вернулись, и что тем... врагам стало известно о нем и его людях). Гонцы к соседям с распоряжением магистра ушли. Через Пернов, по побережью, ушла и группа на север с целью добраться до самой Нарвы (Генрих послал туда нескольких гонцов, на всякий случай). Сам фон Галлен прикинул, кого из своих можно будет послать отбивать замок, исходя из того, что предстояло сделать.

А выходило, после его раздумий и советов с другими рыцарями и командирами отрядов, так: убирать эту засеку на главном тракте все равно надо, а, поскольку это лучший (и кратчайший) путь до Вейсенштайна, идти им придется там. Проезд для всадников где-то там есть (ему докладывали дозорные, что иногда видят чужих всадников на той дороге и следы), так что конница понадобится, но немного – кастелян знал, что из себя представляют дороги в тех лесах. Конечно, и несколько рыцарей в броне будут нужны, но сперва нужны будут бойцы, привычные биться в лесу, так как этих русских (или кто там) из-за этой засеки надо будет выгнать, обойдя ее по лесу (про то, какая примерно вокруг этой поляны местность, ему тоже доложили). Именно исходя из этого он отбирал своих воинов и писал заявки соседям. А еще он не забыл, что, если замок был все же как-то захвачен, то к захватчикам попали пушки и арсенал замка. Пушки – это было неприятно, но надо было еще знать, потащат они их в поле или оставят в замке на случай отступления туда. А вот арсенал... Если верить тому, что все же узнали его лазутчики, что этих псковских русских было пятьдесят, ну, сколько-то погибло (фон Галлен имел опыт реальной войны, его несколько раз посылали на подмогу тевтонцам, и в то, что замок, любой, можно занять без потерь – он не верил совершенно), но сколько-то они смогут вооружить из трофеев и запасов замка... Ну, пусть еще полсотни... Правда, это будут уже не подготовленные бойцы, а крестьяне, пусть даже и имеющие опыт в ополчении, и их, конечно, на острие удара не поставят...

В общем, он хотел иметь трехкратное превосходство, чтоб уж наверняка. Но при этом подставлять только своих людей не хотелось – перед магистром потом за них отвечать. Поэтому, пока гонцы скакали по всем направлениям, он вел переписку с другими гарнизонами, собирал данные от дозоров (пришлось перевести часть дозорных на сам тракт, и договариваться об их кормлении с владельцем тех земель), советовался со своими ветеранами, в общем,

дел хватало. Надо сказать, что в Феллине проживало чуть больше двух десятков полных рыцарей Ордена (замков с таким количеством рыцарей на всю Ливонию было три-четыре, не считая Риги, конечно), правда, добрая треть из них была уже стариками, доживающими свой век кто при архивах, кто при арсенале. Но память у них, как правило, была еще в порядке, и кое-что из их советов он взял на вооружение. А вернувшиеся с севера гонцы несколько успокоили его, сообщив, что в Нарве и в Ревеле все в порядке, не считая того, что их комтуры (как и Везенберга, и, видимо, того же Вейсенштайна) все же пропали. Вести были переданы магистру, начали подходить отряды по его запросам, но тут начались метели.

Задержка снова обеспокоила фон Галлена, а еще – досада, что он не успел до метелей. Ведь помнил же про них, знал за проведенные уже пять лет здесь, но – не сопоставил сроки, не продумал... Хотя, не все еще из тех, кому он писал по воле магистра, прислали ему воинов. А еще его беспокоили вести с севера. Последние гонцы, пробившиеся до метелей, успели сообщить, что в Нарве все в порядке, рубежи проверены, а также – что и по поведению русских, и по вестям от них – они ничего не замышляют. Но – странные пожары начались и там.... Он не сидел сложа руки – удалось уточнить и у доступных русских купцов, и у тех, кто бывал за последнее время на русских землях (или ближе к их границам) – никаких даже слухов о новой войне нет, нет и признаков ее подготовки. Значит, что?... Действительно полусотня наемников с каким-то там князем? А что за «пророк»? Дураки или самоубийцы? Но – захватили замок, заняли земли, перекрыли дороги... Пожары и слухи... Ничего неделание снова разогрело разные подозрения кастеляна, и он отвлекся работой. Проверка снаряжения и припасов, рассылка дозоров и новых гонцов сразу после конца снегопадов, заботы по самому Феллину (которые с него никто не снимал) помогли ему отвлечься. И, когда подошел последний отряд (почти два десятка всадников от дерптского епископа), решительно все было готово, и пришло время выдвигаться.

Разумеется, в этот раз командовать взялся он сам. После грамоты магистра другой вариант был бы никем не понят. Три сотни бойцов, включая полусотню конницы, семеро рыцарей, оруженосцы, обоз... Силы внушительные, но и выдвижение до деревни, которая была назначена последним сборным пунктом, пришлось проводить поэтапно. Впрочем, это была обычная работа рыцаря Ордена с приданными ему отрядами, и кастелян с ней справился. Дороги пока позволяли передвигаться любым отрядам, правда, коней на наледи приходилось придерживать, но видно было, что еще неделя, ну, две – и все поплывет, так что времени им было как раз. Подтаивающие снега не позволяли выдвинуть дальние боковые дозоры по пути их следования до этой засеки, но не позволили бы и их противникам незаметно и быстро подобраться к ним, так что войско выдвинулось прямо по дороге до той самой поляны, проверяя только самые ближайшие окрестности. Там никаких следов не было, а вот на дороге – были, что подтверждало, что ездят тут... эти, и, значит, проезд там где-то у них есть.

На самой поляне Генрих еще раз сравнил то, что ему доносили дозорные, с тем, что видел теперь своими глазами. Да, все совпадало: на другом конце поляны, где дорога слегка сворачивала вправо, обходя кусок матерого леса, все свободное пространство было перекрыто... Ну, все же это была не засека. Ветви деревьев, из которых было сложено укрепление, были обрублены, и пристроены они были, образуя подобие стены примерно в рост человека. Самое узкое место было перекрыто серьезно, с одного бока лес не давал разглядеть, что там (но какие-то загородки были видны и в нем), с другого – редкие кусты тоже были перекрыты чем-то типа плетня. Все было преодолеваемо, вопрос – как, и скольких людей придется потерять, прежде чем они преодолеют эту... ну, ладно, засеку, откроют ворота для всадников (кстати, где этот проезд?), ворвутся внутрь и там рассеют и перебьют этих.... которых, кстати, видно что-то маловато?...

Раздумья эти заняли у него малое время, и, уточнив у дозорных, где примерно может быть проезд (они указали, что следы ведут к этой загородке и пересекают ее там, где раньше

дорога и проходила, по краю леса), он собрал командиров отрядов и начал раздавать указания. Два крупных отряда, совместно – около семи десятков бойцов, должны были выдвинуться по дороге до того, как их смогут обстреливать из-за засеки, после чего уйти в лес справа, очистить его от бунтовщиков и выйти уже с той стороны леса им за спину. Тем временем еще полусотня уйдет левее, но возьмет крюк побольше, хоть и по снегу, и попробует атаковать тот плетень за кустами, чтобы тоже пересечь линию этого укрепления. Остальные пешие воины, в которых, кроме самой пехоты, было два десятка аркебузирова и три – арбалетчиков, будут медленно продвигаться прямо по дороге, не давая своим обстрелом высунуться защитникам этой засеки. Кто первый из отрядов сможет найти проезд для коней и открыть его – подаст сигнал коннице, ну, а когда конница выедет за засеку, будем разбираться.

Стояла прекрасная погода, ясное, синее небо, яркое солнце начало пригревать народ в зимней одежде и в латах... отряды выдвинулись. Без дополнительных команд, довольно нестройно, они пошли пока по дороге. Генрих с рыцарями следили за ними, остальные всадники тоже были наготове. Вот грохнули первые выстрелы из-за засеки, подняв там хорошо видимые дымки, но немного их было, и первая часть нестройной колонны резко приняла вправо, уходя к лесу, а вторая, не дожидаясь выхода на дистанцию, где вражеские аркебузиры стали бы до них доставать – приняла влево, сразу снизив скорость продвижения – снег на поляне был не сказать, что слишком уж глубокий, но сейчас влажный и рыхлый... Команда – и остатки пехоты двинулись по дороге, дожидаясь отмашки командиров на остановку и залп аркебузирова. Дождались, плотный залп ударил по укреплению (даже отсюда было видно, как брызнула кое-где щепка), и нестройная колонна пошла дальше, уменьшив скорость, но зато из нее периодически стали вылетать арбалетные болты, ища невидимые отсюда амбразуры и бойницы.

Впрочем, защитники отвечали хоть редкими, но выстрелами, стрелы от них тоже летели, какие-то крики слышались и из леса, где их бойцы уже скрылись из вида. Только левая часть их отряда все еще пробивалась в снегу на открытом месте, который оказался там еще глубже, но по ним пока никто и не стрелял. Центральная колонна, выдав еще залп, разделилась – аркебузиры остановились на перезарядку, пехота, наоборот, побежала вперед, в мертвую зону с этой стороны укрепления, а арбалетчики рассредоточились между ними, выбирая наиболее удобные позиции для стрельбы. Плохо было то, что везде, кроме самой дороги, им тоже пришлось пробираться как минимум по колено в снегу, что, конечно, их замедляло, и вообще – мешало. Стали видны первые убитые, и, похоже, несколько раненых – защитники с такой дистанции стали отстреливаться гораздо точнее, да и часть тех, кто попытался перелезть через засеку, оказалась, похоже, заколота или зарублена, свалившись с нее на снег...

Но вот можно стало заметить, что уже массово у бойцов центрального отряда получилось перелезть через засеку, не встречая сопротивления, за ней поднялся какой-то крик, и обратно по дороге побежал один из бойцов, тоже крича и размахивая руками. По кивку кастеляна один из оруженосцев поскакал к нему, и так же галопом вернулся обратно, выслушав несколько слов.

– Господин кастелян, они отступают! Проход найден, сейчас его открывают! Прямо, возле леса! – выпалил это молодой еще парень, немного не доскакав до группы рыцарей с фон Галленом.

– Выступаем – скомандовал кастелян, еще раз оценив обстановку на поляне. Левый край еще барахтался в снегу, в лесу явно была схватка, и оттуда пока никого не посылали, но у центра успехи были несомненны – бойцы уже спокойно перелезали через бревна, а оттуда уже никто не отстреливался, правда, аркебузиры и арбалетчики пока были в основном на этой стороне. Конница выдвинулась к засеке шагом. По мере приближения стало видно, что засека, хоть и перекрывала дорогу, выглядела... не очень. Нет, ее нельзя было свалить одним пинком, но строившие ее явно не были мастерами, и она не вынесла бы, к примеру, даже пары часов обстрела из средних пушек (правда, доставить сюда эти пушки стало бы еще той задачей).

Кроме того, теперь всадникам с высоты коней стало возможно увидеть, что там, за засекой и поворотом дороги, огибающей лес. Там – убегали немногочисленные фигурки, явно противника, а дальше было еще укрепление, но совсем уж небольшое.

«Они сделали вторую позицию – подумал фон Галлен – но им это не поможет. Сейчас проедет конница, тех, кто не успеет добежать, добьют, а остальных сперва окружат, а потом тоже добьют». Когда они подъехали к засеке почти вплотную, стало видно, что, действительно, проезд через нее тут и был, по самой дороге. Там было что-то вроде ворот, достаточных для проезда саней, правда, сейчас это все было перетянута веревками, какими-то палками, скорее всего, эти русские имели некоторое понимание в военном деле, и попытались максимально оттянуть тот момент, когда за их укрепление проникнет конница. Часть бойцов сейчас рубила и распутывала все это, поминая всех чертей и дьяволов, а остальные бойцы из центральной группы перелезали через засеку, уже совершенно свободно – последние защитники убегали до второго укрепления, которое было хорошо видно (местность несколько повышалась) шагах в ста – ста пятидесяти

–Что вы там возитесь, давайте быстрее! – недовольно крикнул один из рыцарей – ворота все никак не открывались.

–Сейчас, господин, они еще изнутри набили тут кольев – натужно отозвался ему кто-то из бойцов – во, вроде пошло!

Всадники, не дожидаясь сигнала, придвинулись поближе. Внезапно слева, за кустами и плетнем (до которого только начали добираться бойцы из левой группы, уже изрядно запыхавшиеся), раздался залп чуть ли не десятка аркебуз. Все невольно перевели взгляд туда – чуть дальше, где кусты становились гуще, поднимался дым. Явно там была засада, и сейчас нападавшая слева часть бойцов оказалась у них как на ладони, да еще и завязшая в глубоком снегу... Мало того, один из свинцовых подарков долетел и до их группы, свалив одного из крайних слева всадников. Часть конников подалась назад по дороге, часть, наоборот, влево, видимо, инстинктивно собравшись атаковать засаду, хотя та была как минимум за глубоким снегом и плетнем, кони смешались... Генрих собирался отдать команду построиться и как можно быстрее пересечь укрепление – с засадой можно было разобраться и позднее, собственно, эти русские (или кто там) были уже почти рассечены, но тут справа, из леса, раздался сильный грохот, что-то ударило его в бок с огромной силой, сбрасывая с коня, и... наступила темнота.

4

В этот раз при подготовке к новой схватке с Орденом Седова привлекали гораздо меньше. Основной вывод из первой схватки и князь, и остальные сделали – им надо стараться при любом раскладе не допускать ближнего боя на условиях противника, а максимально наносить ему урон еще на подступах, даже тратя на это стрелы и порох в большом количестве. Так что первоначально была сильно укреплена засека, а потом Гридя (который там больше всех времени проводил) стал придумывать еще кое-что. По его мыслям укрепление было доведено до леса с обеих сторон, да и в лесу были сделаны препятствия в виде обрубленных верхушек тех деревьев, что пошли на засеку. Получались такие естественные рогатки, и протянуть их удалось достаточно далеко в стороны. А потом, когда все это еще и снегом прилично присыпано было, лес стал... ну, все же не совсем непроходим, но проходим очень медленно и с большим трудом. Был он тут смешанным, а, к примеру, разросшийся ельник и укреплять не надо – и так не пройдешь.

А Николая Федоровича снова пытали, что могло бы сейчас им пригодиться из богатого на развитие военных дел будущего. Он в который раз вспоминал все партизанские приемы (если посчитать, то про войны и оружие будущего он все же рассказывал больше всего времени). Самое первое, что напрашивалось – это мины, но... не имея взрывателей из будущего, а только запальные дорожки или фитили, рассчитывать на эффективное использование мин не приходилось. Князь даже готов был выделить сколько-то железа, те же шлемы, например (у них было

достаточно трофеев, а для аналога МОН нужно было что-то сферическое, котел или вот шлем), но... запалы. Если бы взрывчатка из будущего у них была, можно было бы попробовать и так, добавив поражающих элементов, но... с черным порохом Седов не давал гарантии, что разлет будет, какой надо, а времени на сложные эксперименты не было. Так что Гридя предложил сделать вторую линию укреплений, куда организованно отступить от первой засеки, а вклад Седова на этапе подготовки ограничился... тарзанками. Когда в одном из обсуждений прозвучало, что точно сунутся орденцы в лес, завязнут там, но и своим там дорожки топтать смысла нет, а иначе тоже завязнут, он вспомнил про тарзанки – веревки, с помощью которых можно быстро менять позицию. Спрыгивая с дерева на расстояние, ну, саженов до пяти, а это в лесу, считай, уже и не видно, кто понимает. Гридя и собирался изначально лучников по деревьям рассадить, а теперь решил кое-где срубить мешающие ветки, чтобы они с ближнего расстояния ушли, и было им время еще пострелять, не вступая в ближний бой, или уж отступить.

А вот идея с пушками на деревьях родилась хоть и от этих тарзанок, но уже без участия старца, и он даже не знал, кто был ее автором. И сами-то пушки из древесных стволов использовались сейчас, но – как наследие старины, или вынужденно, в случаях, когда порох есть, а стрелять не из чего. Ну, а идея разместить их не как обычные пушки, а так, чтобы сперва их не заметили, на этих самых деревьях, и постараться собрать под их выстрелы побольше народу, напрашивалась сама. Им были опасны в этот раз и конные, и пешие, но – на лошадях ездили рыцари и руководство, а как собрать пеших более-менее компактно – мыслей ни у кого не было. Ворота в засеке на самом деле были, но их совершенно заблокировали, а дозорные выезжали через другой проход в лесу, замаскированный, а вот потом коней выводили к воротам и все следы, действительно, вели вроде бы туда. Срубив кое-какие ветки, два подготовленных ствола эраци-пушек подняли на деревья, пристроили (с некоторым разлетом по прицелу) сбоку от этих самых ворот и замаскировали. Не так-то просто оказалось набрать в конце зимы и гальки на дроб, и для этих пушек, и на заряды для захваченных в замке, но справились и с этим (насобирали на речных обрывах). У разведчиков в этот раз было три важных задачи – в лесу выбить как можно больше народу, в нужный момент выпалить из пушек (эту пару посадили на деревья с утра, еще затемно), а еще Гридя хотел направить две пары подальше вдоль поляны с ракетами. Дали им всего по одной ракете, да короткие направляющие, чтоб утащить можно было, и целью просили выбирать конницу или больше скопление воинов. Но – не в начале схватки, надо было, чтобы втянулись все бойцы Ордена, а иначе их руководство могло отвести остальных, и было бы в следующий раз готово и к ракетами. В этот раз у разведчиков, кроме белых накидок, пошли в дело и маскировочные костюмы «под лешего», пошитые к этому времени в нужном количестве.

Впрочем, важных задач хватало у всех. Всем, кто мог хоть как-то стрелять, были розданы все пищали, и свои, и трофейные, которые были еще в нормальном состоянии, отлиты новые пули, обговорено, когда и как начинать обстрел. Свои пушки после споров все же сразу поставили во втором укреплении, поскольку ожидалось, что орденцы рассредоточатся и не полезут толпой под выстрелы, как в прошлый раз, а быстро перетащить их и заново установить можно было и не успеть. Туда же сразу поставили людей Черного – им надо было защищать второе укрепление, не допуская его захвата. Здесь же, во втором укреплении, была и основная ракетная направляющая. И Степан, и сам князь, и остальные всадники, что были собраны ближе к деревне, играли нынче роль последнего резерва – или добивающей группы, если у них все получится. Главным на первом этапе оставался Семен, именно он привычными свистульками должен был давать команды на отход от засеки. Под его началом были самые меткие стрелки из пищалей, самострелов и некоторое количество ополченцев с копьями и пиками. Они должны были проредить орденцев, если те сунутся близко, на первом этапе, и изображать сопротивление до отхода. На крайнем правом фланге, за кустами, была размещена еще группа стрелков с пищальями и самыми сильными самострелами. Между ними и самой дорогой была сырая про-

моина, последними метелями ее занесло вровень с остальной поляной, но тех, кто туда сунется, ожидал неприятный сюрприз – снег там должен быть выше пояса, а под ним – сырая ложбина. К этим стрелкам дали и небольшое прикрытие на случай, если орденцы все же доберутся до них. Ну, а лекарский отряд посадили на сани вместе с конным резервом, который стоял за парой поворотов дороги, за пределами видимости от засеки.

Солнечная погода помогала скоротать время ожидания, когда на следующий день после возвращения разведчика, сообщившего о выдвижении орденцев, с утра, все бойцы заняли позиции и принялись ждать. Да и позавтракать сегодня было время, так что народ пока ходил, переговаривался, грелся на солнце... Кто-то сидел на санях, коней оседлали, но пока чего-то из упряжи не затягивали (Седов еще не разобрался, хотя и начал интересоваться). Настроение было нервное. Прискакал посыльный от засеки, сообщил, что ливонцы выходят на поляну и пока остановились. А вскоре раздался первый выстрел, заставив почти всех вздрогнуть. Бойцы кинулись к лошадям, и через пять минут судорожной подготовки все были готовы по сигналу вскочить и помчаться... Через некоторое время, когда народ напряженно вслушивался в выстрелы и далекие крики, князь отправил одного человека поближе, посмотреть. Тот вернулся почти сразу, сообщив, что наши еще возле засеки, в лесу, похоже, началось, а больше ничего не видно. И действительно, в лесу, сейчас уже ближе к ним, кроме криков стали раздаваться хоть и приглушенные деревьями, но узнаваемые взрывы бомб. Их выдали разведчикам на тот случай, если надо будет отбиться от группы врагов, или ослепить их вспышкой и дымом, чтобы успеть уйти.

Еще через несколько томительно долгих минут крики усилились, а потом раздался длинный свисток – сигнал на отход от засеки. Народ начал посматривать на седла, хотя все знали, что до их выхода еще в любом случае далеко... Выстрелы из пищалей так и продолжали бухать, то вразнобой, то сразу несколько, крики вроде приблизились, и тут раздался почти сдвоенный грохот, и над невидимым отсюда полем боя, над деревьями, поднялось довольно большое облако дыма.

–Пушки в лесу – буквально выдохнул кто-то, и после некоторой паузы крик поднялся гораздо сильнее, но теперь в него добавились истеричные ноты, а еще – кони... Раненые кони кричали иногда почти как люди, а иногда – совсем по-другому, но почему-то и у Седова, и у остальных, при этих звуках зашло сердце. Да и их кони, до того чутко прядавшие ушами при звуках выстрелов, начали беспокоиться... Князь послал второго гонца.

–Наши от засеки ушли, эти там копят, но пока на вторую не идут – доложил тот – а за самой засекой не видно ничего...

Тем временем стрельба на поле боя не стихала, а вот крики как-то уменьшились, но через некоторое время раздался крик явно сразу многих людей, сразу же перекрытый многочисленными выстрелами. Похоже, орденцы пошли в атаку на вторую засеку, и оттуда начали отстреливаться (пищали, которые похуже, и дробовики были все там). Почти тут же бухнули две малые пушки, значит, орденцы подошли на выстрел, потом тише, но узнаваемо грохнули дробовики, где-то тут же – бомбы, а потом все перекрыл рык сразу полутора десятка глоток примерно.

–Черный своих повел – нетерпеливо, чуть не пританцовывая, сказал Степан, расслышавший в этом шуме голос второго десятника.

Николай Федорович не смог бы потом сказать, сколько прошло после того, как там схватились врукопашную, времени. По ощущениям – очень долго, а так – минут пять, не больше. Раздались частые, прерывистые свистки, и почти сразу – знакомый рев ракет, одна за другой, пять штук. И почти тут же – снова длинный свист.

–Пошли! – скомандовал князь, вскидывая тело на коня, но его опередило как бы не пятеро, и в линии всадников, вытянувшейся по дороге, он оказался где-то в середине...

Оставшиеся возле саней санитары переглянулись.

–Давайте и мы, что ли – сказал Седов – потихоньку.

Им-то не дали никаких указаний, но, раз ракеты были выпущены (а это согласовывали, если орденцы соберутся в кучу или их отгонят на какое-то приличное расстояние), значит, можно?... И они пошли по дороге, ведя лошадку под уздцы. После поворота стало видно ледяную засеку, сзади-сбоку. Над ней постепенно рассеивался дым, вроде, уже никто не стрелял оттуда (хотя вообще-то выстрелы еще гремели), там копошился народ, кто-то лежал на земле, и кое-где виднелось... красное? Они, не сговариваясь, перешли на бег, и тут где-то дальше на поляне снова завывли и почти сразу взорвались еще две ракеты...

...У князя, как всегда в начале схватки, все как-то изменилось в сознании. Старче называл это мудреным нерусским словом на «ад», а на деле это было так: сердце бухало, как бешеное, время как бы растягивалось, глаз подмечал все детали, а руки, казалось, успевали быстрее головы. Вот и сейчас – по знаку, перед пуском ракет свои воины должны были постараться отойти назад от орденцев, чтоб не попасть под свой же огонь, но, видимо, в пылу схватки не всем это удалось. Но его обострившийся взгляд в не таком и сильном дыму возле засеки выхватывал фигуры со знакомыми повязками (воины к ним уже привыкли) и без, и всадники врубались в последних, оглушенных и вяло копошащихся сейчас возле засеки (да и тел, валявшихся на подстилке и на снегу, как князь успел заметить, тут было прилично). С этой стороны снег был утоптан почти до состояния дороги, и кони не проваливались и не скользили, позволив их небольшой лаве прокатиться сперва почти до самого овражка на правой стороне, там развернуться – и пройти обратно, взмахивая клинками, и только после этого князь смог остановиться и как-то оглядеться.

Тел на снегу было довольно много, но, как удалось ему разглядеть, почти все они были без повязок. Что-то орало из второго укрепления, радостное, и кто-то там даже прыгал и махал руками. За засекой, куда он кинул взгляд, видно было, что орденцы уходят, по одному, много по двое, почему-то не по дороге, а через кусты по краям поляны, и тоже лежит сколько-то тел. Что творится под самой засекой, видно не было. Куда-то еще стреляли из засады справа, приглядевшись, он понял, что у тех бойцов еще в пределах досягаемости часть орденцев, выбирающаяся сейчас из глубокого снега. Надо было выезжать за засеку, добывать их! Но... раньше эта же мысль пришла в голову Степану, и он уже торопил сейчас своих на окраине леса, где был настоящий проход на ту сторону. Там надо было всего лишь срубить две веревки, и кусок ограждения падал, позволяя проехать всаднику. С этим кто-то, невидимый сейчас в зарослях, справился, и Степан, свистнув своим, ломанулся туда. Князь хотел было последовать за ним, но увидел идущего к нему от ледяной засеки Семена, а охолонувшая голова подсказала ему, что остальное могут и без него.

Он соскочил с коня и тоже поспешил навстречу Семену (почему-то мысль доехать не пришла к нему в голову). На подходе стало видно, что тот улыбается, и князь понял, что и у него на лице расплывается широкая улыбка... Они обнялись и стали хлопать друг друга по плечам (князь вовремя вспомнил про руку друга, и не усердствовал, но Семен сейчас, похоже, ничего не замечал).

– Все вышло! – радовался он, громковато (ну да, у них тут и пальба была, и ракеты), но от души – и у засеки сгуртовались они, и под пушки подставились, и огненными стрелами мы их здорово добились! И, похоже, рыцари под пушки Гридиных ребят там тоже подставились.

– Даже у нас слышно было, как там заорали – согласился князь – и кони...

– Кони, да – Семен сбавил улыбку и оглянулся вокруг.

Немного времени прошло, но все как-то упорядочивалось. Возле ледяной засеки устроили перевязочный пункт, где в пять пар рук помогали народу Ефим, Михайла, старче и еще двое, с подготовкой санитаров. Бойцы зачищали все пространство между засеками, уже собирали тела своих (слава богу, оказалось их немного), и сейчас примерялись к орденцам. Группу Степана уже было не видно. Выскакивал из лесу Гридя, увидел их, перемахнулся рукой – мол,

все в порядке – и убежал обратно, похоже, вылавливать и добивать тех, кто попытается уйти лесом.

Князь и Семен, как-то одновременно отойдя после схватки и видя, что сейчас командовать не нужно, решили проверить, что там, с той стороны засеки – поляну совершенно не было видно за ней, сильно укрепленной за последнее время. Они, забравшись на коней (Семену подвели его, до того привязанного где-то в безопасном месте), проехали по проходу между деревьями за линию укрепления, отметив мельком, что орденцы сперва так и не успели найти замаскированный проезд, а потом им стало, похоже, не до того, и выехали из леса уже с обратной стороны засеки.

Картина была... непривычна. Возле того места, где они выехали, до сих пор воняло порохом и кровью: оба заряда с деревьев пришили на уровне лошадиных спин примерно (или человеческих голов, нацеливали их именно так), и больше дроба досталось коням, а не людям, так что крови здесь было налито прилично. Лежало с десяток лошадиных туш, и примерно десятка три тел орденцев. Приглядевшись, князь с Семеном поняли, что кроме попавших под удар импровизированных «пушек», есть тут и попавшие под дальний огонь из пищалей, не ожидавшие, что оружие достанет их на недоступном вроде бы расстоянии. Но были среди убитых и явные всадники, судя по экипировке, и даже рыцари, по крайней мере, снаряженные очень хорошо бойцы, трое или четверо. На самой поляне (они двинулись по дороге к ее дальнему краю, где снова виднелась какая-то свалка) тел почти не было, разве что с того края, что был ближе к занесенной снегом болотистой промоине, кое-где виднелись, похоже, из числа не успевших уйти от обстрела с замаскированной позиции за этой самой промоиной. По дороге через поляну тел тоже почти не было, трое или четверо орденцев лежало здесь всего, то ли подраненных в лесу и возле засеки, то ли попавших под случайные выстрелы. Живых тут не оставили ранее прошедшие бойцы, и они, подстегнув лошадей, более быстрым шагом доехали до того места, куда, похоже, попали ракеты боковых засад. Здесь тоже лежали павшие кони, много, десятка два, но не в одном месте, а как-то... растянуто, и люди, но крови было гораздо меньше – дроба-то в ракетах не было... Часть и людей, и коней, явно была затоптана в свалке. А на телах мертвых орденцев были заметны следы, похоже, от ножа. Они сперва подумали, что это тоже та группа постаралась, что на зачистку со Степаном ускакала, но владелец ножа нашелся тут же (как и сам нож). Он, как стало видно вблизи, вытирал сейчас снегом лицо своего мертвого товарища, полулежащего на крупе убитой лошади (а нож лежал тут же, сбоку).

Здесь было самое узкое место, после которого, собственно, пустошь вдоль дороги и начала расширяться, становясь поляной. Лес был только слева, на приличном отдалении, а пока еще голые кусты подходили к дороге гораздо ближе (причем с обеих сторон), и в этих кустах еще до начала схватки сидели отправленные Гридей разведчики. Они узнавались по белым накидкам, правда, у живого она сейчас была сильно испачкана спереди кровью, а вот у второго... у второго на теле не было живого места. И Семен, и князь имели опыт, и поняли, что попал он под копыта, вот только еще живым, или уже мертвым? Это было непонятно... Но – второй разведчик обернулся на звук копыт по дороге, и поднялся, отложив в сторону очередной кровавый комок снега. Когда всадники спешили, стало видно, что на лице его среди брызг крови прочерчены две дорожки, от слез, но сейчас голос был уже спокоен:

–Княже, воевода... а мы вот тут... сидели в засаде, значит... Я и... – он неловко махнул рукой в сторону тела товарища.

–Это... Данил?... – взглядевшись, первым узнал того Семен.

–Данька, ага.

–А... как все вышло? – спросил князь, осматриваясь.

–Мы сперва сидели поодаль, в лесу, Гридя сказал – присмотрите там, на случай, если они побегут. Как все на поляну вышли, они сперва недалеко от нас стояли, потом пешцы вперед ушли, а вскоре и... рыцари эти и иные конные потянулись. Мы тогда поближе подобра-

лись... Потом, как... началось все, ждали, как велено. Потом грохнуло, от нас видно было – попало хорошо, посшибало многих... Ну, там сколько-то еще вроде бились, да вы лучше знаете, наверно... А после, как они назад подались, Данька мне и говорит: давай бомбу! Мы-то с самострелами, но у нас по одной с собой было, как положено, значит – пояснил он князю, но тот и сам помнил, вместе с Гридей прикидывали, что у кого из бойцов с собой должно быть...

–Ну, я даю, а он фитиль в зубы, и к дороге... Я-то не сообразил, а он-то пошустрее у нас... был... – на лице бойца снова что-то блеснуло.

–А дальше-то что? – поторопил Семен, все еще не понимая.

–Конные их – продолжил отвечать боец – как-то в кучку собрались, и, значит, потихоньку так обратно подались. Медленным шагом почему-то... Тут слышу, свист, нашим с боков выдвигаться, и похоже это уже второй раз было – чего Данька-то раньше дернулся? А он... в обе руки по бомбе... и посреде дороги встал прямо... Они, как ближе подъехали, увидели его, в белом-то не сразу разглядишь, хоть и грязь уже... а он тогда... один, другой запал к фитилю, к ним подался, и бомбы лошадям под ноги – на!... Тут я тоже стал выбираться, из кустов-то (видно было глубокую тропку в сыром снегу в эти самые кусты). Да только не успел. Бомбы грохнули, они встали, кто-то свалился даже... дым, кони кричат, задние напирают, в кучу сбились... и тут с боков стрелы огненные пустили наши, попало прямо туда, в кучу эту, сзади. Там орут, а те, первые, рванули прямо по дороге, мимо меня, своих же стоптали, кто упал... и Даньку там...

Все снова перевели взгляд на парня. Действительно, Данька – на молодом еще лице (сейчас стало заметно, что, кроме переломанного тела, и одна скула его была сломана, но... уже не кровила), виднелись редкие усы... а бороды не было совсем. Вспомнил этого шустрого парня и князь – борода у того пока росла плохо, и он ее сбрасывал. Пока они молчали, боец подобрал нож, воткнул его в ножны под накидкой и сказал:

–Ну, а тут я вот... раз не успел, так пошел этим, которые попадали... контроль делать (слово, как и «зачистка», прижилось в отряде от старче)... Лошадок тоже, побитые которые были. Орденцы, пешие которые, и не совались сюда, кругом вроде шли, а потом из лесу Степан, значит, со своими, ну, и я вот...

Князь взглянул на эту картину теперь по-новому. Выходило, что Данька этот задержал отступающих рыцарей и прочих всадников, они собрались в кучу, дав возможность двумя ракетами эту кучу разнести, правда, только сзади, и все лежащие здесь тела – результат действий выскочившего на дорогу парня с двумя бомбами...

–Семен – сказал князь, и сам не узнал своего голоса – у тебя... знак с собой?

Тот сперва не понял, но потом догадался, и полез под накидку. Ему было неудобно, одной рукой, и князь подошел, помог отстегнуть, а после со знаком в руке повернулся к бойцу. Тот смотрел удивленно, но князь шагнул рядом, присел и приколот орденский знак к небольшому оставшемуся белым куску на накидке Даньки.

–Давай, возьмем... вон, потник, что ли, с коня. Надо его отнести к нашим... – сказал он, поднимаясь.

Так они и ушли назад, к засеке. Впереди на попоне князь с бойцом несли, иногда все-таки протаскивая волоком, Даньку, сзади однорукий Семен вел в поводу коней. Перекинуть тело на круп никому почему-то в голову не пришло. Их увидели свои, перешедшие на эту сторону засеки, когда они уже почти добрались до укрепления. Кто-то свистнул, бойцы подскочили, перехватили и уже вчетвером донесли тело товарища через проход и до ледяной засеки, положив Даньку рядом с другими погибшими сегодня воинами их Ордена. Народ подходил поближе, увидав такую неожиданную процессию, и князь рассказал, все еще каким-то чужим голосом, что разведчик сделал, и чем это для ливонцев нынче обернулось. Из леса постепенно возвращались бойцы Гриды, вышел и он сам, после вернулся Степан со своими, и им всем рассказывали про Даньку...

...Его так потом и схоронили, с золотым орденским знаком, первого, награжденного посмертно. Правда, знак ему сделали свой – Ефим вел запись по номерам. А на табличке в церкви, с надписью «Даниил из Пскова», Михайла, достав где-то красной и желтой краски, нарисовал орден. Получилось не очень, но понять можно было – желтое на красном...

Они потеряли в этот день чуть больше десяти человек (одиннадцать, если точнее, и еще один на следующий день умер – тяжелое ранение пулей в живот, и потеря крови, даже старче, увидев, только головой покачал). Раненых было много, но почти все – легко, в серьезной рукопашной-то, считай, только ребята Черного сходились, а они все давно были в хорошей броне, со щитами. Было несколько огнестрельных ран – орденские пищальщики, или аркебузиры, как их там, дело свое тоже знали, а в основном колотое да резаное.

Потери Ливонского ордена сосчитать так и не смогли. Собирали тела в разных местах, несколько отдельных групп, увозили нынче в другой овражек – до того, первого, через загородку добираться было неудобно, да и далеко от дороги по остаткам раскисшего снега увозить – тоже, так что разведчики указали другую промоину. Что надо считать, никто сразу после боя сказать бойцам не сообразил, а как стали потом прикидывать (и по доспехам собранным тоже) – выходило всяко больше пяти десятков. А еще были те, кого в лесу подстрелили, да не нашли, а еще – те, которых Степан со своими по дороге догнал (он про полтора десятка говорил, может, и приврал)... А если еще рыцарей и всадников считать (тех выходило около трех десятков, все-таки те два места – возле засеки под пушечным ударом и в горловине поляны, под ракетным – собрали свою кровавую дань именно с всадников)... Старец подходил к князю, сказать, что после весны надо будет их как-то перезахоронить – и по обычаю, и, мол, болезнь плохая может от тел пойти, так и решили, если живы будут. Но вообще-то оптимизма у бойцов было полно – новая победа, хоть и с дорогой ценой нынче. Ополченцы (и те, что только от тевтонцев вернулись, и те, что на эту битву князем набраны были) хоть и понесли потери больше всех других десятков – увидели, как побеждать тех самых орденцев, что их и предков их веками в рабстве держали, и теперь уже трудненько было бы заставить их к старым порядкам вернуться...

Седов заметил потом, что, пожалуй, в чем-то правы были тогда князь с Семеном – если оружие крестьянам давать, результат может быть... неоднозначным. Но, вроде как, пока было наоборот – князя славили, и после возвращения в замок (и тризны по погибшим) расходиться они захотели не все. Но изведшийся от их ожидания Федор напомнил, что скоро пахота, и землю делить пора, и мужики все-таки разошлись, правда, дождавшись от князя обещания, что если нужда будет – он снова их призовет. Князь совершенно не лукавил – неизвестно, как там шли дела у московских войск, но, если выйдет у них, не за горами Ревель, Хапсал, Пернов, Феллин... Ну, а дальше уже даже и князь не загадывал. Единственное, чего можно было не опасаться, так это скорого повторного наступления орденцев с юга – с некоторыми из захваченных в этой битве бойцов Ордена... переговоры, перед их... безвременной кончиной, и про подготовку их, и про руководство самого феллинского кастеляна узнали. Но среди погибших его не нашлось.

А тогда, возле маленькой, почти игрушечной ледяной крепостцы, Николай Федорович ничего такого не думал. Ну да, совсем рядом (ну, не совсем все же, но в пределах видимости) бойцы добивали орденцев, из тех балаганов, что он видел в леске, изредка доносились крики (Гридя по-быстрому разбирался с пленными), но для него это все проходило как-то... картинкой. Мозг был занят важным делом – они обрабатывали раны (не зря издавна еще виднелось красное, такое заметное на снегу). Кроме одного, который был явно безнадежен – пуля в живот, да через овчину, кольчугу и что там еще под ней – остальные были гораздо легче (хотя и была, например, рука с перебитой костью), но работы по промывке, намазке, бинтованию – хватило на всех пятерых, да еще народ помогал. Они почти закончили, когда из-за засеки принесли того молодого разведчика, и князь не своим, сухим каким-то, как будут говорить – протокольным, голосом рассказал про его подвиг.

Вот в этот момент у Седова... нахлынуло как-то, из воспоминаний, снова про войны и погибших, даже в груди закололо, и он отошел в сторонку, до чистого снега, без грязи и копоты, растереть лицо... Этого никто не заметил, и они продолжили свое дело. День все-таки прилично удлинился, и все нужное сделано, собрано (а тела увезены) было еще до сумерек, но, как оказалось, князь решил, что обратно они поедут завтра (хотя гонца в замок отправили сегодня, конечно). Переночевали, на следующее утро разобрались с ранеными – кого с собой, кого пока оставить, Степан со своими еще затемно уехал на дорогу – проверить, не вылезет ли кто из орденцев, что вчера по лесу да кустам прятались, на обратный путь. А остальные, кроме оставляемого у засеки усиленного наряда дневальных, потихоньку двинулись в Озерск.

И в деревне, и в замке встречали их радостными криками, Федор лез обниматься, Милана всплакнула (да и у большинства из замковой obsługi облегчение на лицах перемешивалось со слезами), ну, а дальше пару дней в основном были заботы с ранеными, похороны своих, тризна, награждение орденскими знаками. Один из тех двух разведчиков, что «пушки» на деревьях запаливали, из леска так и не вышел – наварлся, видать, на матерого орденского бойца, или двоих сразу... Второму дали малый знак, в серебре. Такой же знак дали бойцу Черного, что первым выскочил через ледяную засеку да врубился в наступавших орденцев, и... тому напарнику Даньки. Он единственный отнекивался было, но князь сказал: «это тебе и за себя, и за него». А старче, услышав это, негромко произнес «теперь придется жить и за себя, и за того парня», и еще непонятно «с гранатой под танк», и фразы эти долго потом обсуждали бойцы, промеж своих...

На третий день после возвращения вечером князь собрал всех в башне. К тому времени и Петра вернули, так что не было из руководства только Степана, что остался пока на тракте сам – приехавший оттуда гонец сказал, что кое-кого они еще на дороге поймали, так что задержатся. А из той деревни, где орденцы дольше всего стояли, начали они уезжать назад, частями, по словам разведчиков, не дожидаясь, пока все соберутся да их раненые поправятся. Атаковать их сейчас князь не собирался – не те силы были, хотя Степан еще возле засеки предлагал, но было это сторяча, и говорил он тогда, не подумав, в чем на следующее же утро и признался сам. Князь подвел итоги битвы, в конце сообщив всем, что узнал Гридя от орденцев. Было окончательно подтверждено, что знают о них ливонцы уже до самого магистра, и имел феллинский кастелян особую грамоту от того, и соседей предупреждал, и дальних гонцов рассылал, но – собранные им войска, где-то треть от которых они выбили (тут, конечно, не обошлось без спора, больше-меньше, но князь его пресек), с задачей не справились. Теперь от Ордена ждать можно пока только мелких пакостей, но мальчишки, что понесут по деревням весть об их победе (тут уж князю подсказывать не пришлось), напомнят и о награде за орденских лазутчиков, так что в боях у них, пожалуй, перерыв. Народ немного обсудил, сколько времени тут будет распутица, но решил, что увидят сами, а гадать сейчас бесполезно.

–Нам же ныне – сказал князь в конце – надо заняться делом иным, да тоже важным, хоть и надеюсь я, что не будет оно так кроваво... (все же потеря своих бойцов, хоть и при явной победе, сказала на руководстве, просто не выставляли они это напоказ). Пора заняться нам Ревелем...

И Петр, взяв слово, рассказал уже подробно, что там у Пимена с Торгашом, да что он сам узнал, в Ревель съездив...

...Пимен давно не чувствовал себя так легко, как в то зимнее утро, когда они с обозом выходили из Пскова, направляясь в Ливонию, к князю. Исчезли те тоска и тяжесть на душе, что много лет сопровождали его, ежедневно, ежечасно, еще с тех времен, когда семья его... (он запретил себе об том думать). Он никогда особо не показывал этого, занимаясь повседневными заботами, а их у второго кормщика всегда много, как бы не больше, чем у первого, но народ, конечно, понимал это, особенно Дан. Побратим, хоть и выглядел этаким... ушкуйником, в общем, был умным, быстро соображающим в опасных ситуациях, хоть и не хватало ему, на

взгляд Пимена, иногда времени (и желания) подумать на пару шагов дальше. Они потому и были вместе, что хорошо дополняли друг друга, пройдя за много лет разные переделки (и сумев заработать в них себе на хорошую жизнь, чего уж).

Но... побратим понял, когда Пимен рассказал ему о том, что уйдет к князю. Прозвучало «пока», но, пожалуй, после рассказов старца и задумок князя оба понимали, что и весной, с новой навигацией, уже не станет все как было, по-старому. Так что, когда Ждан с Твердом сообщили о выходе отряда в Ливонию, Пимен отдал своим распоряжения по хозяйству, собрал самое нужное в пару небольших тюков, и ушел, с легкой душой и мысленно улыбаясь всю дорогу. Путь нельзя было назвать трудным – зима, но они особо не торопились, дорога была известна, Ждан хорошо подготовился, так что и до Гдова, и в саму Ливонию они прошли спокойно. В новых землях князя (и всей их компании) Пимен сперва подумал, что досталась тем местность бедная, но в замке мнение свое немного переменял, поняв, что заходили они как раз с таких мест, где и земли были похуже, и людей было мало, и... пройти малому отряду с боями легче, что, собственно, князь и проделал.

Ну, а потом, после того, как он освоился в замке и узнал подробнее о пути отряда и его успехах, а также о том, как они тут себя поставили и как собираются жизнь устраивать, предложили ему дело. Нет, даже Дело. С одной стороны, надо было ему вроде бы плевое дело сделать – снять дом в Ревеле, будучи как бы доверенным приказчиком богатого купца псковского (собственно, Ждан с Твердом, если что, такими купцами и были), да от имени того же купца начать знакомства заводить, да выяснять всякое-разное, что купцу в торговле полезным быть может – от пошлин портовых, до цен на товары, на рынке и оптовых. Знакомства же свести с иными купцами, да с разными городскими людьми, что очень полезны бывают, хоть и не на виду, вроде чиновников ратушных, портовых да квартальных, и все такое прочее. Особенность же состояла в том, что все это было поверху, а на деле он должен был стать «своим среди чужих», как сказал старче. Именно в беседах с ним, и с Петром еще, открылись Пимену некоторые вещи, о которых он раньше самое смутное представление имел, или вообще не догадывался.

Все это, да еще что Торгаш среди своего круга, пониже статусом, должен был по старым связям вызнать, они должны были проделать для того, чтобы узнать, кто на самом деле всем в городе-то заправляет, и с этим человеком (или людьми) предстояли потом совсем другие разговоры... Пока, предварительно, считалось, что это кто-то из ганзейских купцов, в Ревеле постоянно проживающих, но это надо было уточнить. Впрочем, и Петр, и Федор, и сам князь от Пимена не скрывали – брать под свою руку все дела в Ревеле им хоть как надо было, либо уж так прикормить того, кто там сейчас главный, чтобы что нужно было им – он делал сам. И сложность здесь была не в том даже, чтобы в городе новые порядки установить – нет, если там нету того, что старче называл «беспределом», а жизнь в городе худо-бедно налажена (а так, скорее всего, и было, судя по тому, что им всем сейчас о Ревеле было известно), то в самом городе особо порядки-то менять и не надо, но вот все земли вокруг должны быть очищены от орденцев, и без холопства... Вот тут отношения между горожанами и сельчанами (а это – основа хозяйства, кто понимает) должны будут поменяться так, что, пожалуй, довольно сложно может оно обернуться для города...

Но – это было второе, если даже не третье, и о том договорились уточнять уже после того, как они с Торгашом заедут, устроятся да первые знакомства заведут. Для того дадена им была приличная мошна, и серебром, и золотом даже, а кроме того – переписал Ефим списки с заемных писем, что в руки им попали в замке этом, а князь показал иные ценности, на всякий случай – камения, янтарь да перстни и ожерелья, цены, как понимал Пимен, такой немалой, что, пожалуй, и впрямь можно при правильном подходе иного большого человека на свою сторону склонить. Ну, и перед самым отъездом был еще один разговор... Там Петр кое о каких ухватках «ночных торговцев» поведал, да самые простые примеры – как они облапошивают купцов-раззяв и прочих простофиль и как от того уберечься. Иное из этого Пимен и раньше

знал, помотался по городам кормщиком-то, иное – впервые услышал. Ну, и старче добавил, но уже не об этом, а... об отношении к русским. И с этим тоже Пимену приходилось сталкиваться, в северных городах в основном, встречаясь с иноземными купцами с Балтики и из более далеких мест. Но то, что оно там веками так будет устроено, и что их все это время дикарями, татарами, лишь за Европой все повторяющими считать будут – для него внове было.

Старче, хоть и оговаривал, что ошибаться может, дал с того осторожных советов несколько – как в доверие в Ревеле купцам и иным важным людям войти. Простых, советов-то, но Пимен решил, что, пожалуй, дело нужное, да и Петр одобрил, и князь, хоть и морщился, слова против не сказал... Одеться по местной моде, из приличных, дорогих тканей. В разговорах не то, чтобы все русское хаять (можно, но в удобных случаях только), но лучше хвалить заграничное, европейское, да то, как у них тут все устроено... О том, кстати, и про купца своего говорить – хочет, мол, с настоящими товарами дело иметь, с которых прибыль тоже хорошие, да в лучших местах торговлю открывать, надоели эти лапти... Все это запомнил Пимен, и уехали они с Торгашом на паре смиренных лошадок, с двумя такими же выючными.

Дороги им обсказали, и к Ревелю выехали они с восхода, вроде как от Нарвы. Торгаш и сам тут неплохо ориентировался, и постоянный двор, куда он их привел, оказался из дорогих (а вот комнаты они заняли поскромнее). И хозяину, и пришедшей через день страже Пимен рассказал, как и должен был – что доверенный приказчик, что дом нужен, да по складам что, а самого купца летом надо ждать. Десятнику стражи, кроме обычного вспомоществования, была выделена еще некая сумма, тот пару таких домов сразу и подсказал, и расстались они довольные друг другом. Правильный размер суммы по местным меркам Торгаш подсказал, конечно. И хозяин постоянного двора, оценив манеры гостя (и наличие у него серебра), тоже в стороне не остался, и еще нескольких людей упомянул, кто помочь может с домами, но Пимен взял паузу, и первым делом прошелся по лавкам готового платья, да после портного навестил. Не самого дорогого, но приличного (Ревель был большим городом, и мастеров таких – портных, сапожников, всяких прочих – тут было довольно много, на разный кошелек). Правда, все же на свой вкус последнюю местную моду немного переиначил, вспомнив к случаю, какие лица были у рязанцев, когда они увидели его во Пскове после кожи и шерсти на лодье – в привычном ему, но богатом домашнем...

Несколько дней, пока он закупался и осматривался, в Ревеле как раз шли разбирательства после поджогов. Правда, тогда утром, когда пошли первые слухи о поджогах, и пожаров тех уже не было видно (похоже, или мало зажгли, или быстро потушили), на улицах никаких особых изменений не случилось, да они почти и не выходили первые пару дней с постоянного двора, вроде как отдыхая с дальней дороги. А к орденской крепости, чья башня была видна из любой точки города, он потом и сам не совался, от греха. Слухи быстро затихли (так, впрочем, ясности и не добавив – что это было), и Пимен впервые вышел в местный высший свет. Начал он с посещения трех домов, что ему подсказали, точнее, со знакомства с их хозяевами. Все они были местными торговцами, и, разумеется, с каждым он проговаривал его «легенду», как старец говорил. Его жизненный опыт, новая местная одежда (не из дешевых), манеры, знание языка и некоторых местных обычаев (а тут снова Торгашу спасибо) – сказались, и, похоже, он произвел хорошее впечатление. Дома, которые ему показывали, были в разных частях города, но сам-то он был небольшим, и уже на второй встрече, на следующий день, один из хозяев предложил ему подойти вечером в одну из таверн, посидеть с приятными людьми. Разумеется, Пимен согласился.

Пожалуй, это даже была уже не таверна, а... ресторация, вроде так их называли. Даже в общем зале было чисто и прилично, и на столах были скатерти(!). Тут же был и особый уголок, как ему подсказали новые знакомые, где иногда играют музыканты (!!). А еще здесь был второй поверх, за резными столбиками легкого ограждения, с искусной отделкой стенных панелей и даже гобеленами на стенах. Вроде как были еще и отдельные покои, где-то в глубине, но туда

он пока не попал, а уселся со своими новыми знакомыми внизу. И кухня, и пиво здесь были отменными, дав ему первый повод, пока невинный, похвалить местное... Ну, а там и разговор завязался... Надо сказать, что в портовом, но зимнем городе, где новых людей практически нет, а старые все давно знакомы, его появление вызвало обоснованный интерес, о чем ему тоже в замке сказали сразу. Сперва он несколько осторожничал в разговоре, но потом, видя, что тут все же не ордены вынюхивают, похоже, а на самом деле – местные интересуются, позволил себе быть естественнее. Ну, и советы старца вспомнил тоже, ага...

...Где-то дней за десять он перезнакомился практически со всеми, с кем имело смысл, и прошел пару проверок. Или совпало просто?... Одному из торговцев понадобилось узнать, с какого времени и каким маршрутом весной удобнее будет добираться до одного города на Волге. У него оказался договор на доставку туда неких товаров, еще с прошлого года. Почти весь вечер они с Пименом говорили об этом, не торопясь, под пиво (Пимен разобрался с местными сортами, и определился, какое ему больше нравится). Было уточнено все, что только смогли оба вспомнить – начиная с осадки и размеров корабля торговца, сам маршрут, разумеется, и заканчивая товарами, которые в то время можно будет в том городе купить по хорошим ценам, чтобы обратно плыть не пустому. С перерывами, обсуждением, под приличную закуску, с замечаниями от нескольких соседей (не влезавших в разговор, впрочем, а вполне культурно дожидаящихся паузы), снятием некоторых противоречий – на слова Пимена нашлись возражения, пришлось уточнять... По итогу кое-что записал себе собеседник, спросив чернил и бумаги (да, и это в заведении было), но кое-что записал и Пимен (это касалось примерных цен на несколько товаров из русских княжеств в Ревеле). А через пару дней после этого еще один торговец, ранее ему не представленный, был представлен уже новыми знакомыми и поинтересовался, что Пимену известно о путях на дальний юг. Тут он, хоть и выдал вполне приличный кусок информации, кое-что придержал, хотя и сделал несколько намеков, что, мол, готов и больше помочь хорошему человеку, отчего нет? Но – на других условиях... Еще был вопрос, вскользь, не было ли в Пскове (он не скрывал, откуда он, и вообще всю свою «легенду» спокойно рассказывал) по осени заметно подготовки к каким военным действиям. Ну, тут уж он (опять же, с полным взаимопониманием от собеседника) на примере пяти-шести товаров, цен на них и предложений на торгах, доказал, что в ближайшее время псковские войска точно воевать не собираются, то есть, по осени не собирались. И собеседники с ним согласились, купцы, они иногда раньше всех узнают о будущей войне, по своим приметам, кто понимает...

Разговоры эти велись вечерами, днями же он неспешно, но обстоятельно обходил склады, кое-что записывал, разговаривал с людьми, в сопровождении уже своей охраны, но, впрочем, не заходя в бедняцкие части города (там зато пропадал Торгаш). А вот в порт он ходил даже с удовольствием, разглядывая зимующие нынче тут большие корабли и лоды, чуть больше их с Даном. Да, и дом-то они сняли, конечно! Ближе к восточным воротам, чем к порту, без склада при нем, но с конюшней, правда, не близко к ратуше, центральной площади и крепости. Другие варианты были после тщательного осмотра вежливо отклонены, зато у одного из других владельцев нашлась знакомая кухарка, которая – после пробы блюд – была признана вполне годной и тоже нанята. Он прикупил в это время кое-что для дома, а после, когда все было обставлено, пару раз пригласил нескольких новых знакомцев к себе домой, оценить работу кухарки, так сказать. Дом был в два поверха, с крошечным внутренним двором между самим домом и конюшней с другими службами, с приличной мебелью, как раз для купца, что постоянно в разъездах, но хочет иметь комфортное жилье в большом городе, где и отдохнуть можно, и с друзьями посидеть. Был он далековато от центра, зато – с двором. Застройка в Ревеле ближе к ратуше и орденой крепости была хоть и сплошь каменная, но гораздо теснее, а этот дом каменным имел только первый поверх, второй был из бревен (что Пимену, надо сказать, привычнее было).

В походах его пришлось делать перерыв, когда произошла схватка орденцев на перекрестке тракта. Уход отряда их он не видел, а вот как проскакали бешено двое через весь город к крепости – даже наблюдал сам, издалека. Ну, а что те двое из целых двух десятков живы остались, и как там все дело было – он узнал уже из слухов, постоянно доставляемых Торгашом (надо сказать, и кухарка новая в этом смысле полезна оказалась). Правда, как все на деле там было, они не узнали, и беспокоились о своих, но Торгаш пообещал, что скоро вышлет одного ловкого парня на полдень, к Озерску (ну, не к замку, конечно, до их заставы на тракте), и тот сможет сходить, передать вести от них и вернуться. Пока это было опасно – кроме стражи, по городу пустили еще и орденский дозор, и вроде как и возле города их конные тоже ездили.

5

А седмицы через две, когда в городе снова все как-то улеглось, и затихли и эти слухи, он таки был представлен обоим из двух ганзейских купцов, постоянно живущих в городе. Для того он даже приглашен был на второй поверх той самой ресторации, за ограждение из резных перил, где у них, оказывается, были свои излюбленные столы. Надо сказать, что Торгаш, тоже поднявший все старые связи к этому времени, уже дал ему расклад и по ратуше, и по мелким чиновникам в ней, и сколько берет капитан внутренней стражи с купцов – просто так, за дружбу, и за конкретные услуги, и что в порту... Те пара человек, что они в охрану уже наняли, были из старых, проверенных, и еще людей Торгаш набирал, не торопясь. Но самое главное – они узнали, кто на самом деле управляет городом. И подвоха тут не оказалось: бургомистрами были эти самые ганзейские купцы, в их руках Ревель и был. Вообще, в городском магистрате было нынче два бургомистра и девять выборных советников, или ратманов. Между ними были разделены обязанности казначея, хранителя печати, председателя суда и другие. Особым отличием было то, что защита города была не на ополчении и наемных отрядах (одним из которых, постоянным и особым, была внутренняя стража), как в других вольных городах, а на Ливонском ордене, и от него в том магистрате сидел представителем рыцарь. Но вот стать членом магистрата можно было только при согласии (негласно, разумеется, так-то должности были вроде как выборные) одного из бургомистров. Согласие это, по слухам, стоило очень, очень много денег... Сами бургомистры имели патенты Ганзы, один был местным, второй тоже давно тут жил, и весь торг, который велся здесь, в Ревеле, был давно между ними поделен. Крупный, разумеется, как сказали бы в 21 веке – оптовый и фьючерсный, под будущие урожаи.

Так вот, на той первой встрече с ганзейцами Пимен, вполне обвыкшийся к этому времени в Ревеле, впервые почувствовал в груди некоторый холодок... опаски. Нет, он с самого начала держал в голове, что дело его такое, и Петр с князем о том же говорили, но... пока он был самим собой, Пименом, кормщиком из Пскова, особым приказчиком торговцев Ждана с Твердом, все было как-то просто. Даже когда орденцы ему в городе встречались... А сейчас ему надо было становиться уже прознатчиком и доверенным лицом пресвитера Ордена Красного знамени Иоанна... Но это все было в мыслях. На деле же он, после представления бургомистрам, был расспрошен (не приглашая его за стол, конечно, да они и сами-то за разными столами сидели, как он заметил). Тут уж пришлось конкретно рассказать, что Тверд со Жданом планируют расширять дело на закат (до того таких подробностей он не раскрывал), при этом один из них, скорее всего, останется во Пскове, а второй переберется куда-то в эти края, что открывает новые возможности для тех, кто понимает... С учетом того, что и у Ганзы, и у Ливонского ордена по торговле с русскими княжествами все время бывали ограничения (причем разные!), и часть из них относилась именно к русским купцам (а часть – вообще к русским землям), такая комбинация (хоть и не особо сложная, чего уж там) представляла интерес. А с учетом того, что купцов этих Псковских бургомистры знали (заочно, но тем не менее), у обоих в глазах Пимен что-то такое увидал... Но – разговор был отложен, да и сам он намекнул, что готов при удобном случае (но наедине) побольше рассказать, вызвав какую-то иную

переглядку между купцами... Но – на первый раз все этим и закончилось, и его отпустили, проводив вполне милостивыми кивками, впрочем.

Торгаш выяснил и подробности, которые, правду сказать, в городе и так знала почти каждая собака. Нет, бургомистры не враждовали между собой – до такого они не опускались, но и дружбы между ними не было. Герры (точнее, хееры, как было принято сейчас в Ревеле, слегка на голландский манер) Петер ван Баарен и Йохан Янссен давно разделили между собой рынки, как сказали бы в 21 веке. Ван Баарен, жизнелюбивый толстячок средних лет, бывший на первой встрече в ресторации в яркой, богатой одежде, торговал зерном (всеми его видами), в основном, с севером и ганзейскими городами германских земель, а завозил в Ливонию соль. Хеер Янссен был уже в годах, одеваться предпочитал строго и в темное, почти как лицо духовного звания, любил цитировать Библию и торговал в основном живым товаром. Скотом и – да-да – людьми. А завозил в Ливонию в основном железо, медь, оружие... Под ними работало множество мелких купцов, при случае они не стеснялись и перехватывать друг у друга товар, чем потом между собой любили и прихвастнуть, но, опять же, без вражды. А так люди были опытные и... опасные, что ван Баарен с его почти всегда веселыми голубыми глазами, что Янссен со своим холодным взглядом, слегка навывкате. Именно глаза их почему-то больше всего запомнились Пимену после первой встречи.

Некоторое время после нее ничего не происходило, разве что Торгаш рискнул все же отправить гонца к своим. Пимен все так же заходил вечерами выпить пива, посетил веселый дом, порекомендованный ему после некоторых намеков новыми знакомыми, в воскресенье сходил в православную церковь (была она в предместье Ревеля, далековато, но народ там был, и русская речь звучала). Вернувшийся гонец рассказал новости, что с победой тогда ушел Гридя с другими своими бойцами с того перекрестка (это больше всего беспокоило Торгаша с Пименом), хоть и не без потерь, ну, и о других событиях. А где-то через седмицу после первого знакомства бургомистры по одному прощупали Пимена уже тет-а-тет. Янссен выбрал время, когда ван Баарена не было в городе, и почти весь вечер проговорил с Пименом на втором поверхе. Тут уж он его и за стол пригласил, и пивом угостил, хотя и был строг и холоден. Ван Баарен, похоже, узнав, что опоздал, расщедрился на приглашение православного (на что заметно морщился «святоша» – такое он имел прозвище, Янссен) к себе домой, в свой большой и богато обставленный (даже для Пимена, выдавшего лучшие виды) дом – почти в центре города, со всяким службами на заднем дворе, чуть ли не больше самого дома по площади, и даже с небольшим садиком. Впрочем, Пимен вполне смог для затравки разговора начать с восхищения обстановкой, сдержанно похвалив вкус хозяина, и поддержать такой же тон за угощением – нет, не за обедом, до такого не дошло, но хорошее вино и закуски ван Баарен выставил.

А сами разговоры прошли на удивление однотипно. Торговцы интересовались, с чем в основном имеют дело его хозяева на Руси, и чем собираются торговать здесь. Он выдал им заранее согласованную версию – купцам не особо и нужны запрещенные нынче к торгу товары, но и это тоже интересно, отчего нет, а главное – хотят они переключиться на более дорогие меха, а не зерно-овощи-сало, чем в основном занимаются сейчас, как и еще многие и многие русские купцы... Везти же из Европы хотят в основном сукна и ткани, тоже дорогие, поскольку прибыля на них выходит гораздо больше, да и товар ходовой и чистый. Оба ганзейца не стали ему ничего обещать, но выходило, что каждый из них мог тут урвать кое-что – европейскими, голландскими да английскими тканями занимались сейчас многие, вопрос объемов и периодичности поставок. Меха тоже были всем на западе интересны... Еще оба интересовались, когда ждать сюда хозяина его, или обоих, но тут Пимен мог сказать только, что как навигация откроется, но как оно там выйдет, сказать точно он не может – давно он уехал, мало ли, что там за это время произошло...

У себя дома после разговоров этих разобрали они с Торгашом, прямо по словам, как и что там было. С учетом тех сведений, которые от того же Торгаша продолжали поступать, с

нижнего города, так сказать, выходило, что вряд ли с Янсеном смогут они договориться – тот не зря назывался «святошей». Набожным он был в основном на словах, и с женской прислугой (а жил он бобылем) все у него было в порядке, а вот связи с орденцами у него были хорошие (ну да, людьми-то он в основном с ними и торговал), да и на нормальные отношения его с православными рассчитывать не приходилось. А за ван Баареном числился еще один плюс в этих, пока очень предварительных, расчетах – именно им было выписано то заемное письмо, что попало в руки отряду князя в Вейсенштайне. Потерять деньги за крупную партию товара плохо, но еще хуже – лишиться ежегодных поставок своего основного товара, по крайней мере, с тех земель, что под контролем князя нынче.

После этих встреч смог только сказать себе Пимен, что, похоже, поверили ему здесь до конца, да и трудно было бы все же посчитать его... кем-то иным, хотя перед отъездом, в Озерске, предостерегали его Петр и старче от легкомыслия. Впрочем, хоть и не знал Пимен слова «паранойя», но советам тем следовал даже и после этого, за языком следил, и дома (или особенно дома?... кухарка-то...), особо не высывался, в общем, еще некоторое время прошло у него так же. Тот самый период метелей в глубине материка тут, на побережье, был представлен мокрым снегом, перешедшим к концу в дожди с сильными ветрами. Народ стал меньше выходить из домов, чем зимой даже, но посиделки в ресторации, конечно, продолжались. Пимен совершенно вписался в обычную жизнь города, и даже когда пошли слухи с юга, что вроде как с русских земель те воины, что тракт на Дерпт перекрыли – на нем это никак не сказалось. Да и вряд ли кто-то со стороны смог бы сейчас признать в нем русского – в местной одежде, понахватавшегося местных словечек и даже произношения...

Но он, конечно, сведения об Ордене собирал, аккуратно и исподволь. За это время они с Торгашом смогли и насчет оставшегося в городе числа орденцев узнать, и планировку внутри старого замка, и где в новых башнях что расположено. Нет, для этого не приходилось ночью выкрадывать секретные планы, все было проще – грузчики и разного рода подсобные рабочие. Среди тех людей, кого за это время взял под крыло (ну, или на финансирование) Торгаш, оказалось двое из тех, кто довольно часто бывал внутри даже старой крепости – то с дровами, то с сеном, то еще с чем. Так что о том, что самих орденцев сейчас десятка три всего осталось, ну, слуги еще, а рыцарей среди них всего трое – они знали достоверно. Поэтому Пимен на посиделках в ресторации заводил разговоры о чем угодно, только не об Ордене. Например, на его обоснованный интерес, как кормщика, что тут с погодой, ему обстоятельно, с примерами из прошлых лет, пояснили, что для местного побережья Балтики – сейчас идут весенние шторма, которые обычно разбивали льды, и после их окончания можно будет говорить о начале навигации. И действительно, установилась сырая, но теплая погода, снег начал стремительно таять, а в Ревель приехал Петр.

Добрался он хоть и не прямой дорогой, конечно, но вполне нормально. Гридины разведчики развели нужные тропы, а на последнем этапе можно было выйти к городу хоть с юго-запада, как будто по побережью от Хапсала, хоть с востока, как будто от Нарвы. Петра никому не представляли, был он как бы посланцем от хозяев Пимена, проездом следовавшим (но не пригодилось – никто и не спрашивал, да и уехал он сразу, лишь переночевав). А всю ночь они свободно проговорили в своем доме, совершенно свободно, даже без кухарки, которая жила не особо далеко и на ночь уходила к себе. Все рассказал Пимен, что стало ему известно к этому времени, и кое-какие записи передал. А Петр в свою очередь рассказал, что прознал про них многое Орден, и, похоже, будет битва, на которую в Феллине нынче войска собирают, да и они сами к ней готовятся, и чтоб они тут осторожней были. Обещал, как решится все, сразу же и к ним человека послать, а насчет бургомистров – погодить пока. А вот Торгашу сказал – кроме тех людей, что они к себе взяли, начать присматриваться к тем с местного дна, которым можно будет дело грязное и кровавое поручить, если что, да с самими расправиться потом. Но – тоже очень аккуратно и не торопясь, все будет в ближайшее время зависеть от Ордена...

Долго тянулось время после отъезда Петра для оставшихся в Ревеле. Как оно там, что, была ли битва... Важных разговоров Пимен по городу новых не вел, а чаще стал бывать в порту – немного расспрашивал, но больше смотрел на корабли да на море, так ждать было легче... Но в назначенный срок отправили они своего посланца на встречу в оговоренном месте, и тот привез им радостную весть: прогнали орденцев, многих побили, свои, конечно, тоже есть убитые, но – выстояли! Особо подробностей не передавали, но оговорили, когда снова приходиться...

...Обо всем, что мы сейчас рассказали, поведал в башне Петр, изложив все кратко и сжато, конечно. Надо было принимать решение – переходить ли к переговорам с верхушкой Ревеля, сразу с бургомистром, или посредника найти, а может подождать пока – как там у русских войск пойдут дела в Нарве?... Решили начать переговоры все же, хоть и много легче бы их было вести, удайся дело в Нарве. Так что посыльный повез пакет для ревельцев, да записку для Пимена, а Петр и Седов стали морально готовиться к тому, чтобы сорваться и тоже туда поехать, если все получится. И, конечно, князь тоже...

...Пимен, получив послание и пакет, внутренне собрался. Вот и началось настоящее Дело... Они обсудили все еще раз с Торгашом, сделали кое-какие приготовления, и – Пимен отнес в дом ван Баарена (проследив через своих людей, что того не будет дома) небольшую записку, написанную уже им самим, в которой сообщал, что получены им важные и срочные сведения от его господ, и не соблаговолит ли уважаемый бургомистр, раз так случилось, что не застал он его, подойти к нему домой, лучше всего сегодня же ввечеру, скрытно, потому как в сведениях тех внезапно оказалось кое-что по последним событиям здесь, в Ливонии, и ему хотелось бы обсудить это приватно. Они все продумали – за последние дни, когда Пимен больше бывал в порту, ему вполне могли передать весточку с одного из тех небольших суденышек, что уже начали сезон, в основном рыбацких, прибрежного, или, как скажут позже, каботажного плавания. Хоть и не замечал он за собой слежки, да и не было ее, скорее всего, придать обоснование своим действиям надо было.

А насчет последних событий – разумеется, те сведения, что Орден посылал со своими гонцами, от Дерпта до Нарвы и обратно, и приготовления феллинского кастеляна, не могли не просочиться от орденцев в городах и селах. Да и до сих пор перекрытый тракт на юг... По этому поводу, как знал Пимен, было даже собрание в ратуше, с приглашением орденцев, но – оно ничего не решило и ни до чего не договорилось. Ревельские орденцы сослались на отсутствие своего комтура и недостаточность сил после схватки на тракте, показавшей, что у врага, кто бы он там не был, наоборот – сила приличная (число этих неизвестных противников в рассказах их превышало число орденцев в стычке на перекрестке раза в два). Магистрат посетовал на перекрытый торговый путь и убытки, но – шевелиться орденцев не заставил, так как напомяно им было о том, что защищает Орден по их договору город – а в городе все в порядке. А трактом и... людьми теми – занимаются уже, и вскоре должны снять все преграды.

Разумеется, это все ушло в слухах в сам Ревель. Разумеется, и Пимен, и Торгаш об этом узнали. Если среди купцов разговоры на эту тему велись осторожно, то среди простого народа слухи ходили самые разные, вплоть до полной дичи. В любом случае, бургомистры были полностью в курсе реального состояния дел оба, и ван Баарен должен был прийти, вот только один, или с отрядом стражи, приказав заранее окружить дом Пимена?... Это был вопрос...

Трое. Их пришло трое – ван Баарен, нынче в темном, да еще в плащ закутанный, и два его охранника. Они пришли, как только начало смеркаться, их впустил Торгаш, и сам остался в комнате на первом поверхе, указав бургомистру лестницу наверх, где его уже встречал Пимен. Предупредив, что в доме больше никого нет, а кухарка отпущена (про пятерых своих людей, рассредоточенных поблизости, он уж говорить не стал), Пимен провел ван Баарена в комнату, оборудованную им вроде кабинета, где предложил садиться и налил тому вина (Пимен внизу угощал охрану пивом). Кабинет был обставлен по минимуму, разумеется, никакой роскоши тут не было – письменный стол да стулья, и шкаф для бумаг. Окно его выходило не на улицу,

и света не было бы никому видно, и подслушать трудно. Но ганзеец, лишь скользнув взглядом по безликой мебели, к вину не притронулся, сразу перейдя к делу:

–Что вам стало известно? Что за... сведения?

–У меня для вас послание, господин бургомистр – вежливо отвечал Пимен – как оказалось, мой господин о вас знает. Прошу вас, прочтите – и достал из лежащего на столе пакета письмо, на нескольких листах. Взяв его, ван Баарен подвинул бумаги ближе к свету (на столе уже были зажжены свечи в подсвечниках) и начал читать: «Бургомистру Ревеля, Петеру ван Баарену, от Великого князя Рязанского Иоанна, ныне пресвитера Ордена Красного знамени, на землях бывшего Ливонского ордена, в замке старым именем Вайсенштайн (ныне Озерск) писано»...

Это, конечно, был самый важный момент. Самый важный – и самый опасный. Хотя, судя по вытарашенным глазам, ван Баарен такого не ожидал, а то среди всех вариантов развития событий Торгаш с Пименом рассматривали и тот, что он начнет сразу кричать, звать охрану и стражу... При этом, конечно, все было бы совсем плохо, но – обошлось, похоже, если были у бургомистра насчет Пимена какие-то подозрения, то – не такие. Впрочем, ганзеец быстро справился с первым шоком, и стал читать дальше. Пимен так и сидел, не двигаясь, и держа руки на столе, чтобы не нервировать человека... Князь писал все как есть. Ну, почти. Что был ему под его Рязанью послан человек из будущего, на пять сот лет отстоящего. Что рассказал тот о будущем многое, в том числе о падении Ливонского ордена, о возникновении нового течения христианства на севере Европы и об уходе в небытие Ганзы. Что падением Ордена, старого врага Руси, он решил воспользоваться, о новой религии, которую некий Лютер сейчас проповедует, и которая торговцам и ремесленникам, под гнетом папских епископов задыхающихся, по душе придется, готов рассказать, а насчет перспектив Ганзы – тот самый старец из будущего имеет свои предложения.

Писал он и о том, что вещи из будущего (и иные чудеса, в том числе картины живые) любому человеку, увидавшему их своими глазами, все противоречия и вопросы насчет их достоверности снимут, отчего и по достоверности других слов того старца сомнений не будет, и готовы они их бургомистру представить, кое-что – даже хоть в самом Ревеле. Писал, что и Великий князь, а ныне Государь Московский, об том все знает, и в ближайшее же время результаты его действий широко известны станут. Писал, что с этими знаниями и удалось им малыми потерями часть земель ливонских занять, и на остальные ливонские же земли замыслы у них имеются. Писал, что, хоть и неладные были у Руси с Ганзой до того в основном отношения, но с учетом знания будущего – есть им о чем договориться с взаимной выгодой.

Ну, и в конце писал, что отправил он человека своего в Ревель, чтобы узнать, можно ли там иметь с кем дело, и человек тот только его, ван Баарена, для того рекомендовал, как опытного, рассудительного и разумного. И что по его, князя, мнению – главным в любом городе один человек должен быть, как его не называй, хоть посадник, хоть наместник, хоть бургомистр. И он, князь, а ныне пресвитер, приносит извинения за волнение и беспокойство бургомистру, и передает от себя кое-что с теми извинениями, а в случае согласия его на сотрудничество – просит дальнейшее с человеком его и обсудить.

Когда ганзеец поднял глаза от бумаги, первым делом взгляд его зашарил по столу. Пимен без слов подвинул ему кубок, который ван Баарен выпил в два глотка, и после небольшой паузы снова перевел взгляд своих, теперь очень внимательных глаз, на Пимена.

–Извинения – сказал тот, пододвигая теперь еще пачку бумаг и коробочку.

Бургомистр, не колеблясь, сперва взял бумаги. «Ожидаемо» – подумал Пимен.

Там были те три заемных письма от мелких торговцев и письмо самого ганзейца, найденные в Вейсенштайне. Оригиналы. Это, собственно, уже были приличные деньги, очень приличные, но... Ван Баарен, быстро просмотрев бумаги, задумался, а Пимен тем временем аккуратно подвинул к нему ближе коробочку, понимая, что ничего еще не кончилось, и опытный

и осторожный ганзеец еще даже ни одного слова не сказал... Тот, выйдя из задумчивости, но все еще молча, коробочку подвинул к себе и открыл ее. Простая деревянная коробка светлого дерева, как сказали бы в 20 веке – со спичечный коробок, скрывала внутри кусочек черного бархата (где его взяла Магда в замке – вопрос отдельный, но сейчас не актуальный), на котором лежал перстень. Золотая вязь оправы выдавала знающему человеку его южное происхождение, а сам камень... Небольшой, с ноготь мизинца, голубовато-синий и даже вроде как с розовым, немного мутноватый, обработанный под округлый овал, без граней – под светом свечей он казался звездочкой, слабо мерцающей на столе, даже блики вроде как были... Пимен рассматривал до того перстень днем, и такой игры света не было, поэтому сейчас замерли оба. Ван Баарен в камнях разбирался, как видно, потому как после паузы ощутимо выдохнул... и перстень взял. Теперь уже так же ощутимо выдохнул Пимен.

– Рассказывай – как-то хрипло сказал ганзеец, пряча перстень, и Пимен плеснул еще вина (уже обоим) и начал рассказ.

Собственно, особо он ничего не добавил. Подтвердил, что все, что он ранее говорил – правда, и был он кормщиком у купцов псковских, да только довелось ему везти в прошлом году по осени людей, которые оказались князем рязанским, боярами его и тем самым старцем. Особо не вдаваясь в подробности, он подтвердил, однако, что старец тот из будущих времен, и вещи его, и бумаги, и повозка самоезжая о том прямо говорят, ну, а по словам его выходит, что доживают ордена последние годы, как Тевтонский, так и Ливонский, вот только там у него в будущем известно, что долгой войной кончится время их. Земли эти самые, где они сейчас находятся, будут неоднократно из рук в руки переходить, еще и свеи подтянутся, и разорена будет Ливония очень сильно, пока не распадется на ряд отдельных земель, когда Ливонский Орден о своем роспуске объявит. «И Ревель?» – нервно спросил ганзеец, «И Ревель» – отвечал Пимен, хотя не был уверен, но тут уж было не до таких тонкостей...

Ван Баарен хотел расспрашивать еще и еще, но Пимен напомнил, что время позднее, и не выйдет ли так, что кто-то заинтересуется – что так долго сам бургомистр тут делает... Тот, спохватившись, ушел, взяв обещание с Пимена завтра поутру к себе явиться, с заднего двора. Письма – и от князя, и заемные – он, конечно, тоже забрал. Пимен с Торгашом поблагодарили бога, что обошлось, но... ничего еще не было кончено. И ночью возле дома караулили их люди, и на следующий день Пимена провожали, кроме своего охранника, еще пара человек, приглядывая издали. Но – бургомистр за ночь не передумал, и почти весь день (с перерывами на срочные дела, видимо) он расспрашивал Пимена обо всем. Как уж там в ратуше без него обошлись сегодня... Впрочем, они уже знали, что оба бургомистра вообще далеко не каждый день могут появляться в ратуше, а лишь когда им самим нужно, или на заранее назначенных важных совещаниях. Так что к вечеру Пимен ушел так же, с заднего входа, и, рассказывая Торгашу, как все прошло – еле ворочал языком, наговорился за день.

Бургомистр согласился на встречу с князем и старцем, выжав Пимена досуха. «Нет, все-таки ганзейцы – особая статья», думал Пимен перед сном – «для меня, пожалуй, рановато было лезть. Но... вроде, все прошло, как надо, ничего лишнего не ляпнул...». Разумеется, у ван Баарена везде на важных местах в городе были свои люди. Но... Если тот же Пимен, получив некое задание от князя, через одного Торгаша передавал его своим, то у бургомистра цепочка посредников для тайных дел, так сказать, была длиннее, и вероятность того, что кто-то поймет не так, или сведения уйдут на сторону, была высокой. Поэтому они договорились, что пока бургомистр не вмешивается ни во что (да и вмешиваться-то ему было и не во что – Пимен с Торгашом вызнали все, что нужно было), и только если (ну, вдруг) что-то пойдет не так – его люди помогут Пимену или Торгашу. На следующий же день их человек ушел передавать своим, что в Ревеле к встрече готовы, и вернулся обратно спокойно. Ну, а еще через пару дней число жителей дома увеличилось на пятерых – приехали князь, Петр и старец (с охраной, конечно).

...Когда в Озерск пришли сведения от Пимена, что клюнул бургомистр и пошел на контакт, говоря словами 20 века, стали они решать – кто поедет, и под каким видом. Вообще, ехать надо было старцу с телефоном и еще кое-чем из своего времени, князю – договариваться, как главному, ну, и собрался ехать Петр, потому как, если все выйдет, то ему надо будет на месте планировать, как и что делать далее, и о том тоже с бургомистром как-то разговор вести... Хорошо было бы еще и Федору поехать, о торговле да иных хозяйственных делах переговорить, но – отложили на то время, когда уже все в их руках будет, да и сам Федор сейчас был в постоянных разъездах по их землям, прихватив с собой Михайлу и Петьку (одного знали в деревнях по переписям, второй бойко болтал на всех языках) – в Ливонии начиналась весна. Решили в этот раз, что главным в их небольшом отряде будет именно Седов, вроде как иноземец, по этим местам путешествующий, а остальные – сопровождение его, охрана и слуги. По этому поводу он переоделся снова в свое, из 21 века, а князь с Петром, наоборот – оделись поскромнее, и, прихватив еще пару человек, они подались в Ревель, переночевав возле северной засеки, а выбравшись из своих холмов и выйдя на дорогу – западнее, вроде как от Хапсала.

Надо сказать, что за последнюю неделю, когда еще потеплело, понял Николай Федорович окончательно – что такое в это время весна, распутица, половодье, межсезонье... Лед на их озере держался только в середине, огромным полем, а вдоль всех берегов протаяли большие полыньи. Речка Пярну скинула лед совсем, но поднялась не сильно – как подсказал Якоб, больших подъемов уровня на ней и не бывает. Канал, прорытый из их озера в реку, бодро журчал водой, хотя уровень в нем тоже особо не повысился. А вот все остальное... С верхушки башни становилось видно, что почти везде, где был снег, сейчас блестят талые воды – земля пока еще не оттаяла до конца. Приятно было смотреть на еще недавно полностью заснеженные леса – сейчас там выделялась зелень хвойных деревьев, с которой уже стаял весь снег, заодно смыв пыль и дав окружающей природе хоть какой-то яркий цвет. А Якоб рассказал, что все старицы Пярну (а было их, по его словам, множество) делают почти непроходимыми земли вдоль нее в это время, и потому тракт с его мостами и был проложен в старые времена в самых удобных для того местах. Но и сам-то тракт... Нет, Седов понимал, что до каких-то более-менее нормальных дорог еще далеко. Но понимать – это одно, а вот увидеть своими глазами... Он почему-то считал, что какие-то дорожные работы в это время все же проводятся. Ну, там, канавы для отвода воды копают, полотно формируют... Тот же Якоб, с удовольствием со старцем на эту тему говоривший, поправил его – только при первой прокладке нового пути, да при постройке мостов, возле них, как правило, землю как-то выравнивают и подсыпают, если надо. Сами же мосты содержат владельцы земель, и оно у них тоже, где как – кто в порядке содержит да каждый год подновляет, да деньги за проезд берет, а кто и не заморачивается этим. Ну, а чтоб саму дорогу крестьян выгнали делать – так это должно или болото на ней образоваться, или завал лесной, или что-то вроде того. Оно бывает, конечно, и он такие случаи может упомянуть, но редко.

Поэтому, когда они выехали в Ревель, состояние дороги уже не удивило Николая Федоровича. Ехали они на лошадях, но практически только шагом, да и то, лошадки шагали с осторожностью – часто встречались места с жидкой грязью, где что угодно могло скрываться. А объехать такие места не везде было возможно – кругом стоял лес, или холмистые косогоры, или заросшие лесом бугры... Только сейчас он понял, как им повезло прошлой осенью, что попал он с машиной после заморозков. Проехать на своем «Ниссане» сейчас он бы не рискнул, а если бы и поехал – это был бы настоящий полноценный трофи-рейд, и не факт, что без лебедки бы получилось у него проехать даже по этой «дороге» далеко, а это был, считай, тракт... Понял он тут, и почему все рязанцы, и Петр, идесятники так были уверены, что в межсезонье никаких битв не будет. Даже тут, на песчаных, вроде бы, почвах (хотя, если болота есть – не такие уж они и песчаные?), на дорогах сейчас была такая каша, что он, надев свои сапоги (достаточно короткие, ниже колена), вынужден был каждый раз присматривать место,

где слезать с лошади, вспоминая ботфорты из книг и фильмов, и понимая теперь, что это было ни разу не преувеличение, а самая что ни на есть необходимость...

Хорошо, что коней они пускали шагом, потому как искусство верховой езды только начал осваивать Николай Федорович. Подумывал он об этом сам давно, но время начать нашлось только в период метелей. Он как-то поговорил с конюхом, под присмотром которого стояла машина (похоже, кстати, что тот подпольно водил к ней экскурсии из замковых девок, уж больно рожа у него довольная была), и тот, про себя подивившись, что старец не ездил верхом совсем (хотя, при таких-то машинах...), начал его обучать потихоньку. Сперва в конюшне, начали с упряжи, ну, а там дошло и до поездок по двору. Послужив аттракционом для своих (Седов понимал, как выглядит, конечно, и не обижался, да ему никто ничего такого и не высказывал, улыбались только), он таки научился кое-чему, и, если седлать и расседлывать – лучше было за ним еще проверять, то к езде, особенно неспешной, он приноровился. Ну, и коней им подобрали таких, что видно было – люди важные едут, но так, середнячков.

Таким вот шагом они и приехали в Ревель, пройдя (по подсказке разведчиков) несколько менее наезженными дорогами, и проехав до снятого Пименом дома уже с сопровождением одного из людей, подобранных Торгашом тут, в городе. Немецкий Петра для общения с местными прекрасно подходил, немецкий самого старца – подтверждал его знатность, образованность и... иноземность, ну, и внешний вид у них был соответствующий. Пимен с Торгашом встретили их с нервной радостью – все-таки, такие дела затевались, и сейчас в самом разгаре были... Их накормили, дали помыться и чуток отдохнуть, а как стемнело – снова пришел ван Баарен, предупрежденный днем. Надо сказать, что князь с Петром одобрили меры безопасности, которые Пимен с Торгашом придумали – насчет своих людей в округе, потому как такой жирный куш – тот самый князь, что с Орденом воюет, и люди его – мог толкнуть бургомистра на... разные варианты, но обошлось. И ганзейца в том самом кабинете на втором этаже встречали четверо – князь, Петр, Седов и Пимен, отошедший сейчас на второй план. Да и Петр тоже отсел подальше, оставив за столом их троих.

Некоторое время после взаимного представления все приглядывались друг к другу. Бургомистр, по оценке Николая Федоровича, выглядел человеком опытным, хотя и был таким толстячком, имел брюшко побольше, чем у Федора, и роста был среднего. Голубые глаза, светлые волосы, простецкое округлое лицо... Но – он помнил, конечно, все, что собрали про него Пимен с Торгашом, и не расслаблялся. Сам же ван Баарен особо цепко рассматривал как раз его, Седова, одежды, хотя и других тоже оглядел, конечно. Разговор начал Пимен. Представив всех друг другу, он передал слово князю. Тот коротко подтвердил, иногда переходя на русские слова, все, что в своем письме было сказано. Бургомистр в ответной пространной речи вроде как поблагодарил князя, но, еще раз извинившись, первый вопрос попросил разрешения задать старцу:

–Верно ли, что вы и есть тот человек, что перенесен был волей Господа из будущего?

Ответную речь Седова он слушал очень внимательно, почти сразу уловив, что немецкий-то у того немецкий, но... иной. А Николай Федорович в очередной раз рассказывал, как все произошло там, в 2020 году от рождества христового. В это раз у него не было календарика и газеты (а вот жаль, газета, как ему показалось, с торговыми объявлениями – очень помогла бы), но всю мелочевку он прихватил, а начал показывать... с документов. Документы, деньги, все, что было в кошельке, а еще – распечатанный договор ОСАГО он забрал из машины. Это оказался правильный ход. Кое-где там была латиница, да и суть договора страховки ганзеец уловил быстро, а уж как он мямлил, крутил и рассматривал бумажные деньги... Света сегодня Пимен добавил, так что и про водяные знаки, и про металлическую нить Седов рассказывал, сразу показывая все на примерах. Повертел в руках ван Баарен и железные вещи из будущего, недолго, разве что на фонарике задержался. Но это была... разминка. После довольно бурного (хоть и короткого) обсуждения денежной системы и экономики будущего, Николай Федоро-

вич достал телефон... И вот тут-то ганзейца проняло. И бумаги, и документы, и даже деньги с карточками, хоть и выглядели... ну, точно чужеродно, но по крайней мере было ясно – что это и как сделано. Хоть и с объяснениями. А вот картинки и видео... К чести ван Баарена, креститься и спрашивать про колдовство он не стал но в лице изменился, и короткие пояснения старца слушал очень внимательно. Потом ему пришлось даже взять паузу, чтобы в голове это уложить. Они выпили вина, закусили...

А потом бургомистр, собравшись, задал вопрос о будущем Ливонского ордена и этих земель. Тут Николаю Федоровичу тоже было не сложно, все – не в первый раз, и он рассказал, что ожидает эти земли, правда, сместив акценты с последствий для Руси (о Смуте вообще не упомянув, лишь о взаимных военных потерях), и несколько сжав тот период (не менее 50 лет, так-то), в который должно было все это произойти, ловко перейдя на распространение протестантства и переход практически всех стран на побережье Балтики к этому виду христианства. Разумеется, и тут ван Баарен заинтересовался, про Лютера он слышал, как оказалось, а от старца узнал, во что все это выльется на будущие 500 лет. И особенно – Седов напирал на предстоящую войну между католиками и протестантами, точнее, даже войны, в которых, как во всех войнах за веру, больше всего пострадают мирные жители, крестьяне, ремесленники, будут разрушены и разграблены многие города, ремесла откатятся в развитии. В общем, мрачными красками нарисовал. Пепел не бился о его сердце, кто понимает, но примерные последствия для севера Европы он передал...

Тут ему самому понадобилось промочить горло, да и все не отказались глотнуть вина – все же умел старец передать будущие ужасы... У Пимена все было под рукой, конечно, но, как оказалось, бургомистр только примеривался к главному разговору до сих пор. Хоть и заметно осунувшийся от рассказов и откровений старца (вроде, и не библейскими карами тот грозился, а говорил простым языком, но, может, эта простота и сработала?), он все же попросил рассказать про... Ганзу. Тут Седов, сразу предупредив, что за давностью лет знает мало, сразу сказал, что лет 100 еще потянет Ганза, а потом... останется только в истории, потому ему за остальные четыре сотни лет и вспомнить нечего... Назвал и причины – вновь открытые земли дадут такой рост торговли (а для некоторых стран Европы – так и вовсе привоз золота и серебра, по сути, награбленного), что все основные старые маршруты мировой торговли довольно быстро изменятся, и самыми богатыми станут совсем другие страны... Вот тут взгляд ганзейца стал цепким, и он потребовал подробностей. Но князь, довольно мягко в разговор вклинившийся, его несколько охладил, предложив сперва обсудить Ливонию и конкретно Ревель.

Впрочем, Седов все же сказал, что все новые земли он знает, основные торговые маршруты тоже, и как раз и хотел об этом поведать Ганзе, потому как ее теперешние... разногласия с иными странами и торговыми объединениями все равно не позволят ей с этими новыми землями дело иметь (но показать ничего не показал пока, да и атлас они не взяли, на всякий случай). Есть у него и предложения, как можно попробовать ситуацию эту поправить, но тут они как раз хотели опираться на мнение кого-нибудь, в самой Ганзе состоящего, и, конечно, с ними по другим вопросам полное взаимопонимание имеющего... Ван Баарен несколько сдал назад, согласившись вернуться к Ревелю. Вот тут-то князь и рассказал о недавней последней битве, когда вся мощь Феллина (он приукрасил, конечно) не смогла их победить, и откатилась, много бойцов и рыцарей на поле оставив. И – он не стал скрывать – что есть у князя Московского, которому все это (из будущих времен) известно, желание свои старые земли вернуть, и вскоре следует ожидать новостей с рубежей... Сказал князь и о том, что число орденов в городе и соседних усадьбах им известно, и против крепостей есть у них средство, но прочим горожанам и сельчанам вреда причинять не хотят они, и все их до того завоевания – так же проходили.

–Пожары те... ваших рук дело? – понял бургомистр, подобравшись как-то.

Князь подтвердил, что и те, и иные, в других местах, и слухи про суд над орденцами – все это дела их, упомянув вскользь, что рабства не приемлют они, и все прежние холопы

орденские, что под их руку перешли, о том уже знают (да и в других местах, как видно, слух тот разошелся). Так что видят они и города, и села на этих землях в будущем – вольными, и в этом смысле у Ревеля нужды в особых переменах не видят, хотя кое-что и можно будет обсудить, но потом... Долго думал после этого бургомистр, соображал, пил вино неторопливо, глядя в стол. Его не торопили, понятное дело. Но – додумался до чего-то, поднял голову:

–Что же конкретно вы предлагаете в ближайшее время? И какова... моя роль, по вашему?

А вот тут пришло время Петра. Он, как и Пимен, до того молчал, а тут стал скуп, но совершенно понятно даже для Николая Федоровича (а судя по внешнему виду ганзейца, и для него тоже) рассказывать, что если договорятся они, то сделать думают вот что... И начал перечислять. А вот тут не справился бургомистр с лицом, побледнел, задышал часто... Выходило, что если не врут ему – все им известно, все у них готово... Но – дослушал.

–Подготовили мы перечень людей тех – сказал в конце Петр – что, по нашему мнению, не смогут с нами и... новыми порядками ужиться. Время есть еще, так что прошу посмотреть, может, мысли какие появятся...

По его знаку Пимен подал листок, на котором были выписаны имена тех, кого, по результатам их с Торгашом работы за это время, следовало из города убрать, или уж... совсем убрать, так как с русскими (или православными) они бы никак ужиться не смогли – или были слишком верны Ордену (нашлись и такие). Немного имен было, не больше десятка, и начинался тот список с имени второго бургомистра... Теперь внутренняя борьба, отражавшаяся на лице ван Баарена, стала видна всем. Но... он справился, переспросив еще раз:

–Я посмотрю, как понимаю, время еще есть?... (ему кивнули) но, все же, именно от меня вы хотите... чего?

Седов подумал было, что тот ведет речь о какой-то... расписке, договоре, обязательстве сотрудничать, как оно у них сейчас принято. Но, как оказалось, он ошибался. Переглянулись Петр с князем, и Петр очень мягко, непривычно даже для него, сказал:

–Господин бургомистр, мы привыкли во всем полагаться на свои силы. Потому от вас хотим только, чтоб подумали вы – верно ли мы оценили этих людей, не забыли ли кого, а, может, кто из них будет... более благоразумен, и сможет принять... ожидаемые изменения? В остальном же наши просьбы, пока, до времени, будут лишь в осторожности вашей в городе, потому как могут начаться некие... случайности. А семья ваша (они знали от Пимена, что тот женат, и детей двое) вполне спокойно пусть и живет, как живет сейчас, и даже лучше бы им город не покидать, потому как не за все окрестности мы ручаться можем, а от вас самого требовать... участия в делах этих ближайших, мы и не собирались...

А вот теперь выдохнул бургомистр, и не скрываясь, вытер вспотевшее лицо (платком из тонкого полотна, между прочим). А Николай Федорович хоть и с запозданием, но понял, что боялся тот, что кровью его повязать хотят... или – в заложники кого взять, раз про семью Петр упомянул... И, похоже, это услышать и боялся ганзеец... «Жестко тут у них с этим – подумал Седов – хотя, это я с князем как-то пообвыкся, а вообще-то – тут власть меняется не только в богатом торговом городе, но и в целом крае...».

Ну, и напоследок (вроде, все обговорили, а связь договорились через Пимена и держать) оживившийся было бургомистр заметно собрался и все же позволил себе задать еще один вопрос:

–Фюрст, верно ли я понял, что вы, будучи Великим князем Рязанским, покинули свои земли? И... имеете намерения на этих землях остаться?

Князь совершенно спокойно ответил, что, со слов того же старца, стало ему известно о полном объединении русских княжеств под рукой князей Московских. Дело и так к тому шло, кто понимает, потому они... решили с князем Московским это, к взаимному согласию придя. Есть там некие моменты, о которых ему потом нужно будет с бургомистром поговорить, для более точного понимания, но – пока не до них, да и не важны они особо сейчас. Ван Баарен

все понял, и поблагодарив (снова пространно, похоже, придя в себя), ушел. Ну, а они в коротком разговоре за вином (неплохим, кстати, похоже, Пимен разбирался) решили завтра уехать засветло, от греха, забрав очередную порцию записок Пимена и еще раз подтвердив тому (и подошедшему снизу Торгашу), что пока у них некая пауза – ждем вестей от Нарвы. Смогли, кстати, и тут им кое-что подсказать ревельцы – ходили уже к Нарве местные лоды, все там, по их словам, в порядке, а вот из Рижского залива не было еще никого. Они еще немного поговорили, прикинув, как быстрее до них дойдут вести – по воде или сушей, но договорились лишь, что кто раньше узнает – тот и гонца шлет, и разошлись уже спать (оставив, конечно, дозорных на улице до утра).

На следующее утро они уехали рано, и море Седов в этот раз увидел только издалека. Хотя, конечно, и морской воздух, и все специфические запахи прибрежного города он ощутить успел. На обратной дороге (а поехали они теперь вроде как к Нарве, для виду), когда уже отъехали от города и ушли на тропинки, что обратно в их холмы должны были привести, Седов все же спросил у Петра – что тот имел в виду, когда ганзеец так... насторожился? И получил почти ожидаемый ответ, что да, могли бы и предложить... самому кончить кого из пока еще своих, вполне... И лицо у Петра было таким, что Николай Федорович сразу вспомнил, чем тот до их прихода-то занимался, да и князь несколько затвердел лицом... Но – эту тему закрыли, и в основном на обратном пути, таком же неспешном (увы, все еще по грязи, куда бы она делась), они обсуждали разные варианты, которые могут сейчас развиваться в зависимости от того, как там у русских войск дела в Нарве.

В Озерске все оказалось в порядке, Федора не было – он так и пропадал где-то в деревнях, Степан (тоже вернувшийся с юга) сообщил, что его конные дозорные вообще никого пока не встречали, а Гридя, таки отправивший своих до деревни, в которой стояли тогда орденцы (уже пешком, конечно, снег оставался в глубине леса да в оврагах), подтвердил, что ушли все, и раненых своих забрали (а с пяток человек там и схоронили), а самое главное – что, по слухам, ранен оказался сам кастелян в той битве, да сильно, так, что вроде как и в сознание не приходил, и увозили его еще на санях, по остаткам санного пути тогда, но с бережением и медленно... В общем, хорошие были новости, но теперь им всем тоже – надо было ждать вестей из-под Нарвы...

6

Надо сказать, что нашлось для Седова этой зимой, еще до метелей, в ту самую «черную полосу», новое занятие – рассказывать Милане сказки. Точнее, не сказки, а... перекладывать понятными ей словами обычную жизнь в 21 веке. А причина для этого была тоже печальной... В один из вечеров, зайдя в комнату, где жили они со Светкой, он застал травницу безучастно сидящей на скамье с таким выражением лица и какими-то пустыми глазами, что сразу стало ясно – что-то случилось плохое. Из осторожных расспросов (больше говорила Светка, тоже непривычно тихая) выяснилось, что сегодня умерла при родах одна из тех самых беременных чудинок, про которых Милана волновалась еще при первом своем осмотре. Ребенок не выжил тоже. Николай Федорович забрал ее к себе в башню (даже шла она сегодня, как неживая, чуть не за руку вести пришлось), а у себя в комнате – придумал только обнять ее и шептать на ухо всякие глупые мелочи. По слабой реакции удалось нащупать, что интересна ей их жизнь в будущем (оно и до этого так было), и он начал говорить снова, но уже по-другому: как будто они вместе идут в магазин, театр или еще куда. Светофоры, переходы, лифт, метро... Продавцы, официанты... Банки, кафе... Милана тогда полностью оттаяла только через пару часов, а идея прижилась. Теперь вечерами он часто так и рассказывал ей эти... сказки не сказки, выдуманные истории, как будто они вместе гуляют по Москве 21 века. «А двери в магазине из стекла и сами перед нами, в стороны разъезжаются... – О! – А как мы зайдем, так они сами за нами закрываются...» – примерно так это выглядело, но травница, хоть и нужны были ей эти сказки в качестве психотерапии, все же женщиной была взрослой, и вскоре довольно много узнала

о жизни людей в будущем. Тем более, что начавшаяся метель дала им на это довольно много времени.

Не обходили они в этих разговорах и тему медицины, хотя тут у Седова знания были эпизодические, конечно. Но все же для 16 века у него было много нового и совершенно пока неизвестного, так, тот же пульс, где его нащупать, и что значат разные биения – он ей рассказал. Сейчас-то жизнь больного или раненого проверяли, слушая дыхание, или прикладывая к губам что металлическое... Рассказал и про то, что можно сделать примитивный стетоскоп (и ей вырезали потом такую трубочку умельцы отряда), и про аппендицит, к примеру, да много чего еще такого – про банки с горчичниками тоже. Заодно выяснилось, что горчица сейчас в здешних местах – это такое растение типа хрена, и ее сушеные и толченые листья используют только в качестве приправы, а в лечении – нет. А еще Милана не понимала, зачем там, в будущем, для этих... лекарственных домов взяли такое плохое слово – «больница», пришлось рассказывать, что есть и «здравницы», и «лечебницы» (и клиники с поликлиниками, но это уж он опустил), но прижилось вот почему-то больница.

Упоминал он и тему рожениц. Хотя и совсем мало знал, да и сомневался – как она примет, но успокоившаяся после того случая Милана уже сама выпытала у него, как это все в их время устроено, и Седов, который в самом роддоме дальше приемного покоя был только один раз (когда его самого рожали), все же смог кое-что общеизвестное ей рассказать и об этом. Больше всего ее впечатлили почему-то прививки, благодаря которым у них победили многие болезни, уносившие сейчас (и еще лет 400) жизни самых маленьких... Поразила ее коровьей оспе, спасающей от настоящей... Примерно подтвердила она и статистику, что из десятка новорожденных сейчас до пяти лет едва ли половина доживает, хотя и с очень большими оговорками. Ну, тут уже и сам Николай Федорович прекрасно представлял разницу между, к примеру, постоянно голодными крестьянами одной из здешних орденовских деревень, и – хотя бы – жителями псковского посада. Интересовало травницу и то, как они с кровотечениями у рожениц справляются (а разговоры такие они вели обычно на постели, в темноте, потому как все же не принято было сейчас такие темы обсуждать, и только ее... лекарское рвение, скажем так, заставляло говорить об этом с женщиной), но тут уж Седов не знал ни современных препаратов и хирургических приемов, ни тех, которые ранее использовались и могли хоть как-то быть доступными в это время. А самые ранние, народные, из трав да корней – она знала гораздо лучше него. Хотя про кесарево сечение он ей рассказал (а про хирургию вообще у них и раньше разговоры были), вызвав несколько новых вопросов, на которые, увы, ответов у него уже не было.

...И пожалел потом об этом рассказе, сильно. Но... впрочем, по порядку. Где-то во второй половине периода метелей, когда народ уже отдохнул и расслабился, в один из вечеров, когда все руководство сидело по обычаю в башне, к ним прибежала из деревни Светка. Ее, конечно, все бойцы давно знали, и пропустили в башню без вопросов, но она, коротко всем поклонившись, попросила срочно пойти с ней Седова – Милана звала. Ее пытались было расспросить, но девушка была необычно серьезна, и даже присутствие Ефима (осаду которого она уже некоторое время вела, и обычно это было довольно забавно для зрителей) сегодня на ней не сказывалось. Николай Федорович накинул куртку, взял шапку, и они пошли скорым шагом. Правда, его скорый шаг при их разнице в росте для Светки оказался бегом, но на бегу она все же успела ему рассказать, что у одной из чудинок роды, и идут они... плохо, и травница срочно звала его.

Пришли они тогда не в деревню, а до последней, четвертой землянки чудинов возле озера. Седов как-то заглядывал в одну из них, так что внутреннее устройство представлял – посередине в два ряда столбы – подпорки, поддерживающие каркас потолочного свода (балки и береста), крытый сверху дерном, по бокам, за занавесками, спальные места и всякие полочки, в центре столы (если есть), а в дальнем конце – печь, точнее, очаг. На полу те самые плетеные

из камыша коврики. Здесь было так же, и Николай Федорович знал, что после поправки очагов и дымоходов у чудинок две нежилые землянки сейчас тоже были приведены в порядок – разговор об этом был, одна вроде под склад, а последняя... А в последней сейчас была операционная, как он увидел сразу, как они вошли... Большое количество лучин окружало центральный стол, выскобленный (это было заметно), пахло спиртом и... кровью. А на столе лежало, уже, похоже, неживое тело – вот что первым увидел он внутри... Но тут к нему кинулась Милана.

–Коля! – негромко, но опять с совершенно безумными глазами сказала она ему таким тоном, что он даже вздрогнул, и продолжила бессвязно – ты говорил... разрезать... он живой еще, Коля! Сделай! – и потащила его за руку к столу.

Боковым зрением он отметил, что тут еще несколько чудинок, трое или четверо, в каких-то накидках или фартуках, кое-где кровью же попачканных, и на столе, под таким маленьким сейчас, совершенно неживым женским телом, тоже кровь... пахло еще чем-то травяным, было очень жарко, и он, машинально скинув куртку (кто-то сзади подхватил), подошел к столу и взял маленькую же женскую руку... Пульса не было, конечно, и он проверил на шее... Тело девушки, почти девочки, было еще теплым, но – увы... Он повернулся к травнице, думая, как сказать ей, но... живот умершей, не такой уж и большой для девятого месяца, шевельнулся. Он, не веря сам себе, положил на него аккуратно руку – и ему толкнулись в ответ.

–Живой! – подтвердила напряженно следящая за ним Милана – толкается еще! Сделай, разрежь! – она протянула ему его же нож, который он же ей и подарил, тот самый складной, с которым ходил за грибами, тогда, в другой жизни, которая была сейчас лишь каким-то фантастическим воспоминанием... В реальности он стоял в жарко натопленной землянке, по лицу его тек пот, а перед ним лежала мертвая беременная женщина с живым еще ребенком. Он протянул было руку за ножом, но тут же встряхнулся, собрался, и...

–Так! Руки помыть! Со спиртом... с брагой!

Кто-то из чудинок, вышагнув из боковой темноты, протянул ему... кусок полотна, обильно смоченный спиртом. Он тщательно вытер руки, соображая сразу всеми слоями мозга, что и как делать. Единственный раз увиденный им шрам от кесарева, после которого он, собственно, и заинтересовался, как оно вообще, и посмотрел пару сайтов в интернете... Сдернув свитер, он остался в одной рубашке, еще раз протер руки, взял нож, который так и держала Милана, протер той же тряпкой и его, и сделал решительный шаг к столу. «Так – судорожно соображал он – ей уже не навредишь, а ребенок, как же там, кожные покровы, потом жировые, потом матка...». Он попытался поддеть кожу на животе – безуспешно. Попытался, приложив нож, сделать надрез – ничего подобного, нож, хоть и был хорошо наточен, лишь зацепился (все же не скальпель), оставив небольшую ранку, и тут же выскользнул.

И тут Седов разозлился. На себя, на нож, на мертвую девчонку, на 16 век вообще и Ливонский орден в частности... он зацепил кожу на животе чуть не в горсть, воткнул нож в ранку почти на сантиметр, и повел лезвие, держа его под острым углом к коже, поперек живота. Кто-то охнул возле него, но он уже ни на что не отвлекался, перехватывая, ведя рез дальше, снова перехватывая, даже когда ощутил еще пару толчков, уже слабых, под руками. Ожидаемого жира не было вообще, и перед ним, когда он решил, что достаточно, и отложил нож, раскрылось... ну, вы можете себе представить, что. Он осторожно опустил туда обе руки, ближе к бокам, сведя, нащупал... живое, и потянул на себя. Оно подалось неожиданно легко, и затрепыхалось, вытасченное на свет. И вот тут из него вышел весь запал, как воздух из воздушного шарика... Но и чудинок, и Милана, стоявшие все это время рядом, затаив дыхание, увидели и его внезапную бледность, и уже знакомое им и привычное тельце ребенка, и как-то сразу подхватились все, приняв у него из рук малыша, что-то там с ним делая, а он, как сомнамбула, сделал пару шагов назад, после чего развернулся и вышел из землянки на стылый воздух. Да и сел прямо в снег, рядом с дверью, механически оттирая этим снегом руки под звон в ушах и мушки перед глазами... Просидел он недолго, но успел прийти в себя, даже

писк слабый изнутри успел услышать, и тут выскочила Милана, увидела его, захлопотала... Его завели внутрь, протерли ему руки спиртом снова, вытерли, помогли надеть свитер и куртку, и та же Светка под плеск воды, слабый писк живого существа и приговаривание остальных (он не запомнил, но вроде как было что-то классическое женское – все будет хорошо) увела его обратно, чуть не за руку.

Сама Светка в замке куда-то исчезла, не заходя в башню, и он совершенно автоматически поднялся до зала, где ему сразу налили настойки, видя его лицо.

– Умерла роженица – сказал он на общие вопросительные взгляды – но ребенок жив... вроде. Пойду я... – и ушел к себе. Его не беспокоили, понятное дело, и он почти сразу провалился в сон, так и не проснувшись, когда позже пришла Милана, по запаху узнав ее только – смесь ее обычных трав и спирта. С этого случая, кстати, стала она называть его на людях и наедине – Колей, чего стеснялась раньше. И еще одна незримая преграда между ними исчезла с того дня, кто понимает... А утром она рассказала ему, что девочка жива, и, бог даст, выживет... Николай Федорович как-то слабо удивился – почему девочка? Вроде про мальчика говорили, но вспомнил, что до УЗИ еще... ну, понятно, и задвинул все это на задние планы памяти. Не хотелось вспоминать такое, тут уж все, наверное, понимают. А на его вопрос – а кормить-то ее кто будет? – уже совсем успокоившаяся травница хмыкнула этак по-женски, мол, и без тебя накормим, не переживай.

История на этом не кончилась, а имела продолжение, даже два. Через пару дней выловили его в башне Петр и Гридя, необычно серьезные, на приватный разговор. Как оказалось, пошли слухи, что то ли резал кого старец, то ли в жертву приносил, чтобы младенца чудинского спасти, то ли иной кровавый обряд проводил – говорили и иное – своей кровью спас, в общем, дело серьезное. Пришлось еще раз собирать капитул, да Михайлу с Миланой туда вызывать, и всем рассказывать, что было, что именно он сделал, и как оно у них вообще поставлено там, в будущем. Все слушали серьезно, мрачная Милана подтвердила, что умерла уже роженица к тому времени, и что она еще таких случаев ожидает, потому как орденцы даже мелких девок валять пристраивались, а кормили их – сами знаете, как...

Разговор был... неприятен всем, как понял Николай Федорович, тема была табуированной и народ даже краснел, но все же поинтересовались у старца, что они там на эту тему далее придумали, и что он сам может. Видя такой настрой, в подробности вдаваться он не стал, но как шло развитие хирургии – рассказал. Вроде, и рассказывал он уже рязанцам об этом, но без таких вот... особенностей. Если в античности древней, вроде как, все части (и кости, и мышцы) тела человеческого знали, то при христианстве эта тема долго запретной была, и первые хирурги по ночам могилы раскапывали, чтобы на телах практиковаться (кое-кто в зале теперь начал зеленеть и креститься даже), ну, а потом, постепенно, с простых переломов и их лечения – дошли и до более сложных операций, а Церковь сперва гонения на таких врачей устраивала, потом делала вид, что не замечает их (ну да, церковные иерархи – тоже люди, и тоже болеют, какому-нибудь архимандриту от аппендицита умирать не хочется), и тема, что болезни – наказание господне за грехи, все же ушла из их проповедей (хоть и не до конца, периодически возвращаясь во времена эпидемий). Как сейчас, он не знает (ему подсказали – тот самый запрет и есть), ну, значит, так... Сам он, увы, очень мало знает, а может именно сделать – еще меньше, а что вспомнил – и им рассказывал, и более, так сказать, предметно с травницей обсуждал. Ну, с переломами – они и сами теперь знают (Семен кивнул). Вот, кстати, у чудинок все примерно по его рассказам и сделано было – чистота, света много, все выскобленное, прокипяченное и брагой протертое... Хоть и не помогло. С роженицами, если уж самый плохой случай, он попробовать может, получилось же с девчонкой, но... Детей, может, и удастся спасти, а самих молодых мам – вряд ли. Выслушали его очень внимательно, порешили слухи те пресечь, ну, а уж если снова такое случится – пусть старче пробует, чего уж там... Да Гридя

забрал ножик, и вернул его через день Милане какой-то уж совсем бритвенной остроты, сказав давать ему, если наточить надо будет.

А вторым последствием стал еще один разговор через день, но теперь уже у чудинок, с Эле. Вызвала его туда Милана, в той самой последней землянке, теперь чисто вымытой, были они втроем, и еще несколько женщин. Седов их в лицо еще не знал, но вроде как те, что помогали тогда при родах, так ему показалось. Поклонилась ему Эле, и бабы ее тоже, поблагодарила его за спасенную девочку, а вот дальше... Сказала, что хоть то и совсем против обычаев, и их старых, и новых христианских, но хочет она, чтобы научил он женщин их, что роженицам помогают, тому, что сам умеет, и даже тому, что пришлось ему делать... Тяжело было Николаю Федоровичу соглашаться, но – куда деваться. Рассказал, пояснил, немного и вышло. Женщины чудинок имели большой практический опыт, так что много и без него знали (и гораздо лучше), но вот о внутренних органах и даже о такой простой хирургии – знаний у них, считай, и не было. Немного это у него времени заняло, пару вечеров всего, а потом – день, другой прошел, потом его день рождения отмечали они, и как-то он развеялся.

Потом настали другие заботы, и эта тема ушла еще глубже, а вот сейчас, в те дни, что ждали они вестей из Нарвы, вышел еще один такой случай у чудинок, и снова Милана звала Седова. В этот раз он взял себя в руки быстрее, но... роженица была жива, хоть и без сознания уже. Разрез удалось сделать проще и быстрее, спасибо Гриде, кровил он не сильно, но, раскрывая полость, Николай Федорович как-то сразу понял, что дело плохо – крови внутри было слишком много, и была она уже... такой, давно натекшей, видимо. Так и вышло – ребенок оказался мертв, роженица из забытья не вышла, тоже тихо отойдя, а сам Седов снова долго сидел у входа в землянку, на свежем воздухе, остужая голову и успокаивая бухающее в груди сердце...

Правда, то ли его ночные рассказы помогли, то ли что, но сама Милана от этого случая отошла быстрее. А то, как рассказала старцу как-то Светка, у них дома, во Пскове, она могла и всю седмицу после такого (а там, конечно, такие же случаи тоже бывали, увы) отходить, а теперь – день, два... Через пару дней он осторожно поинтересовался у Миланы, много ли еще у чудинок... таких, и как так вышло, что они... ну, подряд? Оказалось, несколько очень слабых еще есть, а по времени... По осени, после уборки урожая, когда все нужное на зиму свозилось в кладовые замка, задействовали для раскладки да укладки запасов всех, в том числе и чудинок. И для орденских бойцов самое удобное время было – притиснуть кого, не выходя из замка, да еще по кладовым да закоулкам всяким... А на его вопрос, чтоб тему печальную сменить, как оно в деревне за это время, травница ответила, что там одна баба рожала с зимы, ее тоже звали, все хорошо прошло, мальчик...

Месяца через полтора будет еще один такой случай у чудинок, и вот тут им всем повезет – и ребенок выживет, и роженица тоже!

Внутреннего кровотечения у нее не было, только пуповина, как-то хитро обмотавшая малыша, не давала пройти процессу... естественным путем. Чудинские повитухи ее размотали, перерезали-завязали, как надо, и... что делать дальше? Сама роженица лежала без чувств, но тоже вполне живая, пульс был, и Седов, сам не ожидавший такого результата, честно говоря, немного растерялся. Но все же смог собраться, послать за шелковыми нитями и иглой, вымочить их в спирте и сделать первый в своей жизни шов (ужасный, конечно). Три дня после он мучился, что не поможет это, осунулся даже так, что все заметили, и действительно – и воспаление было, и жар у роженицы, но... выкарабкалась она. Слишком хотела жить, а в таких случаях, как скажут позже, медицина бессильна. И снова по деревням пошли слухи, и снова пришлось на капитуле еще чуть позже докладывать, что вот тот редкий случай, когда у женщины... ничего не повредилось, и нет... внутренних разрывов и такого кровотечения, что остановить нельзя...

Именно после того случая Эле снова соберет всех своих повитух и Милану, и пройдет у них серьезный разговор. Ссора, свара, скандал, короче. Правда, Седов об этом не узнает...

«Вы его в могилу свести хотите? – орала Эле на травницу и своих же – вы посмотрите на него, каждый раз еле отходит, белый весь, сами же говорите! Хотите, чтоб его вместе с кем из девочек наших на погост снесли?? Все он вам показал, давайте сами, а то – я сама нож этот возьму (тот самый складной нож в фольклоре народном за это время приобрел совершенно фантастические свойства)!». Но, как же, отвечали ей ее же бабы, а если вдруг что не так... «А вот если совсем не так – настаивала Эле – тогда его зовите! Вы хоть понимаете своими куриными головами, что он нам всем с князем принес? И принесет еще, если... жив будет? Вы понимаете?!...» Многие слухи о будущей жизни за это время разошлись по землям нового Ордена, но тут-то, рядом с замком, в Озерске, они знали, что это вовсе и не слухи... Так что Николая Федоровича с того лета на тяжелые роды звать практически перестали. И Милана, которой во время того скандала просто стало стыдно, и она провела его молча (неслыханное дело), на вопрос старца как-то – как, мол, там дела у чудинок? – ответила ему, что, слава богу, справляются они сами пока...

Способ этот, в самых тяжелых случаях живот резать, разошелся между повитухами – сперва по Озерску и деревням, потом в Ревель и малые города нового Ордена, потом – в Юрьев, и уже оттуда перебрался на русские земли (и в Европу, но еще позже). Развитие медицины, о чем еще разговор будет, позволило «ливонскому рассечению» (как кесарево называть стали), хоть и совершенно подпольно, так сказать, но разойтись по городам и весям. Не все повитухи соглашались на такое... Выживала одна роженница из десяти. Но – выживали почти все дети, у кого других патологий не было. Такая статистика тянулась лет триста, пока благодаря другим достижениям медицины не удалось медленно поднять процент выживающих роженниц до 50, и даже чуть больше... Медики будущего учили стандартный разрез – ниже пупка, слева направо, чуть с понижением – не зная, что хоть и не дрожащие, но совершенно не приспособленные кривоватые руки старца именно так повели когда-то складной нож в далекой Ливонии.

А девочка и мальчик, родившиеся тогда у чудинок, выжили и выросли, обзавелись своими детьми, как многие такие же выжившие после рассечений дети позже. Крестили их Меланьей (но звали все Миланой) и Николаем (с согласия травницы и старца, конечно же), и среди чудинов ходили про них всякие шепотки, совершенно затихшие естественным путем, постепенно, лет через 10-15, к взрослению их. Ничем особым они среди сверстников не выделялись, другое дело, что у самих чудинов жизнь за это время сильно изменилась, как и у других народов на землях нового Ордена, впрочем, но это – уже совсем другая история.

Если не считать этого случая, то после возвращения их из Ревеля снова наступило вынужденное безделье у всех, кроме дозорных. Занимались в это время они в основном с ранеными (увы, как раз на этих раненых кончились запасы антибиотиков и болеутоляющих из аптечки Седова), а так – распутица и половодье надежно перекрыли дороги. Правда, кое-какие дела все же были – князь, дождавшись, как открытые места возле замка, на перекрестке между церковью и скотным двором, подсохнут, сделал давно задуманное им дело. Недалеко от церкви, рядом с тем местом, где был суд над орденцами, чуть ближе к берегу озера, вкопан был столб, а на него прибит дощатый щит. На щите Михайла (уже набивший руку на табличках) вывел надпись: «Здесь в незапамятные времена начальством Ливонского ордена были обманом завлечены в ловушку и убиты четверо князей народа чудинов. Здесь же были за все их преступления судимы рыцари того же Ливонского ордена, признаны виновными, и казнены». Та же надпись была написана и на немецком, там, правда, текст он писал с подсказками Ефима. Сделано это было в ближайшее воскресенье, традиционное собрание в церкви в этот раз было посвящено очередной победе над орденцами (схватка на тракте была подана именно так, да так оно и

было, пожалуй), с рассказами о героизме воинов и о наградах. Празднества с гулянкой на всех устраивать не стали, но отметили душевно.

Эле (которая, конечно, была тут со всеми своими) князь подтвердил, что и камень он тут установит с этой же надписью, как обещал, вот только доберется до местных каменоломен и подберет подходящий. Сложенные на замковом острове камни, которые тоже уже выталяли из-под снега, оказались чисто строительными, вроде блоков, довольно небольшого размера, и для этого дела никак подойти не могли бы. Впрочем, чудинки и так снова кланялись, благодаря князя. То ли весеннее солнышко их как-то пригрело, то ли действительно их держали на голодном пайке, а сейчас они отъелись – но показались они Седову, если все вместе, уже не такими бледными и тощими, а вполне даже ничего. Или весна на него так повлияла?... И еще сказала Эле, но уже негромко, кроме князя лишь ближние то слышали, что передала она весть... среди своих, и, возможно, вскоре к нему кое-кто приедет поговорить... Князь, если и удивился, виду не подал, и выразил готовность с ее сородичами (а речь, понятно, шла о них) встретиться в любое время.

А Николай Федорович, когда смотрели они те камни (а ходили вместе, князь как-то обмолвился о своем замысле, и народ это дело обсуждал), снова обратил внимание на готовый с прошлого года фундамент. От Якоба они знали, что хотели тут орденцы поставить вторую воинскую избу, такую же, как рядом стояла (в замке было тесновато, если честно), да уж не пришлось... У самого Седова тоже стали появляться кое-какие мысли насчет жилья, но при их все еще подвешенном состоянии – не до того пока было, конечно.

После второго случая с чудинкой еще несколько ночей ему пришлось (хотя он и сам-то тяжело переносил такие вещи) успокаивать Милану сказками о своем времени. Правда, в этот раз хватило и пары-тройки ночей, но все же занятие это ей так понравилось, что просила она Николая Федоровича еще и еще говорить о далеком и таком притягательном будущем. И его монологи все же стали переходить в диалог, когда или она его расспрашивала о деталях, или сама рассказывала что-нибудь.

Именно в одном из этих ночных разговоров Седов впервые узнал о Янеке. Точнее, Милана рассказала ему, что есть тут один мальчонка с поломанными руками, и срослись они... кривовато, и не мог бы он посмотреть... Про переломы он рассказывал ей и раньше, и не один раз, но теперь вытащил из памяти все, что смог – про гипс и аппарат Илизарова, про рентген, про кальций и творог, а на руки мальчонки согласился посмотреть, просто чтоб не огорчать травницу, очень остро переживающую ситуацию с чудинками – сделать, понятное дело, сейчас он уже ничего не мог. Заодно уточнил, как тот руки-то поломал, и услышал простую историю – попался в неурочный час с чирканьем своим на глаза одному из рыцарей, чуть ли не самому комтуру, тот его и отшвырнул с дороги... «А дальше все просто – догадался Николай Федорович и сам – мальчик, падая, инстинктивно выставил вперед руки, слабые кости и не выдержали. А потом срослось, как срослось. Но что там было за «чирканье»?...».

Это выяснилось на следующий же день, незадолго до обеда, когда Милана разобралась с утренним уроком для своих учениц, и они пошли смотреть мальчика. К этому времени солнце все же начало хорошо подсушивать землю на открытых участках, и натоптанные людьми тропинки, где скот не гоняли и на лошадях не ездили, были уже совсем сухими. Идти оказалось недалеко – на бывший орденский хоздвор, что стоял на берегу канала, напротив церкви. Это был довольно большой комплекс строений, где были и коровник с конюшней, и овчарня, свинарник, загон для птицы, сараи и амбары для кормов на всю эту живность. Тут же был и отдельный угол для... запасенных на всякий случай стройматериалов, скажем так, где они брали заготовленные ранее орденцами бревна и доски для бани. Здесь же и жили бывшие сервы Ордена, ухаживающие за всей этой живностью. После захвата замка у них значительно увеличился рацион питания, да Федор, когда принимал хозяйство, что-то там решал по их содержанию. Плюс несколько своих чудинков Эле направила сюда же на постоянные работы, так что

жизнь у работников скотного двора теперь должна была быть полегче и получше, хотя основная сфера деятельности накладывала свой специфический отпечаток – кони, коровы, свиньи, птица... навоз, он того... Впрочем, когда Милана проверяла состояние здоровья всех обитателей замка и деревни, про то, что у людей здесь какие-то особые проблемы, она ничего не говорила.

Так что на большом, вытянутом дворе (строения стояли длинным прямоугольником) травница, уточнив у кого-то из obsługi, где искать малого, пошла в сторону сараев, с ней все приветливо здоровались, а на Седова тут глядели все еще с опаской. Найдя в указанном сарае мальчишку, она вышла с ним во двор, на свет, а Николай Федорович внутрь и не заходил, ждал их на солнышке. Мальчишка, на первый взгляд, был лет десяти – Седов уже по привычке стал накидывать к виду пару-тройку лет, потому как дети тут были мельче, чем в его время, да и потом ростом мало кто дотягивал. А вот старели (по виду) раньше, и с этим старец тоже уже столкнулся... Отшагнув в сторонку с натоптанной по двору тропки, под стену ближайшего сарая, сейчас нагретую солнцем и теплую даже на вид, он опустился на корточки, и, став теперь вровень с мальчиком, разглядел, что тот вроде излишне тощеват, штаны и рубаха – с чужого плеча, ветхие, залатанные, явно рабочие, на ногах все же какие-то опорки есть, а сам – с довольно чистым лицом, с копной темных, нечесаных волос, и темно-зелеными глазами. Смотрели эти глаза на Николая Федоровича совершенно без опаски, но с некоторым вопросом.

–Здравствуй – сказал он мальчишке. Тот прошептал что-то, почти неслышно.

–Покажи старцу руки – мягко сказала из-за спины Милана, а Седов сообразил, что русский язык пацан понимает, значит. Тот, все еще без слов, подтянул широкие рукава рубахи повыше, и протянул ему руки. А вот тут Николая Федоровича снова чуть не передернуло, но он сдержался... Нет, это были не «кожа да кости», но близко, очень близко к тому... И места переломов, похоже, и большой и малой лучевых, просматривались под мелкими мышцами отлично. И да, смещение прошло с некоторой скруткой, и непривычно было видеть руки ладонями вверх, а саму руку – как подают при рукопожатии... Но старец не стал никак это комментировать, а осторожно ощупал места переломов.

–Не болит? – единственно, на что его хватило. Парнишка помотал головой. Седов, не поднимаясь с корточек, сказал через его голову Милане:

–Ну, что сказать? У нас в таких случаях, если по каким-то причинам неправильно срасталось, ломали заново, под наркозом, конечно, и складывали кости как надо. Но, раз у него все работает, и болезненных ощущений нет, смысла в том, сама понимаешь...

Пацан, на словах про «ломали заново», несколько отступил, и взглянул теперь на Николая Федоровича как-то... удивленно. Но, дослушав, снова успокоился. А Милана, несколько потемнев лицом, все же кивнула ему, поняв, что чуда не будет.

–Янек! – раздался внезапно на дворе вскрик, и от одного из то ли амбаров, то ли загонов, к ним рванулась было какая-то женщина. Они обернулись к ней все трое, и она, не доходя несколько шагов, притормозила и дошла до них уже скорым шагом, прижав к себе голову пацана, и, судя по ее лицу, явно собираясь начать причитать или плакать. Кое-где в дверях появились головы, Милана начала говорить той что-то успокаивающее, малец медленно, но уверенно вывернул голову, и тоже стал что-то тихо говорить. Седов поднялся во весь свой рост, и, видя, что ничуть этим женщину не успокоил, отошел на пару шагов. Голов любопытствующих в дверях поубавилось... Минут через пять, когда женщина, вроде, успокоилась (но попыток задвинуть пацана себе за спину не оставляла), Николай Федорович решился задать вопрос:

–А что за почеркушки были, из-за чего орденец на мальчика-то осерчал?

Это простой вопрос внезапно изменил ситуацию. Мальчишка все же вывернулся из-за спины матери, и посмотрел прямо в глаза Седову таким взглядом, что того чуть пот не пробил. Взгляд этот загорелся каким-то энтузиазмом, страстью даже, что выглядело на таком лице и в такой обстановке несколько необычно.

–Осталось же у вас? – снова мягко спросила Милана – пусть покажет старцу...

Мать пацана все же успокоилась, замолчала, а он сам резво пошлепал куда-то, видимо, в сторону местного жилья. Они пару минут так и простояли на солнце, стоять было тепло, хорошо, даже и запахи уже не особо мешали... Но тут Янек пришлепал обратно, бережно неся под рукой стопку... дощечек? Да, это были явно обрезки тонких досок, разного размера, светлые, выскобленные... Седов снова присел, и пацан передал ему верхнюю. Он принял ее обеими руками, чуть отвернулся, чтобы солнце не слепило, и...

...Когда-то давно ему попадались в интернете восстановленные древние наскальные рисунки из какой-то пещеры на Урале. Там приводились фото самих рисунков, и их реконструкция – то ли с компьютерной обработкой, то ли художники постарались, он уже и не помнил. И если оригиналы выглядели просто неровными линиями, в которых силуэты животных лишь угадывались, то в той самой реконструкции эти линии были чуть-чуть дополнены, дорисованы, так сказать, создавая ощущения пусть зачаточной и примитивной, но графики. Уже не силуэты и абрисы, но – объемы, пластика, глубина... Примерно то же он увидел и здесь. Светлые дощечки, уголь (только уголь!) в качестве краски, правда, линии разной толщины... Похоже, пацан любил лошадей. И – знал их, что, впрочем, при его месте... жилья и работы (а руки у мальчишки были вполне мозолистые, Николай Федорович это еще при осмотре заметил) было не удивительно....

Седов автоматически протянул руку за следующей дощечкой, потом за другой... Лишь на одной были коровы с ярко выделяющимся быком. Были, вроде, овцы, но как-то не удались, то ли мастерство подвело автора, то ли угольком было не передать. Совсем не было собак. И кошек не было (да, кошек здесь пока и нет же, кроме лесных – запоздало вспомнил старец), в основном – кони. Просмотрев все, он вспомнил, что было еще, кажется, похожее критское искусство, какие-то росписи, то ли на амфорах, то ли во дворце каком (ну, далек был Седов от сложного мира искусства, хоть и в Москве проживал, но был занят в своей сфере очень плотно, и в музеях был раза три-четыре. В театрах, конечно, чаще. Позор, что сказать, но многие из его круга общения так жили...). Возвращая стопку дощечек притихшему мальчугану, он заметил, что по краям каждой была сделана фаска, благодаря которой рисунки не стирались один о другой. «Подготовился, значит – подумал он – давно, видать, занимается».

–А что – спросил он – у комтура правда был вороной конь?

Малец кивнул.

–Но я не его рисовал тогда – неожиданно оказалось, что голос у него вполне нормальный, не тонкий и не слабый, как подсознательно ожидал Николай Федорович по его виду – просто, уголь же...

–Понятно – теперь уже кивнул Седов, поднимаясь – знаешь, что?... А пойдем-ка в башню, покажу тебе кое-что.

Фразу, прозвучавшую бы в подобной ситуации в 21 веке... неоднозначно, и здесь встретили по-разному. Только малец прижал стопку дощечек к боку, готовясь идти. Дернулась его мать, и Милана опять принялась той говорить что-то успокаивающее, но сама с вопросом посмотрела на Николая Федоровича – зачем, мол?... Тот моргнул ей, что все в порядке, и жестом показал, чтоб и женщину тоже вели с собой. И они пошли обратно, странной процессией, молча (впереди старец с мальцом, сзади две женщины), провожаемые теперь взглядами, пожалуй, почти всех работников скотного двора.

Идти было недалеко, но Седов, как самый длинноногий, шаги сдерживал, так что какое-то время это заняло. На открытых воротах в замок дневальный разглядел его издалека, и вопроса не задал, но глянул тоже... вопросительно, и ему старец тоже кивнул, мол, все нормально, так надо. И в башню они зашли спокойно, но тут уж и малец несколько съезжился, и мать его сзади подсунулась поближе. «Похоже, они внутри-то ни разу и не были» – сообразил Николай Федорович, но сдавать назад было поздно. В зале на третьем этаже сидел у одного из

южных окон, на свету, с какими-то бумагами Ефим, поднявший голову на их шаги. Он тоже заметно удивился, но вопроса, опять же, никакого не задал. Седов глянул, что у него там на столе...

–Посидите пока – сказал он женщинам и пацану – я сейчас – и ушел на свой этаж.

В зале была самая разная мебель, были и самые простые скамейки, куда они несмело и сели, а Ефим тем временем все же спросил у Миланы, что там случилось. Что она ему ответила, Седов не услышал – он быстро поднялся к себе, взял блокнот, где чистых осталось всего несколько листов, и кошелек, лежавший у него в вещах. Быстро же спустившись обратно, он сел за ближний к Янеку угол стола. Тот, до того с любопытством осматривавший убранство зала, теперь перевел взгляд на невиданную белую бумагу... Николай Федорович, пролистав листы, нашел такой, где какими-то их старыми заметками исписана была только половина. Вытряхнув на стол из кошелька все монеты (мать пацана ахнула), он стал выбирать между ними самую крупную, с самыми четкими, еще не стертыми сторонами...

–Ефим, дай карандаш – сказал он, выбрав подходящую монету, и подсунув ее под угол листа блокнота.

Вообще-то свинцовые стерженьки называли просто писалами, но, с подачи старца, у них закрепилось название «карандаш». Непонятное, но звучное и запоминающееся. Вот и сейчас Ефим, без слова дав ему один из карандашей, что лежали у него под рукой, сам с заметным любопытством придвинулся ближе. А Седов, взяв стерженек, стал принаравливаясь, чтобы показать фокус из своего детства, который когда-то, давным-давно, показывал ему его отец... Прижав лист к монете, он слабыми движениями стал заштриховывать ее через бумагу. Фишка была тут в том, что грифель воспроизводил рельеф (но бумага нужна была тонкая, из 16 века не подходила), и нажим надо было делать средней силы – при сильном все сливалось в серую темноту, при слабом – не прорисовывалось... Хоть и столько десятилетий прошло, ему удалось с первого раза. Обрадовавшись, он перевернул монету под листом, и сделал рядом рисунок второй стороны, после чего подвинул блокнот Янеку. Тот, обтерев руки об штаны, несмело подвинул блокнот поближе, и... залип. А чрезвычайно довольный собой Седов оглядел окружающих, почему-то с победным видом – знай, мол, наших!

Все вокруг были впечатлены, только имели вопрос во взглядах, разной степени... офигения, скажем так. От «что это было?» до «что это было вот щас вообще?!!».

–Мальчишка – художник – негромко сказал Николай Федорович Ефиму, который, понятно, не знал предыстории – график, как у нас таких называли. Ему надо учиться рисовать. Янек, дай посмотреть!

Тот, не отрываясь от блокнота, сунул им стопку, и Седов разложил дощечки перед Ефимом. Тот отнесся скептически, хотя над одной из дощечек, с конями на скаку (на бегу, скорее, там не было ничего... летящего, из более позднего искусства, в том-то и дело, что пацан рисовал исключительно так, как видел, как было в реальности) тоже задержался на какое-то время. Николай Федорович знал, что пока на Руси, кроме икон, если что и рисовали, то, пожалуй, только иллюстрации к рукописным книгам (и тоже в основном богословской тематики, конечно). Вроде, были еще какие-то рисунки в летописях, но он не был уверен, что это не в более поздних периодах. Однако в том, что мальчика надо учить, и он должен рисовать, а не хвосты крутить своим любимым коням, и не навоз за ними убирать, Седов был уверен, и собирался это обязательно обеспечить. Еще не знал, как, но...

В общем, с трудом оторвав парня от блокнота, Седов сгреб всю медь, что вывалил на стол из кошелька, обратно, и отдал кошель матери пацана, вцепившейся в него мертвой хваткой (у него сложилось впечатление, что она так и не поняла особо, что вообще происходит). А Янеку Седов, сперва перегнув лист, оторвал тот кусок, где были рисунки с монет, и тот тоже вцепился в него, лишь кивнув на просьбу старца – оставить одну из его дощечек пока здесь, в башне. Они дошли обратно до скотного двора, пацан с матерью ушли, а Николай Федорович попро-

сил Милану найти того, кто тут главный. Она быстро нашла (ну, ей нашли местные, конечно) мужика, довольно крепкого, который был тут за главного, и Седов с ним переговорил. Он не знал, правильно ли это, надо ли привлекать Федора или даже князя, просто рассказал, что у пацана с рисунками этими его – дар божий, и надо бы его... побережь. Хорошо бы еще подкормить, а насчет работ – он переговорит, но лучше чтоб он пока не надрывался, и вообще...

Мужик оказался понимающий. Сказал, что Янека – Ваню тут все любят, хоть рисунки его и не это, ну... А после того случая с комтуром – жалеют, и вообще. Говорил на русском (на современном, но все же) он хорошо, что побудило Седова расспросить его вообще об их житье. Оказалось, что сам он с псковскими корнями, и подобралось так, что тех холопов, наловленных и купленных, кто немецкий лучше знал – брали орденцы в замок, а те, кто не знал – оказывались на других работах. Ну, а потом язык все равно учить приходилось, хозяева же... Мать Янека купили откуда-то с польских земель, ну, а кто ему отец был... Николай Федорович ушел с полным пониманием, что за мальчишкой теперь присмотрят.

Вечером на посиделках в башне пришлось рассказывать всем о художниках, как живопись (и искусство вообще) развиваться дальше будет, какие уже сейчас есть художники, что во всем мире известны станут, что за картины... Заинтересовались все, но по-разному, конечно. Князь вроде как просто взял на заметку, Гридя с Семеном – слабо, хотя на рисунок с конями все посмотрели скорее одобрительно, Степан еще отметил, что малец коней точно знает, Ефима больше заинтересовало, как от иконописи перейдет... к всему вот этому. Федор проникся, особенно когда Седов вспомнил про росписи в западных соборах, где на несколько сажен в высоту и ширину картины могут быть, в ярких красках, с библейскими сюжетами... На признания старца о его сегодняшних распоряжениях на скотном дворе князь лишь поморщился слегка, мол, о чем разговор (а вот Федор, похоже, завтра с утра сразу туда пойдет, подумалось Седову по виду того), и сам задал резонный вопрос – кто учить мальчика будет? Сам старец? Как он вообще все это видит?... У Николая Федоровича ответов не было, его знания по основам изо ограничивались тем самым советским школьным рисованием, тем, что в книгах попадалось, да тем, что дочка приносила домой в рассказах (и показах папке, ага) из изостудии – найдите маму, которая не попробует пристроить дочь в искусство, вдруг у нее талант... Таланта не оказалось, но на ее выбор веб-дизайна для работы как-то все же изостудия повлияла, видимо. А у Николая Федоровича остались смутные воспоминания об овалах и цилиндрах, композиции и перспективе... Поэтому на вопрос князя он ответил, что сам – нет, но надо подумать. Один вариант у него наскоро появился, а мозг явно загрузился проблемой.

А вечером и ночью пришлось рассказывать обо всем этом уже Милане (конечно, она не могла пройти мимо такого), и в их виртуальных совместных прогулках по Москве будущего появились памятники и фонтаны, парки со статуями и картинные галереи... Это было тяжело-вато для Седова – попробуйте описать картину (или статую), если человек, которому вы рассказываете, ни одной картины или статуи не видел. Что выйдет?... Мужик в пиджаке стоит?... Вот-вот. Но он как-то справлялся, ну, и реакция у травницы все же была привычной для него, женской – она охала, ахала и восторгалась, хотя бог уж знает, что там представляла себе на самом деле... Так что еще несколько дней, точнее, вечеров, Николай Федорович побыл искусствоведам, даже в телефоне кое-что нашлось, где-то на задних планах фотографий. А потом к ним по еще полужидким лесным дорогам пробились грязные по самые уши и насквозь три гонца – их боец, отправленный с Телепневым и Еропкиным, и двое ивангородских воинов, с вестью о захвате Нарвы.

7

Им все же дали помыться, тем более баня при замке сейчас подтапливалась постоянно. Накормили и даже слегка напоили, для легкости языка. И они рассказали, чему были свидетелями, заставив все руководство нового Ордена ловить каждое слово. Больше всего эмоций у рассказчиков, конечно, было от описания ночных обстрелов крепости ракетами. А еще, но

уже других, от описания, во что внутренности крепости превратились, когда остатки орденцев потом сдались... Нашлось время и для рассказа о том, как перенимали опыт их отряда, через воеводу с постельничим переданный, ивангородцы, как утренняя атака проходила, как орденцы огрызаться пытались... Разумеется, все гонцы передали и то главное, что Еропкин с Телепневым для них говорили – все удалось, огненные стрелы сработали, как задумано было, ну, и дальше все по тем же ранее согласованным планам они собираются делать.

Потом уже, наедине, у своего бойца капитул еще выспрашивал подробности, и тот не стал скрывать, что насчет подготовки их, как оно у Сига было, и всяких придумок старца – он тоже рассказал. Сейчас боец, задним-то умом, немного опасался, может, не надо было? Но его успокоили, мол, одно дело делаем. В общем, гонцов отправили отдыхать, а сами сели думать. Откладываемые до этих вестей дела в Ревеле – пора было запускать... Потому отправили уже своего гонца, дожидаться на северной засеке человека от Пимена с Торгашом, с новостями да сообщением о том, что скоро будет у них Петр, и – начнут...

Но если в Озерске узнали о падении Нарвы первыми, то вот о начале ее осады ревельцы, как оказалось, узнали раньше, потому как гонец из замка встретился на посту у засеки с гонцом из Ревеля. Тот передал, что вернулись часть местных корабельщиков от Нарвы спешно, поскольку встретили они в море близ нее чуть не два десятка кораблей. Хоть и мелких, да в таком количестве любому опасных, и по городу пошли новые слухи и волнения. Гонцы, обменявшись новостями, вернулись к своим, а в замке, где теперь точно знали, что русских людей было меньше десятка, лишь в очередной раз подтвердили, как велики у страха глаза бывают. Но это было между делом, а так – в Озерске срочно решали, кто войдет в отряд, что направится в Ревель.

Когда Петр рассказывал тогда потеющему от осознания ближайшей перспективы бургомистру, что они собираются сделать в Ревеле, он, в общем, не скрывал и не приукрашивал – дело будет жестким и кровавым. И альтернативу – с огненными стрелами по городу, которые не особо пока разбирают, куда лететь, он тоже упомянул, чтобы пресечь у ганзейца ненужные мысли. Правда, сейчас, после рассказа о судьбе Нарвской крепости, даже Петр иногда подумывал, что как-то оно выходит уж очень... Впрочем, в таких случаях он быстро вспоминал о прошлом Ливонского ордена, и о рассказах старца насчет будущего, и мысли эти уходили. Так что в Ревель отправлялся десяток примерно бойцов, были там и люди Петра, и Гридины диверсанты (но – без него самого, из-за приметной внешности), и кое-кто от Черного, кто с бомбами лучше всех наловчился. Десяток этот, под командой Петра, ушел до засеки, а там разделился, и в город выходили тремя группами.

В Ревеле было... суетно. Надо сказать, что зимнее население города в эти годы превышало летнее – на зимовку устраивались корабельщики, и часть владельцев ближних земель приезжали в свои городские дома, со своими домочадцами и слугами. Таких было немного (Ливонский орден держал все земли под своими комтурами и фогтами, разумеется, но вокруг Ревеля было некоторое количество владений других благородных), но они были, и по весне – возвращались на свои земли. В противовес этому с началом навигации в порту появлялись иные корабли, и пока шла погрузка-разгрузка, или отдых их команд – население этой части города увеличивалось за счет моряков. Правда, свои корабли уплывали... И вот на эту ситуацию наложились и слухи с юга, от Феллина, и перекрытый в холмах тракт, и некие корабли возле Нарвы... А незадолго до того, как отряд Петра добрался до города, туда прискакали орденские воины, все же успевшие вырваться из Нарвского посада. Было их немного, но они-то и взбаламутили город вестью о том, что все же начали войну московиты. Разумеется, силы врага они многократно преувеличивали (да и свое бегство им надо было оправдать), так что первой реакцией местных, ревельских орденцев было – собрать и вооружить ополчение, закрыть город, выпустить усиленные дозоры на дороги... Но... все эти, наверное, нужные вещи разбивались о несколько факторов: численность самих ревельских орденцев,

которых и так было менее полусотни, после стычки на перекрестке с группой Гриди резко уменьшилась (а комтура так и не было), воины из Нарвы ели и пили, но совсем не рвались вливаться в городской гарнизон, а хотели пополнить припасы и ехать дальше на юг – уведомлять срочно орденское руководство (и свои ноги уносить, чего уж там). При этом, узнав, что тракт на Дерпт перекрыт (как оказалось, хоть и среди рыцарей Ордена это было известно – далеко не до всех бойцов тут, на севере, это доводили), рвение у сбежавших наревцев только усилилось, поскольку теперь на юг можно было попасть только по побережью, через Хапсал и Пернов...

А магистрат Ревеля, который собрался теперь уже по инициативе орденцев, припомнил им отказ от расчистки тракта, и... не поддержал пока решение о сборе ополчения. Весна, крестьяне окрестных сел – на полевых работах, у всех городских мастерских – заказы на лето, а кормить собранное ополчение (нюанс!), согласно старым договорам между городом и Орденом, надо было на городские деньги... К чести ван Баарена надо сказать, что он специально не тормозил принятие нужных Ордену решений, бюргеры магистрата справились и сами. Он только запустил слух, что русские Нарвой и ограничатся (хотя и не знал этого наверняка). Да и Янссен ему невольно подыграл, предлагая пока только закрыть русскую церковь, да в городе стражу усилить – при всех его контактах с Орденом, свои деньги «святоша» считал прекрасно. Примерно так и решили, и более плотным графиком дозоров для местных патрулей (который не понравился страже, разумеется) да требованием к Ордену усилить конные дозоры на дорогах, чтобы не пропустить приближение противника, буде тот и в самом деле пойдет к городу, все и ограничилось. Разумеется, три десятка орденцев не могли усилить дозоры (сейчас у них ездило всего две тройки, верст на 10 от города на восток и на запад), а попытка направить на это дело наревцев привела к тому, что большая часть из них покинула крепость, да с громким скандалом, чему были свидетели, а потому – об этом быстро узнал и весь город. Это тоже подогрело обстановку в городе и окрестностях, вплоть до того, что некоторые землевладельцы вернулись в городские усадьбы, а кое-кто из владельцев кораблей стал поговаривать о том, что, может, пока имеет смысл, временно, куда-то уплыть...

На этом фоне ван Баарен позволил себе несколько осторожных намеков капитану внутренней стражи города. Тот все понял, и усиленные патрули с бравыми стражниками обходили городские улицы лишь днем, по ночам отважно сидя в своих караулах, часть из которых была расположена в тех самых башнях, что город все никак не мог свести в новую замкнутую систему укреплений. Правда, надо сказать, что пока роста даже краж и грабежей (а тем более каких-то беспорядков, чего бургомистр ожидал после рассказа Петра) в Ревеле не было. Ван Баарен не знал, что части криминалитета города было сделано интересное предложение по связям Торгаша, и тем надо было пока только ждать... Сам же бургомистр имел несколько бесед с коллегой Янсеном, и они решили, что рисковать своими людьми и товарами (оба должны были поставлять для Ордена кое-что и в Нарву) пока смысла нет, нужно обождать прояснения ситуации, корабли отозвать, товары – придержать, и следить за ценами (на городском рынке тоже все подорожало, естественно).

В общем, люди Петра нормально проникли в город (ночью) со всем снаряжением и собрались у Пимена. Сам Пимен только раз побывал в ресторации после приезда наревцев, поскольку хоть и убавилось там посетителей, но теперь народ вспомнил, похоже, что он с псковских земель, и на него стали посматривать... Они решили с Торгашом, что рисковать смысла нет, и новости приносили теперь люди Торгаша. К тому моменту у них было семь человек в помощниках, надежных, больше Торгаш не нашел. Впрочем, должно было хватить. Кухарку свою Пимен пока отпустил, мол, пусть посидит дома, раз в городе неладно, а то, может, и ему уехать придется, раз такие дела затеваются... Добрая женщина все поняла, и сокрушалась, что плохие времена наступают... А припасов они с Торгашом накопили в доме с запасом, делая это постепенно, так что пришедший десяток мог и седмицу тихо просидеть у них без проблем.

Но столько не понадобилось. Выслушав все новости, Петр провел небольшое совещание, в планы внесли последние корректировки, и – Торгаш ушел сперва на рынок, а потом – в бедные кварталы. А один из его людей – на тракт, к засеке. И уже на следующий день по городу поползли слухи, что москвитов видели уже вблизи города, Нарва сожжена дотла, и то же будет с Ревелем, а орденцы собираются сбежать, бросив город. Слухам охотно верили, а количество орденцев в крепости и их намерения (после того совещания в ратуше) весь город и так знал... Отдельно был послан парнишка к ван Баарену, с бумажкой, на которой было всего одно слово – «bald». Через охрану не пробился (бургомистр подсуетился, разумеется, и народу в усадьбе стал держать побольше), но ему это и не надо было, отдал записку, да и убежал. Ганзеец, разумеется, догадался, от кого послание и что означает, и дергался весь день, и ночью не спал, но – ничего не было. На следующий день уже по бедной части города пополз тот же слух – что орденцы и богатые купцы собираются сбежать, бросив город без защиты (а так и было, кое-кто из купцов и владельцев земель все же уплыл, портовые это прекрасно видели сами), и хорошо бы под это дело... ну... подсуетиться. Если бы еще день-два так все это и продолжалось, возможно, и рыцари, и городские советники снова бы собрались, обсудили слухи, опровергли, а то и решили что-нибудь... Но – нет. На следующую ночь началось...

...И в те дни, и после – Пимен всегда считал, что главную роль в Ревеле сыграл... Торгаш. Так он и князю потом докладывал, впрочем, с ним особо не спорили. Именно Торгаш, имевший старые связи в Ревеле, в основном среди не особо ладящих с законом людей, скажем так, и торговцев «серой зоны», подготовил выступление криминалитета этой ночью, и даже как-то распределил (ну, попытался) между ними цели с той самой бумажки, что они показывали бургомистру (он, кстати, вернул ее, вычеркнув одно имя и вписав еще два). Именно Торгаш нашел надежных людей, хоть и немногих, но прекрасно знающих город, его закоулки, всякие ходы-выходы, имевших разные знакомства, а уже эти люди – вывели его на одного орденского воина, захотевшего поменять становящееся опасным место на коня и кошель с серебром, за малую услугу. Именно Торгаш в ту самую ночь, с одним из своих людей, рассчитался с этим орденцем, дозорным нынче на воротах в крепости – сперва серебром, а потом и ножом по горлу, запустив через открытую калитку в воротах в крепость Петра во главе полутора десятков бойцов. Именно Торгаш, сам в крепость не пойдя, с двумя своими людьми и подряженными на это дело ревельцами с самого жесткого и опасного «дна» городской общины организовал налет на дом бургомистра Янсена, а охрана у того тоже была, конечно...

Они ушли из снятого дома все, как стемнело. Если что, то возвращаться сюда уже не придется, в случае провала – было названо место у восточного выезда из города, где выжившие соберутся, ну, а в случае удачи... тьфу-тьфу, чтоб не сглазить... Переждав до оговоренного времени недалеко от замка, по сигналу от ворот огоньком, группа добежала до раскрытой калитки. Там Петр, коротко переговорив с уходящим в город Торгашом, запер за ним калитку снова. Теперь им надо было захватить замок... Правда, Пимена все же не взяли внутрь, на зачистку. Пока народ вязал белые повязки на рукава, Петр еще раз распределил всех. Три четверки пойдут внутрь, три человека (и Пимен среди них) останутся у ворот. Основная их задача – никого не выпускать в город, чтоб не привели подмогу, ну, и по обстоятельствам... Коротко перекрестившись, народ запалил факелы и разбежался по известным (со слов людей, найденных тем же Торгашом) входам во внутренние помещения.

Тройка у ворот напряженно вслушивалась. Тут, на посту, тоже горел факел, но они разошлись в темные места. Пока все было тихо, но вот послышался шум, сперва слабый, потом – вскрик, тут же узнаваемо грохнула их бомба, и началось... Тактику Петр оставил прежней – сперва бомбы, потом зачистка. Разве что вместо дробовиков нынче взяли малые самострелы, которые легко и быстро взводились руками, но были смертоносны на коротких расстояниях. Люди Черного, хоть и не в полных доспехах нынче, шли впереди, сзади их прикрывали остальные с самострелами. Четверых в одну группу хватало, они еще в Озерске решили, что в узких

коридорах, если народа больше, то они уже начинают мешать друг другу. Ну, и то, что старая крепость в Ревеле строилась по тому же плану – небольшой прямоугольник стен, к внутренним сторонам которых пристроены помещения, первый этаж – склады, конюшня и поварня, второй – жилой (а кое-где здесь был и третий, разного назначения), с галереей – тоже помогало. Донжона в старом замке не было, были высокие угловые башни, а отдельно пристроенная самая высокая (и не особо большая по площади внутренних помещений) башня использовалась только для наблюдения, ну, и как склад-арсенал частично. Орденцы, хоть и были встревожены последними слухами, и вообще всеми событиями этой весны, но спали-то как обычно, зная от своих дозоров, что близ города опасности пока нет, а внутри – тоже усиленные дозоры не посчитали нужным поставить, в своем-то замке. Начало захвата прошло без сбоев, а вот после того, как поднялся шум, схватки в темноте комнат и переходов стали более ожесточенными. А особенно – в башнях, где, собственно, жили сами рыцари, их оруженосцы и личные слуги...

Петр этой ночью потерял троих, всех – в башнях, с рыцарями. Но – добились орденцев, бомбы на непривычных людей оказали обычное ошеломляющее действие... Несколько своих бойцов были ранены. А так – бомбы и внезапность ночного нападения свое дело сделали. Пост у ворот почти в упор подстрелил из луков, прихваченных именно на такой случай, троих орденцев, ускользнувших от зачистки и попытавшихся было выбраться наружу. Пимен в схватку так и не вступал, не с кем было. Они, сидя в засаде у ворот и напряженно вслушиваясь, через какое-то время поняли, что крики теперь раздаются и из-за их спин, из города... Когда, где-то через час, Петр на дворе, сейчас ярко освещенном факелами, разбирался уже с замковыми слугами (там героев не нашлось, и народ отсиживался в своих каморках, которые были в основном на нижнем уровне помещений), пытаясь из быстрых расспросов понять, все ли орденцы были ими найдены, или кто-то спрятался или сбежал, от ворот, если глядеть на город, стало хорошо видно (крепость, разумеется, была на холме), что там в нескольких местах происходит движение групп людей (с факелами), а в трех-четыре места занялись уже и пожары... Слуги, которым предъявили тела орденцев (разной степени целостности, и было их даже меньше трех десятков), хоть и были в основном в ступоре, ожидая, что и их сейчас вот так же... того, все же смогли, трясаясь от страха, опознать всех. Правда, из их невнятных рассказов выяснилось, что несколько человек, в основном – из хозяйственной части гарнизона замка, жили не в самом старом замке, а в городе, в отдельных башнях или рядом с ними, но туда уж никого не послали... Петр приказал выставить на стене возле ворот три факела в ряд (знак для Торгаша и его людей), слуг согнали пока под замок, и бойцы смогли отдохнуть.

Тройка Пимена осталась на стене в качестве дозорных, как не участвовавшие в схватке. Правда, лучники записали на свой счет еще парочку бойцов или работников Ордена, непонятно было, которые, выбежав из города к замку, попытались попасть внутрь, вызывая своих... А еще через пару часов, сперва окликнув их из темноты на русском, пришел и Торгаш. Целый, но с одним своим человеком, а не с двумя, как уходил... Его пустили, конечно, заодно тела орденцев подобрали. Торгаш рассказал поднятому Петру, что с Янсеном все, и даже показал со стены его пылающий дом. Отдельных пожаров к тому времени прибавилась еще парочка, а еще – в стороне порта шумели, и там явно шло что-то массовое. Ни Торгаш, ни Петр так и не додумались – что бы это могло быть, ничего такого они не планировали, и только позже стало известно, что народ из припортовых трущоб, поняв из расходящихся слухов (а удержать их в такой ненадежной среде не удалось), что сегодня «можно», решил под шумок свести старые счета и поправить свое финансовое положение.

Как стало светать, пришло время для следующей части плана. Одного человека из крепости отправили к своим еще затемно, а второго – наоборот, когда окончательно рассвело, к ван Баарену. В записке было написано, что все получилось, и пусть бургомистр сперва использует тревожные вести, а к вечеру и к ним заглянет, в крепость... Пока бургомистр задумался, что

и как он должен использовать, к нему прибежали новые посыльные, в этот раз от городской стражи. Оказалось, что прискакали с утра еще трое орденцев, один – даже рыцарь, в латах и накидке их, до первой караулки стражи с восточной стороны города, оставили записку, и не слезая с коней даже – ускакали снова, да все оглядывались, а сами грязные были, и вроде как из схватки, у одного рука завязана кровавой тряпкой, у второго – на одежде вроде копоты что-то, и гарью от них несло... Записку велели снести в замок, да только десятник их в бумажку ту глянул, не запечатана она была, ну, и вот...

Гридя все-таки не удержался и провел маскарад в орденские тряпках, правда, сам сильно жалел, что не сможет поехать, со своей татарской ро... эээ... лицом. Да и Степан, которого привлекли к этому делу, конников своих дал, а сам не смог – надо было хоть одному из ряженных хорошо знать немецкую речь, а он все больше по южным наречиям был. Но – подобрали троих, одного одели в рыцарский доспех (не полный – им нужна была скорость, на случай чего), накидку, рожи сажей да грязью измазали, записку написали да отправили. Все получилось, и потом народ со смехом делился рассказами, как они напугали ревельскую стражу, и какие у тех были морды... Но – это было после, а пока...

В поданной бургомистру бумажке (явно взятой наспех, на обороте было что-то записано по хозяйству, какому-то Вилли – привезти рыбы и пива) было криво написано карандашом (на немецком, конечно): «Братья! Нарва сожжена москвитами дотла, наших уцелело малое число, мы уходим на юг, советуем и вам. Они идут большой силой, неизвестно, что там у русских – колдовство или оружие новое, но город сгорел. Поспешите». И вот теперь ван Баарен понял намек... Городской совет удалось собрать только после полудня. Далеко не в полном составе... Троих ратманов не досчитались, и бургомистра Янсена тоже, и кое-кого из чиновников да писцов... По кому-то гибель была подтверждена, кто-то пока просто пропал без вести, остальные были напуганы, а еще – порт был перекрыт, и там шло... непонятное. Городская стража за ночь потеряла пятерых человек (правда, двоим не повезло попасть под арбалетные стрелы, прилетевшие в темноте откуда-то... сзади – капитан стражи и его заместители после намеков бургомистра расправились с теми, кто... постукивал наверх, говоря словами будущего). Хватало и убитых нападавших, среди которых были уже опознаны некоторые известные страже людишки с темным прошлым. В общем, бюргеры были напуганы, и на этом фоне ван Баарен выглядел несокрушимой скалой. Совершенно без страха (он чуть ли не один в городе знал, что бояться, собственно, и нечего) он сперва принял доклад от капитана стражи – о пожарах, грабежах, беспорядках возле порта, а потом произнес решительную и твердую речь, в которой призывал сплотиться, принять все меры и отдать все силы, а также сообщил о надвигающейся угрозе и... том, что Орден их... покидает. Нет, слово «предательство» не прозвучало, но...

Это вызвало шум, но был вызван и допрошен десятник, через кого записку передали, и сама она прочитана вслух и пущена по рукам. Шум сперва стал сильнее, кто-то чуть ли не бежать порывался, но вид спокойного бургомистра всех несколько охладил. А тот четко и внятно рассказал, что сперва следует страже утихомирить бедные кварталы, очистить порт, чтобы, в случае чего, дорогу к... отступлению морем им оставить, да заодно рассадники всякой швали там убрать, чего давно бы надо было сделать, да руки не доходили. А переговоры с Орденom и... иными силами берет бургомистр на себя, и обещает все усилия приложить, чтобы Ревель и горожане его уцелели в эти тяжелые времена, а, может, и в прибытке остались!... Самых трусливых речь успокоила. Самые умные догадались, что бургомистр что-то знает. Но – капитану стражи было дано указание очистить порт (и приватно раскрыта еще часть тайн, для его спокойствия), и под такое дело поднять из городских жителей некоторое количество мужчин для оцепления и иной помощи, вооружив их на время запасами из арсенала городской стражи.

К вечеру капитан организовал жидковатое, но оцепление для припортового района, чтоб не допустить ночью выплеска швали в богатую часть, как вчера (а именно этим были объяснены

ночные нападения на... некоторые дома богатых горожан и пожары), а бургомистр с пятеркой охраны пошел на переговоры в замок. Впустили их без задержки, а вот внутри... Охрана дернулась было, видя... других людей, да с взведенными арбалетами, но... в них те не целились, тела орденцев уже убрали, а иных разрушений и признаков того, что что-то не так, во дворе и не было. Петр, Пимен и Торгаш успели и поспать, и разобраться наскоро, где тут что, и отправить девок на поварню готовить (под присмотром, на всякий), и разобраться с остальными слугами – и тут Торгаш (точнее, люди его новые) тоже подсказал, что одного надо бы... того, еще кое-кого – можно просто выгнать, болтуны, да и лишние они при них будут, а кого и оставить.

Так что бургомистра приняли в одной из башен, которая не пострадала ночью (а кое-где все же маленько подгорело – бомбы), где нашлись вполне уютные комнаты. Разговор был недолгим, не время пока было расслаживаться, согласовали, что дальше делать, да одного из своих оставил ван Баарен в крепости, для связи, и ушел – руководить процессами в городе. А в крепости, получилось так, передышка вышла у людей. Петр даже смог службу собрать да разъяснить, кто они такие и что тут дальше будет, немного успокоив народ – пока что им все было непонятно, а как с орденцами эти воины расправились – они видели. Ночь в замке прошла спокойно, а в городе – были у стражи небольшие стычки, но вчерашний запал прошел, кто попроще – уже добрался до спиртного и гулял во всю ширь ревельской души, кто поумнее – наоборот, затаился с награбленным в прошлую ночь. Были и люди, уплывшие к вечеру в море на некоем малом кораблике – добыча из дома Янсена оказалась такой, как и ожидалось, и договоренность Торгаша с некоторыми людьми из наиболее организованной части преступности Ревеля была соблюдена...

На следующее утро стража, с помощью более-менее сколоченных малых отрядов горожан, пошла на зачистку трущоб. И к обеду – продвинулась хорошо, по сути, освободив весь порт, лишь небольшой квартал лачуг остался, самое дно, где засели самые отмороженные. Там пока вновь поставили оцепление, потому как надо было уже разбираться с теми людьми, что пойманы были при продвижении стражи. Но тут по городу прошел новый слух, пробежали гонцы, и руководство стражников спешно оттянулось к ратуше. Там уже собрались кое-кто из советников, кого успели позвать, и был сам бургомистр. Еще через какое-то время на ратушную площадь по улице, ведущей с востока, неспешно выехали полтора десятка всадников, в броне, с оружием. У всех бросались в глаза светлые повязки на рукавах, с каким-то красным знаком, первым ехал молодец в богатой одежде, с цепью на груди и перстнями на пальцах, а за ним второй всадник вез развевающееся красное знамя...

...Отправка десятка Петра запустила и механизм дальнейших действий. Народ собрался и через день буквально – выдвинулся ближе к Ревелю, на северную засеку, в ожидании гонцов из города. Вообще, когда и Пимен в Ревеле обустроился и слать оттуда донесения начал, и Гридины разведчики про окрестности больше узнали, выяснилось, что устройство засеки оказалось перестраховкой – силы Ордена на севере объективно были небольшими (если не считать Нарвы), а та самая схватка на тракте проредила как раз наиболее активных ревельских рыцарей и орденских бойцов, те, кто остались, были больше по торговым и хозяйственным делам (туда такие и подбирались, кто понимает, в большой портовый город). Но – разбирать засеку, разумеется, не стали, мало ли, для них в то время, когда весь отряд был занят угрозой с юга, и десяток орденцев опасен был... Теперь же князь, Гридя, Степан и Семен собрались в деревушке возле этой засеки, дожидаясь гонцов, и провели тут те несколько дней, пока Петр с Торгашом завершали подготовку и начали дело. Ну, а потом пошли гонцы, состоялся маскарад (с подачи Гриды) в орденских накидках, и – прибежал еще один посланник, что – пора переходить к одной из последних частей этого затянувшегося действия.

Опасность для князя, конечно, была. Та самая «единственная стрела», например... Поэтому тут и доспехи все надели (было, из чего выбирать уже), и коней взяли получше, и ехали сторожко. Но – ничего такого не произошло. На ратушной площади было громко огла-

шено, что «фюрст Иоанн» прибыл с миром, а Ливонский орден город покинул, но всадники, не спешиваясь, лишь обменявшись вежливыми приветствиями с бургомистром, проследовали к замку. Там, возле настежь открытых ворот, их встречал более-менее прилично одетый и умытый отряд Петра, выстроенный в линию, и малое красное знамя над воротами. Разумеется, на последнем этапе подготовки, когда знамя вешали да ворота открывали, их видели горожане, начавшие появляться на улицах после ужасов позапрошлой ночи. Так что слух этот облетел Ревель моментально, и сконцентрировалось это любопытство у городских советников, которые подступились к ван Баарену, явно что-то знавшему. Но тот, сославшись на свои прежние слова, что для города он на все пойдет, пока отмалчивался на тему того, что это за люди, и почему они в замке, и куда орденцы делись, обещая все рассказать после переговоров, куда через пару часов где-то и отбыл, мудро подождав, пока князь со своими до замка доедет, и какое-то время они там проведут, умывшись да отдохнув с дороги. Непривычный цвет знамени и его вид несколько напугали горожан, а кое-кто, внимательно относившийся к слухам этой зимы, начал кое о чем догадываться. Но стража, которой сообщили в этот раз почти все, не беспокоилась (хотя трущобы зачищать сегодня не стала, сконцентрировавшись в богатой части города и возле ратуши), и очередная волна слухов пошла по городу, сплетаясь при этом уже в совершенно фантастический клубок. Все ждали возвращения бургомистра...

Вторые серьезные переговоры прошли как-то спокойнее и... привычнее, что ли. В одном из залов замка, с уже убранной атрибутикой Ливонского ордена, был накрыт стол. Запасы вполне позволили организовать богатое угощение, да и с прислугой Петр за это время окончательно разобрался. Ван Баарену подтвердил князь, что у них все прошло, как и задумано было, и поинтересовался... успехами бургомистра за это время. Тот тоже уточнил, что вышло... приемлемо, хоть и не без некоторого перебора со стороны низов города. Бывший тут же Торгаш предложил помощь своих людей страже, при окончательной зачистке городского дна, на что было получено согласие. Ну, а дальше договорились не торопиться, бургомистр должен был постепенно готовить членов городского совета к новым реалиям, заодно подбирая кандидатов на опустевшие места. Тот самый список имен, кстати, не весь... закончился, но ван Баарен просил пока не предпринимать никаких действий, на что получил уже от князя согласие.

Договорились, что постоянным представителем от Ордена Красного знамени в магистрате будет Пимен, а старшим в замке пока останется Петр, и, когда все нужные люди в городе будут подготовлены, пройдет некая официальная встреча, на которой и будут все вещи названы своими именами, и все точки расставлены окончательно. Князь оговорил, что вмешиваться в решения городских властей не собирается, но... с правом «вето». Только личным, то есть сам прибудет, если что, и будет обсуждать с бургомистром и городскими властями такой важный вопрос, по которому они разойдутся во мнениях... А еще князь обещал прислать своего эконома и казначея Федора, как только у того найдется время – весна, он ездит по деревням, бургомистр должен понимать, что сейчас как раз сеют то зерно, что осенью ему продадут... Ганзеец намек понял, а еще – получил от князя письмо старца, в котором тот раскрывал предложения для Ганзы, о которых только упомянул тогда, чуть подробнее, оставляя на усмотрение ван Баарена – когда и с какими пояснениями передавать их в Любек, или куда там у них сейчас положено. Вопросы веры (а конкретней, судьбы городских и окрестных сельских священников, да монастырей, что на этих землях от Ливонского ордена назначены были) отложили пока... В общем, договорились, и бургомистр отбыл в ратушу, согласовав, что люди от Торгаша подойдут завтра с рассветом.

Ну, а уже для своих в замке устроили небольшой пир. Там сперва Петр рассказал, как тут все прошло, а потом уже все помаленьку добавляли. Сравнивали с Озерском, князь все допытывал, чем захват отличался. Но Петр, упомянув Торгаша, нашедшего способ ворота открыть, все же сказал, что тут проще было. Орденцев меньше, не такие бойцы, не ожидали того в своем городе, а их-то воины, уже орлы! Приноровились уже и к бомбам, и к ухваткам новым, а в

Озерске-то у самих первый раз был. И людей Торгаша похвалил, на зачистке хороши оказались, ну да, специфика прежней деятельности... Погибших помянули, а Пимен, после упоминания Петра, еще раз указал на заслуги Торгаша – немного горячась (выпито было, сегодня было можно), он поведал всем, что он-то тут лицом в ресторации торговал, да пиво пил с торговцами, а вот Торгаш – по трущобам, среди отребья всякого, а вышло-то вон оно как. Выслушали его, не перебивая, сам Торгаш немного смутился даже, а вот потом... Князь, в том же зале, торжественно встав в наступившей всеобщей тишине, своим поставленным голосом объявил, что награждается Торгаш, он же Сергей, большим знаком их Ордена за все, в Ревеле сделанное, боевым, в золоте, а за прежние дела его он уже был отмечен малым знаком, в серебре, и ныне он, князь, первого дважды награжденного рад поздравить!

Вот тут Торгаша пробрало до крепкого румянца все же. Про малый знак ему передали, но чтобы вот так... Князь прикрепил ему оба знака, и с мечом, и с кинжалом, и дальше праздник пошел уже совсем по-домашнему. Смеялись, вспоминали разные моменты, правда, даже подвыпивший Торгаш про дела свои с низами ревельскими особо много не говорил, ну, оно и понятно было... Хорошо отметили. На следующее утро, не рано, но задолго до полудня, князь уехал, так же торжественно и неторопливо, со знаменем, проведя перестановку в рядах. Всех разведчиков и часть бойцов Черного забрали, для них были другие задания, оставив, впрочем, в итоге перестановок почти два десятка в крепости (считая и Пимена, и Торгаша, и ревельцев его). Городская стража их проезду никак не препятствовала, а горожане, посмотрев снова на процессию, пошли обсуждать новые слухи, уже близкие к правде – ван Баарен начал потихоньку работу...

Трущобы были зачищены еще за пару дней, постепенно. Два притона сожгли вообще, из наловленных людей кое-кого вздернули, а вообще город потерял за всю эту замятню десятка три честных горожан (не считая орденцев), да в два раза больше – из низов, правда, там особо никто не разбирался, ворье это, или просто под руку не вовремя попались, да и не считал... Погибших орденцев и своих Петр схоронил в замковой огаде, раздельно, конечно, вспомнив про Михайлу – таблички-то с крестами некому было сделать... Но – нашелся резчик, привели из города люди Торгаша, и появились и кресты, и таблички в малой замковой церкви, да и вообще, буквально за неделю они постарались максимально установить все нужные связи между горожанами и новыми обитателями замка, по всем бытовым вопросам – от дров, до свежих продуктов, рыбы той же.

Пимен, как все успокоилось, сходил (с охраной, конечно, теперь только так, он теперь – важная персона, хоть то еще и не утверждено) к хозяину дома, где они жили, подвел черту, так сказать, забрал остатки своих вещей (и слил еще немного информации о них, как они хотели), да кухарку ту нашел и пригласил уже в замке кашеварить – кухня у орденцев была все же специфическая, в основном постная, а теперь все ограничения у них сняты были, да и оставлять только старую орденскую прислугу они не собирались. Женщина согласилась, конечно, и все ее ближайшие походы на рынок в новом статусе превращались в сборище кумушек, от которых расходилась видимая прямо невооруженным глазом волна сплетен... А еще – в той слободе, где русские жили, Пимен тоже побывал, и переговорил там кое с кем, дав некие задания, да кликнув клич для молодежи, может, захочет кто иному Ордену послужить. Петр каждый день встречался с бургомистром, а вскоре тот стал по одному приводить в замок и советников городских, пока так, угоститься-познакомиться, но и о серьезном разговорах заводили, а там и события, идущие своим чередом в других местах, им известны стали...

...Тех ивангородских воинов, что отправили в качестве гонцов Телепнев с Еропкиным, после пары дней отдыха тогда отправили обратно. Князь написал для воеводы Иван-города (а теперь и Нарвы) короткую грамоту о последних событиях здесь, а еще – сообщил, сколько, по последним сведениям от Петра и Гриди, у орденцев на севере народу по городам да усадьбам. Ну, и о своих планах кое-что. Мужики понимали, что обратный путь у них опять пойдет по

грязи, но – куда деваться... Дали им и коней, и припасов, и сопровождение, которое должно было провести их по своим землям, на всякий случай. И – очень угадали с этим, так как опять по уши грязные ивангородцы с парой бойцов князя столкнулись с неожиданными встречными уже возле старого рубежа, возле реки Нарвы, где решали, перебираться ли им на ее правый, русский, берег, или ехать по левому до самой нарвской крепости – врагов-то тут не должно было остаться. Дорога по левому берегу была, орденцы по ней ездили, но ее никто из них не знал, а еще дело было в половодье, только чуть на спад пошедшем, да в болотах и разливах, что здесь тоже во многих местах были. Дорога же по правому берегу, от Гдова, была известна. А еще можно было дожидаться кого-то на самой реке и попроситься в попутчики.

Так вот, выехав на берег той малой речки, по льду которой уходил зимой в Ливонию отряд князя (и по которой они сами сюда добирались), гонцы встретились с небольшой лодьей, на которой было всего пятеро человек, явно находящихся в затруднении. До драки дело не дошло, так как не ожидавшие такой встречи люди с обеих сторон при оклике использовали русский матерный, что позволило сразу же обозначиться, как своим, и дальнейшие переговоры прошли хоть и с опаской, но проще. Выяснилась важная вещь: на лодье из Пскова везли именно для князя Ивана некий груз, но вот путь единственному сопровождавшему рассказали то ли с ошибкой, то ли сам он перепутал что, и команда лодьи третий день тыкалась по ручьям и мелким речкам – левым притокам Нарвы, которых в этой местности было немало. Что за груз, парень-сопровождающий (нескладный паренек лет 16, лопоухий и веснушчатый) рассказать и показать наотрез отказывался, но имя Дмитрия назвал. Ну, после этого бойцы отряда махом раскрутили его – бомбы или огненные стрелы?! Ждут! Ждут в Озерске! – и парень, сообразив, что, похоже, это те люди и есть, кому он передать должен, как-то расслабился, и уже спокойнее рассказал, что послал его сам Дмитрий из Пскова, он – пока подмастерье, а дорогу ему мастер Федот обсказал, что бывал здесь, да зимой только, а сам мастер и вообще все мастера ушли с войском на Дерпт...

Парня и корабельщиков о новостях теперь расспрашивали уже все, но и ответных вопросов (узнав, что перед ними – ивангородцы, занявшие Нарву, и воины того самого князя, что пол-Ливонии за зиму захватил) было много... Впрочем, договорились быстро. Псковичей уговорили довести гонцов до Нарвы (тем более, тут оставалось-то немного, верст сорок, да и по течению). Короба, весь десяток плотно упакованных, от воды, были совместно выгружены на сухой берег, и один из княжских людей поскакал обратно в деревню – хоть и по грязи, но вывозить их дальше надо было на телеге уже, да не на одной, а на двух. Второй остался с подмастерьем, назвавшимся Серьгой, вроде охраны. Корабельщики с ивангородцами отчалили, и по дороге до крепостей успели еще послушаться рассказов о работе тех самых «огненных стрел», что они, оказывается, везли. А на следующий день на место стоянки были пригнаны две телеги – боец хоть и с руганью, но выбил на ближайших выселках их, клятвенно пообещав, что не надолго – весна...

Больше недели пробивалась эта троица обратно до Озерска. Лошадей им, конечно, меняли в деревнях, кормили-поили, но – протащить втроем две телеги по дорогам в это время... Хорошо еще, что кораба с ракетами были объемными, но не слишком тяжелыми, а то бы пришлось все же ждать, пока дороги просохнут. Но и так, князь с руководством их Ордена уже вернулись из Ревеля, и находились в отличном настроении, а по отряду и деревням расходилась весть, что у них теперь ДВА замка, и город, считай, почти под ними, когда приехал один из тех гонцов. Его и на воротах не узнали сразу, хотя общую тревогу из-за одного всадника поднимать не стали, конечно. Увидели его еще от переправы через Пярну – через брод на коне (и дальше по берегу их озера) можно было перейти, аккуратно и осторожно, а с телегами – пока нет, вот он и приехал за подмогой. Узнали все же бойца, и то, что у них шесть десятков ракет лежат за переправой, вызвало новый взрыв восторга. Из деревни пригнали пару долбленок, и ценный груз был бережно переправлен, перегружен на подогнанные новые телеги и

доставлен в замок, короба протерты от грязи и сложены в пороховой башне. А князь – обнял и расцеловал всех троих, хоть и грязнющими и худющими, а еще – уставшими в хлам они сейчас были, и попахивало от них, а потом, когда тех все же повели в баню, с чувством сказал сказал среди своих:

– Вот дал бы орденские знаки всем, но... не могу придумать такого, за что давать. Все же знаки, они у нас такие, ну... боевые или за иное...

Народ понимающе закивал, а Седов, теперь очень хорошо представлявший, что такое сейчас местные дороги, и вспоминая во время рассказа о том, как бойцы сюда добирались, старые советские фильмы – «Отряд особого назначения», «Обратной дороги нет», «Хлеб, золото, наган», все же рискнул подойти и нашептать князю кое-что на ухо... Тот, хмыкнув, прищурился, видно было, что идея ему понравилась, и – на следующее утро после завтрака все бойцы, что были в замке, были выстроены во дворе. Вынесли знамя, и князь, своим княжеским голосом для особых случаев, сказал речь, в которой проникновенно, с понятными всем местным подробностями, описал, как два бойца из их отряда и один пскович доставили к ним в самую распутицу груз стрел огненных, которыми и они орденцев жгли уже, и сама Нарва взята была, позволяя тем самым на дальнейшие победы отряду идти.

– Нет у меня награды за все, сделанное ими – понизив голос, подытожил князь (в слова его вслушивались все бойцы, включая тех двоих, Серьга этот, все прочие обитатели замка...) – да все же отблагодарить мы их можем! Объявляю я им свою благодарность здесь, перед строем и знаменем нашим, да нынче же в летопись Ордена будет внесена запись о том! А сейчас – тоекратная... им... слава!

И строй бойцов, подхватив, три раза гаркнул: «Слава! Слава! Слава!», смутив бойцов и вогнав Серьгу в краску. Ну, а когда потом Ефим вызвал их в башню, и в зале прямо при них, уточнив крестильные имена да прозвища, вписывал запись, благодарили бойцы за такое – и наоборот – благодарили все их. Кстати, не прошло недельное барахтанье в грязи для них бесследно, и баня даже не помогла, но Милана, на заметку их взявшая, не дала кашлю во что-то опасное превратиться, и за три дня отпоила их до здорового состояния. А у князя вечером того же дня, когда их славили, на обычных вечерних посиделках в башне спросили – что же, раз ракеты привезли, и он сегодня разговор заводил, дальше пойдем, значит?... А... когда и куда?...

– Пойдем – согласился князь – но... позже. Пока же иное нам надо... Вот уж как гонцы до ивангородцев доберутся, да там решатся – несколько скрытно закончил он.

8

Надо сказать, что у Седова после того, как Петр с десятком бойцов уехал в Ревель, началось какое-то странное настроение. Почему-то часто стало хотеться побыть одному, уйти в начавший зеленеть лес, тем более, что уже не только трава на влажных участках почвы полезла вовсю, но и листья на кустах и деревьях начали распускаться, постепенно раскрашивая окрестные леса во все оттенки ярко-зеленого. И вряд ли дело было только в весне. Еще с зимы, когда они устроились в замке после его захвата, и более-менее установился распорядок дня, он нашел время не только осмотреть окрестности с верхушки башни (что и продолжал делать, кстати, все же вид на озеро и окрестности был красивый), но и обойти ближнюю местность, не забывая, конечно, об осторожности. Очень быстро выяснилось, что тут для пеших прогулок мест совсем мало, если не сказать, что нет вообще. Остров, на котором стоял сам замок, был совсем небольшим, и на нем ничего не было, кроме орденских построек. С перекрестка у главных ворот можно было пойти на скотный двор (налево), к церкви (направо) или в деревню (прямо). Николай Федорович прошелся везде, но... на скотном дворе люди работали, в деревне или на постоялом дворе, что был ближе к тракту, он все время чувствовал себя под прицелом множества любопытных глаз... За церковью, если идти по берегу озера, были землянки чудинок... Если пройти налево вдоль канала, что соединял их озеро с речкой, можно было дойти и до

реки – было недалеко, но... берег ее, конечно, не был никак обустроен и для прогулок тоже не подходил. Можно было, пройдя мимо скотного двора, свернуть через мостик на южный берег озера, где шла дорога, по которой они пришли в замок – но там было голое поле, точнее, луговина, и делать было тоже нечего.

Единственным пригодным для прогулок местом оказалось... кладбище. Точнее, не оно само, конечно, а кусок старого, в основном соснового леса, на краю которого оно и располагалось. Пройти туда можно было мимо церкви, но не по берегу озера, а несколько вглубь. В этом леске было мало снега, что позволяло прогуливаться там довольно спокойно, а зелень сосен радовала глаз и... напоминала про дом. На этих прогулках он, привыкший за последнее время в 21 веке к более уединенному образу жизни, немного отдыхал от людей в замке, от дыма, от напряжения... А еще – знакомился с местным лесом. И лес этот оказался для него совершенно новым. Нет, у него под Рязанью тоже были сосны в два-три обхвата. Но тут попадались совершенно необъятные великаны, часто искореженные, с обломанными ветками (каждая из которых сама была со ствол старого дерева) или со следами от молний. Некоторых из них он даже не узнавал сперва – так вышло с одним исполином, совершенно черный ствол которого примерно на два человеческих роста был затянут серо-зеленым мхом. А оказалось это дерево... старой березой, Седову с трудом удалось разглядеть в вышине белые ветки... А еще тут местами были упавшие стволы, и становилось совершенно ясно, почему так петляли здешние лесные дороги – представьте себе ствол, высотой метров пятьдесят, обхватов в пять, да с ветвями, рухнувший от старости поперек проезда в пару метров шириной... Тут и бензопилы не помогли бы, даже если бы и были. А еще были кусты, непроходимые ельники, многолетние заросли малины и ежевики... Нет, здешние леса заставляли себя уважать, считаться с ними и строить планы с их учетом. Вспоминались многие старые книги, в которых было описано именно вот такое вот, и теперь Николай Федорович увидел это воочию.

Эти его прогулки не остались незамеченными, да он и докладывался дневальному на воротах замка, куда пошел, если что. Руководство отряда, пару раз поинтересовавшись, куда он ходит и нет ли у старца в чем нужды, разъяснения о прогулках по старым привычкам, еще со... своего времени получило и удовлетворилось, не то вышло у деревенских. Они его, конечно, видели, и по своему любопытству тоже пытались понять смысл его обхода окрестностей без всякой видимой цели. Слегка насторожило деревню, когда старец стал чаще за кладбище уходить. Прямо за ним не следили, опасались, но потом-то пойти и по следам глянуть мог каждый... В общем, когда уже и суд над орденцами прошел, и сельчане уже немного привыкли к отряду, и пару собраний с лекциями в церкви провели – все же народное любопытство подтолкнуло общественность, та поставила на острие, как всегда, старосту, и Якоб, сам поняв за это время, что со старцем можно нормально поговорить, как-то задал вопрос при удобном случае об этих прогулках.

Седову трудно было однозначно ответить сразу, и он немного рассказал старосте о том, что у них там, в будущих временах, природу (леса вот эти, поля, озера с реками, все живое в них, зверюшек, птичек) любят и стараются ценить – потому как многое за века было истреблено, а живет-то народ там в основном в городах, где все из камня, а деревья те же в тех городах – в особых местах только, парках да скверах... Вот и он, по старой привычке, хоть и жил последние годы там почти в таком же сосняке, что за кладбищем, старается по лесу пройтись, да и воздух там почище, и вообще... Якоб покивал (картинки про каменные города он видел), но в итоге по деревне разошелся слух, далекий от реальности – что там, в будущих временах, вернулись частично к старым богам, что в лесах, озерах да болотах жили, но не полностью, а через христианство (крест Николая Федоровича уже широко известен был), соединив обычаи старых друидов с новой религией. Это было воспринято деревенскими без сомнений, тем более, что тут в тему оказались и чудишки (как известно, болотные ведьмы), с которыми старец возился, и кровь, орденцами на этой земле пролитая, и к ним нынче вернувшаяся... Пара

сельских специалистов, отследив его походы в лес, сообщили, что выбирает старец самые старые, мощные деревья, да обходит их посолонь (а это показатель доброго друида, кто понимает), обрядов никаких не проводит, кровавых жертв, как злые друиды, не приносит, а если какие наговоры и читает – то по следам не понять, и вообще, лучше старцу в это время не мешать. Добрый-то он вроде добрый, но мало ли...

Николай Федорович об этих слухах и не узнал, потом – настали метели, и все походы в лес пришлось прекратить. После метелей он сунулся было по старой тропинке, им же натопанной, точнее – где она была, но – не прошел, завяз, лишь от церкви отойдя, от тропки той ничего в снегах и не осталось. Потом снег начал таять, тоже совершенно не давая выйти на прогулку, да и события тут довольно значительные пошли. В период их поездки в Ревель в лесах была каша с мокрым снегом, а потом пошла грязь, и только после того, как вслед за Петром в город уехал и князь с народом, окрестности подсохли настолько, что хоть и в сапогах и не везде, но стало можно прогуливаться. Деревенские же число потерь в отряде, увеличившееся за период «черной полосы», объясняли тем, что нет у старца доступа в лес, за силой, вот он и не может с теми мелкими духами договориться, да своих вылечить, как раньше (сказались и лекции его о чистоте, и Милана, о которой уже и по деревне стало известно, что со старцем она живет – травница да друид, самое дело им вместе). Саму же Милану он в такие прогулки не звал – та была в делах днем, и чудинок учила, да и раненые почти всегда на ее попечении бывали, особенно после последней большой битвы у южной засеки. Но в мечтах, что скоро лето, он хотел и ее с собой рядом на этих прогулках видеть, конечно...

А еще после отъезда князя почти со всем руководством мало народа осталось в замке, и стало там совсем тихо и спокойно. Федор так и мотался по деревням. Малх почти перестал доставать Седова, совершенно спевшись с Ефимом, и был принят в замке за своего настолько, что у князя даже появилась насчет него одна мысль, на будущее. В последнее время с ними в основном сидел и Грек, которому князь, и отругав, и наградив за его выход до Дерпта, запретил участвовать в событиях в Ревеле. Как оказалось, там он был известен не так, как Торгаш (как мелкий торговец, почти не нарушающий законов, ну... почти, да), а как довольно заметная фигура теневого бизнеса, говоря словами 21 века, и мог испортить всю задумку. Вот в Риге, чьим горожанином Грек числился, у него была хорошая репутация, и Петр с князем имели на это виды, но – это сильно потом, так что Грек сидел в замке, лишь из донесений гонцов узнавая, как там дела у Торгаша с Пименом. В общем, Николаю Федоровичу дел пока особых не было, можно было гулять дольше и спокойней, но он не пропадал по лесам, конечно.

И вот на одной из таких прогулок Седов совершенно внезапно для самого себя осознал, что он... устал. От всего. Выяснилось это очень просто – прошло какое-то... озарение, и он поймал себя на том, что вот уже минут десять стоит на коленях и любит (с довольно идиотской улыбкой, как ему самому показалось) на несколько цветков мать-и-мачехи, попавшихся ему в одной совсем сырой, но, видимо, нагретой солнцем ложбинке. Такое умиление было ему совершенно не свойственно, и мозг, как будто специально дожидавшейся этого момента, выдал ему, что, похоже, психологические проблемы-то от его попадания в 16 век никуда не делись, а все копились и копились, и... надо что-то делать. Поднявшись и отряхнув штаны (вообще, синтетика рулила, достаточно было от земли потом мокрой тряпкой протереть, и все, а из всей химии, от которой можно было посадить несмываемые пятна, тут пока только его «бензин» и был), Николай Федорович пошел дальше по лесу, но сегодня не любовался его жизнью, а, наоборот, погрузился в раздумья.

Первым, если вспомнить, к 16 веку приспособился его желудок. Ну да – есть надо каждый день, и хочешь – не хочешь... Малое количество привычных приправ (зато – другие, типичные для этого времени травы в еде) и недостаток соли организм принял довольно быстро и легко. Сами блюда отличались не сильно, разве что были попроще, но для желудка это было без разницы – всего пара случаев была за все время, когда он... активно протестовал, да и то,

Седов подозревал, что все же это было из-за антисанитарии, ведь только здесь, в замке, они с Миланой и Магдой смогли устроить (и заставить всех соблюдать!) приемлемую чистоту.

Привычки тела и вообще режим дня он тоже поменял легко. Пока было холодное время года, и его термуха, и прочая одежда и обувь были ему привычны и удобны, да и местная верхняя одежда не раздражала, а короткие дни и длинные ночи позволяли выспаться, перекрывая встряску организма от новых впечатлений (особенно в первое время). Возможно, летом будет иначе – местные вроде как привыкли использовать светлое время суток более насыщенно, и события к лету у них планируются важные, да и переодеваться придется в местное же – в куртке со свитером уже не походишь, но здесь Николай Федорович чувствовал себя пока нормально и надеялся, что сил хватит.

А вот психика... Несмотря на установленные близкие контакты (и с князем и другими рязанцами, и с псковичами, и с местными ливонцами, и – особенно – с Миланой), все же все это время уши его слышали не родную русскую речь, а языки 16 века, что современный русский, что немецкий. Глаза его видели декорации для съемок фильма о средневековье (правда, отдыхая на привычных картинах природы), и были эти декорации в основном мрачноватыми. Мозги напрягала и постоянная опасность от Ливонского ордена, и неизвестность, когда (по обычным для 16 века условиям) для уточнения сведений нельзя было позвонить или просто залезть в телефон, а надо было ждать гонца на лошади... День, другой... неделю... Потери хорошо знакомых (пусть и не ставших по-настоящему близкими) людей во время «черной полосы»... Чудинки эти, в конце концов... И, похоже, какая-то часть его так и не смогла смириться с этим и все еще ждала возврата к прежней жизни, хотя умом он вполне понимал, что этого уже не случится. Эти противоречия, видимо, копились, копились, и вот – оформились.

«Хорошо, что так – подумал Седов, припоминая вроде бы мелкие вспышки своего раздражения или плохое настроение в последнее время, по мелочам – а могло бы и в истерику вылиться, не дай бог, или в какой скандал...». Похоже, именно здесь и лежали корни его желания уединиться от людей в последнее время, вот этих прогулок по окрестностям... Если информационный голод его сразу был переключен с телевизора и интернета на живое общение и более подробное погружение в реалии 16 века, то с речью, отсутствием чтения и банальным недостатком ярких красок в окружающем мире он ничего сделать и не смог бы. И весенне-разнотравье с листочками и первыми цветами стало сразу и ключевым моментом для понимания проблемы, и тем лечением, которое было теперь уже срочно нужно.

На обратном пути в замок, в таком же неспешном темпе, мозг, получивший нормально сформулированную проблему, заработал над ее решением на полную. Результатами этих размышлений стало подведение некоторых промежуточных итогов: если с новостями и вообще информацией в ближайшее время (да и все лето точно) проблем не будет, за разнообразие окружающей цветовой гаммы взялась природа (и у нее получится!), то с речью, кроме него самого, никто ему помочь не сможет. И значит, надо начинать экспериментальный учебный класс. Светка, Петька и Янек-Ваня.

Собственно, именно на Ване (как его звали на скотном дворе все), как первом ученике, он и решил опробовать свои... методики преподавания, Светку рекомендовала Милана, с которой он планами все же делился (ночная кукушка, кто понимает), тем более, у девчонки уже было знание счета, чтения и письма – от самой травницы, а Петька... За несколько месяцев, проведенных с отрядом, он не только отъелся (и был теперь нормально одет, кстати), но и познакомился со всеми бойцами, получил основы знаний у каждого десятка (и кони, и бомбы, и пушки, и разведка – все ему нравилось), даже Петр иногда поручал ему задания, а главное – все же смог повзрослеть, пряча теперь свою неугомонность, когда это надо было. То ли время его пришло, то ли смерти знакомых бойцов так повлияли... В бои его, конечно, никто не брал, и в дозоры тоже, но вот среди тех мальчишек, что вместо гонцов у них были – был он однозначно главным, хоть и без какого-то, говоря словами из будущего, оформления. Лютой меч-

той у этой группы была повязка с красным знаменем, как у бойцов, а пока они с гордостью носили просто белые.

Седов нашел время плотно пообщаться с ним в один из приездов Федора (которого Петька сопровождал, как переводчик и гонец под рукой) в замок на короткий отдых и помывку, (и к Магде, но мы этого не говорили), и к перспективе письму и чтению обучиться тот отнесся с восторгом. Ну, и князь, которому (после возвращения того из Ревеля) старче доложил, что того же Ваню учить он хочет не одного, а вот, троих пока, и на этом опробует сам – получится ли у него ребятишек местных наукам обучать, о чем они еще когда говорили, добро дал. Маловато оставалось у них бумаги, Ефим разговор уже заводил, что надо бы прикупить, но на первое время собирался Седов обойтись ящиком с песком да берестой. Единственное, что он не мог пока решить – когда обучение начинать. Другие дела, гораздо более важные для всех них, продолжались.

...Вышло так, что к воеводе Ивангородскому (и Нарвскому!) важные донесения нынче приходили по воде, а последние два так и вообще – оба в один день. Сперва по реке спустилась малая псковская лодья с гонцами и грамотой от князя Ивана, которых они сами же отправляли к нему. Много важного там было написано, и он с полковниками да сотниками, и теми людьми, что за карты у него отвечали, потратил несколько дней на усвоение этой информации и прикидки того, как это использовать, в случае чего. А потом, после того, как они помаленьку начали обустраиваться в крепости, в один день с моря пришла большая лодья (ее привел с вестями Рыжий Дан), а из Пскова, тоже по реке – государев гонец. Про первую хвалебную грамоту князя Василия мы упоминали, а с моря...

...Малые лодьи после захвата Нарвы постоянно числом не меньше четырех ходили в дозор возле побережья, верст на 20 к западу отклоняясь, а остальные начали развозить пленных орденцев на назначенные им места, да одну воевода держал под рукой, для переправы (хотя тут были и обычные лодки, конечно) или еще на какой случай. Дан, после переброски войск под Нарвой рванувший в море, как десяток лет сбросил – был весел, шутил много, ну, а уж как орать начинал... Надо сказать, что перехватили они за все время патрулирования всего три малые лайбы с грузами для Нарвы (зерно, в основном) – после того заметили их, что-то поняли, видать, и больше к Нарве никто не совался. Так что стало там скучновато, но возить пленных он не хотел тем более.

И вот – на очередном выходе прямо на их корабли вышла по ветру рыбацкая лодка, парусная, прошедшая почти под берегом. Там были двое рыбаков, но ни сетей при них не было, ни улова, а оказались они русскими, православными, из Ревеля, и спросили, кто тут будет бешеный Дан – у них к нему послание. Перехватила их первой другая лодья, но до Дана сопровождали все, собравшись в кучу – всем было интересно. Там старший из рыбаков (а были это отец с сыном, как выяснилось), определив по виду, кто Дан и есть (похоже – хорошо описали его им), сообщили тому, что власть в Ревеле поменялась, и приезжал какой-то чужой князь, а орденцы ушли, и в замке главным сейчас некий Петр, из псковичей вроде как, а при нем Пимен, и вот он-то и передал послание... На лодьях, когда разобрались, что за князь и Петр, долго радостно орали (лодья-то все псковские были, и народ теперь знал подробности того, что за зиму произошло), а рыбак нашептал еще кое-что Дану, от чего тот стал серьезен. Рыбаков отпустили, конечно, и те пошлепали обратно, так же, под берегом, а Дан собрался в Нарву, на доклад. Вернулись и остальные – выходило, что от Ревеля опасности теперь никакой не было, и надо было решать, сколько людей в дозоре оставлять, и куда остальных направить.

Так что весть о том, что в Ревеле власть, похоже, уже переменялась, пришла воеводе одновременно с грамотой от князя Московского. Радостный от государевых похвал воевода как-то невзначай удивился, что быстро у рязанского князя вышло, но тут почитал другие указы от государя и – задумался... Полковники, что при официальном чтении грамоты (вто-

ром, сперва, понятно, он сам все перечел, да не один раз) у него же сидели, выслушали заодно и от Дана доклад. Весть была добрая, но воевода сомневался:

–Значит, точно говоришь тебе этот... Пимен передал?

–Точно, воевода – уверенно и спокойно (что для него сложнее было) отвечал Дан – верное слово мне передали, что новая власть в Ревеле, и рязанский князь там нынче. А Пимен – побратим мой, и слова его верные.

Воевода и полковники не были псковичами, поэтому про Дана-то слышали, кто больше, кто меньше, а про его второго кормщика Пимена – уже нет, и оттого имелось у них некое недоверие... Но – кормщика отпустили (тот еще отпросился в Псков сбегать), и стали разбирать вторую часть грамоты, не хвалебную уже. Там как раз говорилось, чтоб восстанавливали крепость, чем на месте смогут, слали ему перечень, что есть и что иного нужно, а он на то добро даст. Орденцев пленных – всех отослать, как раньше говорено было, много получилось, но ничего, малых острогов на Онеге да на Ладого полно, а вот еще одно дело...

Писал государь, чтобы воевода отправил один полк из своих, на свое же усмотрение, какой, да полусотню конницы при нем (но без пушек) по побережью, а до того – списался с князем Рязанским Иваном, потому как полк этот должен пойти по Ливонии хоть и сам, но в связке с людьми того князя. Припасы ему обеспечат они же, а надо будет полку – выжечь орденские усадьбы, где стрелами теми огненными, где так, а где можно – захватить, и для того в переговоры вступать им тоже можно, но бойцов своих при том беречь, и иметь в виду, что земли те отойдут не Москве, а князю тому, потому и людишек местных особо не трогать. Орденцев же, что живыми захвачены будут, отправлять в полон, как и тех, что в Нарве захвачены были. Сложное было дело, невиданное, и воевода с полковниками долго обсуждали, как это так выходит.

Тут снова пришлась к месту и карта от князя, и его же записка, с перечнем усадеб да замков орденских и числом бойцов при них, выходило – вполне возможно, и даже с условиями государевыми тоже. Но... непривычно было, пока кто-то не вспомнил, что было с самого начала этой всей истории, как князь тот со своими людьми в Ливонию заходил (а сам-то он и верно оказался князем Рязанским!), что говорил, да как вели себя люди его. Дело было, похоже... божеское, да про старца уже разные шепотки пошли, что, может, и правда он... оттуда. А еще, раз уж начали, не могли не упомянуть, что стрелы эти (и бомбы) придумал то ли как раз старец при князе том, то ли кто из людей князя, и Еропкин с Телепневым (как-то они сейчас там, на юге, воюют?...) о том же говорили. Получалось, что договорились они заранее? Или государь так... отдаривается, за подарок такой (здесь все понимали, что без этих ракет они бы посад, может, и пограбили, но от крепости ушли, как пришли)? Впрочем, указание беречь людей, а буде орденцы упрямятся будут – усадьбы их просто сжигать, всем по сердцу пришлось. А местных людишек трогать... Ну, города еще одно, но в деревнях-то орденских живут бедно, им тут, на рубеже, это было хорошо известно. Стали решать, кого отправить. И – тут полковник второго полка вызвался сам. Попросился только кое-кого из своих все же оставить (да раненых, что после Нарвы не вылечились еще, понятное дело), раз такой переход длинный ожидается и про конец его у государя что-то ничего не написано... На том и порешили.

А дело было в том, что полковник получил из Пскова, от своего нового друга, добрый совет. Сотник псковской стражи стал за последнее время хорошо разбираться (вынужденно, но все же) и в событиях (псковские набольшие без него в последнее время важных дел не обсуждали), и в планах государевых, что озвучивались для всех, и что – от Еропкина, Телепнева, да гонцов московских – сам слышал, да и для гонцов тех государь повелел во Пскове как раз сделать такое, чтобы у них и место свое было в крепости, и лошади, и все, что нужно. Князь Василий совершенно здраво рассудил, что о событиях в Ливонии ему теперь нужно будет побыстрее узнавать (и свои указания туда слать), и Псков здесь был самым разумным местом для размещения того, что в 21 веке назвали бы хабом – и для движения на север, к Нарве, и на

запад – к Юрьеву. И по воде, и посуху. Так вот, проскакивало все же в рассуждениях этих да оговорках слово «Рига». Он и намекнул полковнику, что, похоже, государь нацелен туда. Ну, а уж с картой от князя сообразить, куда потом полк этот направят, если земли под орденцами на всем севере Ливонии остались полосой вдоль побережья, да и бойцов на них не сказать, чтобы совсем не было, но – мало, откровенно мало, после Нарвы-то, а по югу Ливонии – псковские полки уже идут?

Ну, и через седмицу где-то немного убавившийся полк ушел на закат. Сотни четыре все же набралось. Дороги подсохли уже, да и вообще погоды установились солнечные и теплые, для весны – совсем даже неплохие, так что вышли бойцы споро и с удовольствием. С конниками в передовом дозоре, малым обозом и... двумя всадниками, что прислал к ним князь Иван (Гридины бойцы были), которые должны были показывать дороги к орденским усадьбам, выводить пополнения запасов к ним, и вообще подсказывать, как тут что. Именно об этом говорил князь, когда дожидался реакции государя Московского на захват Нарвы. Ну, а от Озерска через частично разобрannую северную засеку на тракте в это же время ушло почти полтора десятка всадников под командой Степана навстречу им – несколько малых орденских усадеб можно было и такой силой почистить, да и проверить не мешало слухи, что многие орденцы и правда сбежали.

Продвижение полка до Везенберга заняло около седмицы, и из важного за это время была пара больших сел при дороге. При их приближении, если и оставался там кто еще из орденцев – исчезали, и полковник имел дело со старостами. Те, хоть и лучше многих знали, как оно там, в Нарве-то, все было (потому что были к ней ближайшими соседями), и мялись перед русскими испуганно, все же главное могли пояснить – что нету орденцев. И припасов на продажу, правда, тоже говорили, что нету, опасаясь – а ну, как кивнет своим этот... полковник, да пойдут грабить?... Но нет, пока хватало своих запасов, а люди от князя обещали, что возле Везенберга будет еще, и полк продолжал движение. Бойцы втянулись, а первые орденцы были замечены уже почти возле Везенберга на шестой день.

В этом небольшом замке, после зимнего пожара, во время которого хорошо погорели деревянные постройки, но сама крепость и ее запасы особо не пострадали, ситуация была... сложная. Отсутствие комтура, этот ночной пожар в связке со слухами, потери людей в нем от того пожара (а они были), потери разведчиков, ушедших за ту засеку и не вернувшихся... Нет, орденцы не закрылись в замке от всех. Но людей больше никуда не посылали, да и было-то у них немного воинов, как везде тут, на севере Ливонии. Чуть успокоившиеся за метели люди получили после их окончания новый всплеск всяких слухов – когда гонцы от феллинского кастеляна ехали до Нарвы, они и сюда заезжали, конечно, а вести с юга тоже были... не очень. Но все же жизнь в замке шла почти обычным порядком. Кое-что даже успели отремонтировать, из сгоревшего.

А потом была Нарва. И немногие орденские конники, вырвавшиеся из захваченного города без припасов, без всего... И вторая волна, совсем небольшая – люди, которые убрались из города уже после того, как увидели ночной пожар в крепости... Орденцы в Везенберге разделились на три части. Одна тихо исчезла вместе с беглецами из Нарвы (никто из них не захотел остаться в замке дольше, чем на одну ночь). Вторая считала, что все это, конечно, печально, но руководство Ордена разберется, и сделает, что надо, ну, а они, как прикажут, на то они и клятву давали. А третья... третья понимала, чем это пахнет и к чему все идет, но... молчала. Пока. При этом, конечно, все текущие дела они делали, дозоры (теперь всего парные) верст на десять по сторонам рассылали, со своими малыми усадьбами (было их при Везенберге, если брать только земли с этой стороны засеки, три) связь поддерживали. Пришло время пахоты и сева – и хозяйственники здешнего гарнизона (а они меньше всего пострадали, по понятным причинам) стали организовывать крестьян на работы, как всегда. А вот тут пошли проблемы...

Разумеется, первой всегда пахалась (и косилась, и зерно с нее первым обмолачивалось, и вообще все нужные работы проводились) орденская земля. Весна – самое голодное время на селе, и многие сидели уже без запасов (совсем или почти), а тут работы... Так было всегда, но вот в этом году то, что у ливонцев все же было довольно частое обновление из купленных или захваченных в других местах селян, и те слухи, что разошлись этой зимой и не были забыты, да и вести от Нарвы – все это картину поменяло... Народ знал, что бывает по-иному, и знал, что вот тут, почти рядом, такие же сельчане, как они, уже не холопы вроде как, а орденцев – вообще судили, ну, тех, которых сразу не перебили... На подавление этих еще даже не бунтов, а вспышек возмущения, сил, конечно, хватало. Да пока просто совать в морду деревенским стали чаще орденцы, делов-то. Но – в один далеко не прекрасный день пара дозорных, выехавших с утра, вернулась в замок на рысях еще до полудня, встретив на дороге чужих всадников, много...

Поднялась некоторая суматоха, народ в замке и посаде при нем забегал туда-сюда, но через некоторое время все бойцы ордена в замке все же собрались, вооружились, заняли нужные места (кто на стенах, кто где) и... стали ждать. Недолго – со стен замка, как обычно, стоящего на холме, было видно, как из дальнего леска, перекрывавшего дорогу на восток, сперва появляются конники, а за ними – и довольно длинная змея пехоты. Рыцари, что наблюдали эту картину, помрачнели, хотя, когда за пешими вышел из того же леска обоз, и был он небольшим и вроде как без пушек, настроение их несколько улучшилось. Надо сказать, что в последнюю большую войну с московитами, которая добралась лет двадцать назад и до этих краев, ни Везенберг, ни тем более Нарва не были захвачены, хотя окрестности тогда были почищены русскими знатно. Можно было надеяться, что так оно обойдется и сейчас, да и грабить-то по весне в селах особо нечего (а свои запасы они собрали в замке), но... падение той же Нарвы, да еще и со странным пожаром, слухи эти... поводов для оптимизма было мало.

Русские, не торопясь, подтягивались к посаду. Выехавшие вперед их конники без особой опаски проехали по основной дороге, что шла примерно по направлению восток-запад, до перекрестка, где эта дорога соединялась с выходящей из холмов дорогой на Дерпт (сейчас перекрытой в лесу засеками), там они разделились – часть поехала дальше, как видно, в дозор, основные силы стали сворачивать к посаду. Хоть и не сравнить эту дорогу было с трактом от Ревеля до Дерпта, но место было бойкое, да и перекресток, и постоянный двор, что стоял при нем, был довольно большим. Похоже, именно там остановится руководство этих русских – орденцам со стен, хоть и без подробностей, было видно, что возле отворота на посад войска тоже начали притормаживать и разделяться – часть осталась там же, а около сотни выдвинулось в поселение.

За эти несколько дней похода у полка выработались некоторые приемы: если конники постоянно отъезжали по всем боковым дорожным ответвлениям, то из числа пеших воинов на каждый день назначалась сотня, в обязанности которой входило проверять найденные всадниками деревни, усадьбы или иные места. Бойцы этой сотни, понятно, уставали больше других, но – сотни каждый день менялись, так что выходило пока терпимо. Правда, если до того надо было проверять две малые орденские усадьбы (из которых орденцы сбежали при их приближении), де несколько деревень, где тоже обошлось пока без кровопролития, то нынче дело было другое...

Примерно через полчаса, когда войска московитов как-то пристроились в селе, к ответвлению дороги, ведущему к воротам замка, двинулся с десяток всадников. Если взглянуть на карту, то замок стоял на одном из нескольких холмов, неровной цепочкой вытянувшихся с запада на восток. К югу холмы становились выше и... гуще, крайние (на одном из которых и стоял сам замок) были пониже, а дальше на север, к побережью, начинались в основном равнины. Поэтому и посад при замке, расположенный уже на ровном месте, был побольше, чем в том же Вейсенштайне-Озерске, и в стороны раскинулся пошире – тут было больше пахот-

ной земли, и, соответственно, больше землепашцев. Так вот, дорога, ведущая на юг, ныряла в холмы недалеко от замка, а к замку из посада вело небольшое ответвление, в конце проложенное по склону замкового же холма петлей с одним поворотом. Один из подъехавших всадников помахал ветками, и, убедившись, что их не собираются обстреливать из замка, из группы выделилась троица, поднявшаяся по этой дороге на расстояние слышимости. Один из троих, на плохом германском представившись сотником второго наревского полка, сообщил, что по велению князя Московского они возвращают себе эти земли, и всем орденцам предлагается сдаться, с сохранением жизни.

Хоть и не было в замке сейчас никого из тех воинов, что воевали с русскими двадцать лет назад, но выглядело это даже для этих дикарей как-то... неуважительно и нагло. Один из молодых оруженосцев уже собирался что-то резкое в ответ проорать, но был вовремя перехвачен своим рыцарем.

–Мы не будем сдавать замок – коротко ответил старший из рыцарей.

–Воля ваша – ответил наглый посланец – значит, будет, как в Нарве – и русские... просто уехали обратно, заставив орденцев на стене тревожно переглядываться. Когда лишних зевак со стены разогнали по своим местам, к старшему из четырех оставшихся в Везенберге рыцарей подошел тот, на котором были... контакты с осведомителями среди крестьян, скажем так.

–Я только сейчас понял – негромко сказал он – сегодня, по тревоге, никто из села не бежал в замок. И, вроде как, пока мы ворота не закрыли, даже кто-то из слуг, наоборот, выскочил наружу...

–Они что-то знают? Что говорили тебе... эти? – старший махнул рукой на посад.

–Все те же слухи. Про отмену рабства, про огонь божий с неба... (никто из деревенских не рискнул доложить рыцарям про полученное описание суда над орденцами в Вейсенштейне, дураков не нашлось).

–Нарва – задумчиво сказал старший – что же там было...

–Обоз у них совсем небольшой – отозвался второй.

–Да, это не пушки – согласился с ним собеседник – поставим к вечеру двойные дозоры на стенах, пожалуй...

Оба не хотели вспоминать, как к ним зимой с неба слетело... что-то огненное, и они ничего тогда не смогли сделать, и не нашли никаких следов после – кто и как это сделал. Если такое повторится...

До сумерек вглядывались наблюдатели со стен. Увидели столб дыма, начавший подниматься в том месте, где была одна из ближних усадеб, а больше... ничего. Московиты в посаде не делали ничего, что могло бы говорить о подготовке к штурму замка. Они, правда, установили рогатки на дороге от его ворот, да вроде как отправили конный дозор еще и на дорогу вглубь холмов. Видно было, что в посаде московитское начальство собирало крестьян, и что-то им говорило, а их воины при этом не шарились по домам и не таскали крестьянок по сараям, а вполне спокойно устраивались, похоже, на ночлег. Это немного снизило уровень опаски у орденцев, но лишь немного... Двойные дозоры были выставлены, зажжено множество факелов, сами рыцари тоже пока не ложились спать, но – в посаде с темнотой установилась и тишина, хотя несколько факелов (дозоры, похоже), перемещавшихся по его улицам, было из замка видно. Так прошло часа два, три, и эта тишина нарушилась свистом и ревом, который орденцы Везенберга помнили еще с зимы...

...Самым редко бывающим в Озерске подразделением отряда были однозначно разведчики Гриди. Даже мыться в банях они предпочитали в деревнях, поближе к нынешним рубежам их земель, где им и приходилось проводить все свое время. Да и в самые метели они ходили в лыжные дозоры по лесам, хоть и меньше. А в схватках участвовали как бы не чаще остальных, особенно в «черную полосу», и потери несли... Эта ситуация поменялась только в распутицу, когда остатки их зимних лыжных троп дотаивали по лесам, а непролазная грязь,

талые воды и разливы всех рек и ручьев пока не давали установить новые, летние тропы. Тогда у них случилось что-то вроде отпуска 21 века, когда они и в замке побывали, и новости узнали, и смогли отдохнуть. Но длилось это недолго, и чуть земля стала подсыхать – они снова разошлись по окраинам их пока малых земель. В этот период, после битвы у южной засеки и до самой смены власти в Ревеле, стычек у разведчиков с орденцами, считай, и не было, кроме одной.

Когда они еще зимой решили брать под контроль зимник по реке Пярну, его отдали как раз разведчикам – всадники Степана были заняты на дрогах, да и неудобно было по часто петляющему руслу, где видимость ограничена берегами, в дозоры ездить – могли подловить на любом повороте. Разведчикам тоже было неудобно, и они сделали по-другому – натоптали лыжню по правому берегу реки, срезая часть ее поворотов, так что дозорный путь получился даже короче. После половодья, понятно, все это тоже растаяло, но местность-то им стала уже более-менее известна, и новую тропку они проложили так же – по правому берегу, срезая изгибы реки. Не без проблем (были там и топкие места, и впадающие с этой стороны малые речки и ручейки), но сделали. И вот, один из дозоров, вернувшийся как-то с этого направления, добрался все же до замка и рассказал о своей стычке, похоже, с какими-то другими орденцами.

А вышло, по их словам, так – идя парой по своей тропе, они верстах в 20 от моста возле замка (то есть уже почти в конце своего дозора) услышали с реки шум. Пярну, хоть и с внешней водой, была довольно медленной и тихой речкой, да и звук по воде разносится хорошо, и бойцы, удвоив осторожность, засели на берегу. Вскоре снизу по течению, из-за поворота, на веслах и на шестах выбрались четыре лодки (не малые долбленки, а дощаники, по словам разведчиков), с явными воинами. Дождавшись, пока они подплывут поближе, бойцы разглядели, что тех около двух дюжин («больше двух десятков, но меньше трех»), это точно орденцы, при оружии, и что-то надо делать – или бежать своих предупредить, потому как продвигались лодки довольно медленно, или... Они решили «или». Немного поменяв место, разведчики засели в кустах поближе к небольшому обрыву, пропустили лодки мимо себя, и закинули в последние две по одной бомбе, которые так и входили в комплект снаряжения разведки на выходы. По их словам, в одной лодке почти весь народ в воду то ли попадал, то ли попрыгал, в другой – всего один упал наружу, остальные там остались. Но – скорее всего, целые, оглушенные только, да и были они, по словам бойцов, в коже, а кое-кто в кольчугах. Пока вытаскивали упавших (а вода-то еще ледяная), пока лодки сносило вниз – бойцы успели из своих малых самострелов еще по три-четыре болта выпустить, и вроде как попадали, место удобное выбрали, но – лодки, в итоге, ушли обратно по течению, и уточнить, всех ли вытащили и сколько побито, они не смогли, конечно.

В итоге на общем обсуждении было решено, что это, скорее всего, ответка из Пярну, где они зимой тоже и наследили, и пожгли, и слухи распускали, особенно с учетом упоминания лодок-дощаников. Были лодки из досок сейчас дорогими, в деревнях плавали на долбленках, и сразу четыре штуки могли позволить себе или купцы, или Орден, который, кстати, вполне возможно – на этих лодках летом сюда и плавал! Спросили у Якоба – тот подтвердил, что да, бывало и такое, но лодки какие на вид были – сам он не вспомнил, да и разведчики не лодки там разглядывали. Бойцов отправили обратно, похвалив, но... ничего не сказали о наградах. Седов потом аккуратно поинтересовался у Гриди – не обидно ли ему за своих. Тот вопросу сперва удивился, потом даже немного оскорбился:

–Я, старче, всех этих людей сам отбирал, и не за знаки мы тут... воюем.

Николай Федорович пояснил, что он не обидеть хотел ребят, а уточнить – вот сейчас они молодцы оказались, справились, а если бы нет, и не пришла бы эта пара с дозора, что тогда? ... У них по зиме двое конных пропали, и с концами... Гридя посопел недовольно, но все же в ближайшее же время обсудил это с князем и Семеном. Решили, что если особая опаска будет – будут пускать третьего человека отдельно, позади, или сбоку, как уж получится, и Гридя

снова умотал по всем южным их точкам, где все же была основная опасность, накручивать своим хвосты... А вообще, разведчики снова пропали из замка, наработывая теперь уже летние маршруты. Одним из таких маршрутов стал проход, позволяющий провести выючного коня от первой усадьбы Ордена, захваченной ими, к Везенбергу мимо засек. Как им подсказали местные, можно было и по болотам обойти, и по холмам, но по болотам – только в сушь, а не весной, как сейчас, когда там, наоборот – везде вода поднялась. А вот через холмы прошли два разведчика, из тех, что до того с ракетами дело имели (третьего, увы, уже в живых не было), да Серьга с ними, и пронесли на лошадках две дюжины ракет. А там, устроившись в лесу подальше от замка, послали одного из них к дороге, ждать бойцов подступающего нарвского полка, и именно за ними и за грузом их уехал тот дозор, что мимо замка в холмы ушел...

9

Что разведчики, что (особенно) этот мелкий Серьга полковнику сперва не глянулись, но эмоции свои он сдержал, да и парень подтвердил, что он из тех самых псковских мастеров, а разведчики споро собрали направляющую и выбрали место для запуска. Раньше-то они с одного из соседних холмов запускали, почти на пределе дальности, сейчас такой необходимости не было. Была наготове и конница, и пешая полусотня, если все хорошо пойдет, и пяток охотников подговорили разведчики, чтобы под шумок к крепости поближе подойти, а повезет – так и на стену залезть. Пока все это приготовили, о знаках договорились, да посчитали, сколько ракет запускать и с какими перерывами – время и пришло. Так что хорошо освещенная факелами орденцев стена замка стала отличным ориентиром. Полковник и сотники, по темноте подошедшие к тому месту, где устроили пусковую, заметно волновались – нескладный и лопоухий парень доверия не вызывал, да и теперь уже им самим, а не ивангородскому воеводе, предстояло командовать в таком деле. А вот Гридины бойцы – нет, потому как они по просьбе князя еще в замке... проверили, скажем так, этого Серьгу, и тренировку небольшую провели, и так поспрашивали, и – довольны остались. Правда, князь после этого наказал им присматривать за пацаном, побережь, если что, а то все же какой-то он... С учетом того, что и первый набор псковских наемников, и второй – обошелся без молодняка, они князя поняли, и обещали приглядеть.

Но чего нельзя было проверить тренировками, так это того, что у парня оказался отличный глазомер, и поправки – как направляющую повернуть, поднять или опустить, он прикидывал тоже на глаз, быстро и точно. Серьга делал запуски по две ракеты, после чего – менял прицел. Так он выпустил десяток, причем все попали внутрь замка, с разбросом, и сейчас там начинали разгораться вновь отремонтированные строения и крыши стенной галереи (почему в Везенберге почти не использовали черепицу, только на башнях – непонятно, но роль это сыграло, пожалуй, решающую). Обождав минут двадцать, он выпустил еще пару ракет, с прицелом попасть в центр, на замковый двор, а после... залихватски свистнул. Из замка, кроме шума разгорающегося пожара, стали слышны крики, большая часть факелов, горевших до того на стенах, была снесена взрывами – но сейчас подсветка была от огня внутри... А свист был сигналом для разведчиков. Они, подбежав по темноте с противоположной от посада стороны под самую стену, закинули веревку с кошкой и поднялись наверх, сперва один, потом второй. Пятерка их помощников ждала внизу, держа наготове мешки с бомбами (их воевода полку дал, а вот ракеты зажал, оставил в Нарве) и самострелами... Но – не понадобилось. Оба разведчика чуть не спрыгнули обратно вниз и рванули к посаду бегом, успев шепнуть своим помощникам – ворота открывают, похоже, на прорыв пойдут.

Они успели добежать до первых домов посада, уже не скрываясь, успели предупредить ждущих в темноте всадников, те зажгли факелы, и выдвинулись к спуску дороги с холма, а за ними уже подтягивалась пешая полусотня. Да и из прочих бойцов полка, разбуженных ревом огненных стрел, многие уже выскочили на улицу. Так что немногие конники Ордена, меньше десятка, да сколько-то пеших бойцов при них, вырвавшись из ворот, за которыми полыхало

уже всерьез, столкнулись с готовой к схватке силой. Разговора не вышло: раздалась команда «форвертс!», всадники набрали разгон с холма, получили встречный залп из самострелов, потом – короткую рубку при сшибке с конными, потом подоспела пехота... Пленных не брали – руководство с бойцами беседы провело. Но таких все же набралось, пятеро, все раненые – двое в этой свалке выжили, и троих оглушенных да обожженных вытащили из замка к воротам уходящие слуги, когда там уже начало полыхать совсем все. В полку было трое убитых, да двое раненых – орденцы взяли свою цену. Погибших оставили хоронить деревенским, им же всех раненых скопом оставили, под присмотр местного старосты.

Свои потом выжили все, орденцев – двое (нет, лечили одинаково, но ожоги...), всех пленных после этого скопом с местным священником (церковь стояла в селе, и жил он при ней) отправили сперва в Нарву, а затем – дальше на восток... Полк ушел от Везенберга на следующий же день, хоть и не с утра – смысла задерживаться тут не было, остатки деревянных конструкций в замке (которые никто не тушил, конечно – а как?) догорали еще пару дней. Деревенские потом смогли неплохо там пожить, поскольку то, что было в подвалы у орденцев сложено, пострадало мало. Сам замок восстанавливать не стали – позже, знакомясь со своими новыми владениями, приезжал сюда князь, речь говорил, но это уже другая история. А полк почти в таком же темпе пошел дальше, правда, теперь дежурная сотня разделилась на две полусотни, и тем приходилось чаще сворачивать с основной дороги – тут кусок местности от холмов до берега моря был чуть пошире, земли получше, поселения на них почаще... Но принципиальных отличий не было до самого Ревеля. Были, правда, два случая, которые при воспоминаниях о них заставляли полковника недовольно морщиться, но – всего два, да и то...

А дело было в монастырях. На карте от князя в этой части Ливонии было обозначено три монастыря (все орденские, разумеется), причем два из них были до Ревеля, и один – ближе к западному побережью. Разведчики от князя (после Везенберга их при полку осталось трое, тот... псковский парнишка, оказавшийся все же неплохим мастером огненных стрел, уехал обратно в холмы), как выяснилось, знали тут только основные дороги. Но – вывели полусотню к первому монастырю легко. Как потом полковнику доложили, местные крестьяне соседней с монастырем деревни, которые и обрабатывали монастырские земли, никак не мешали бойцам. После короткой потасовки на воротах, даже без крови (ну, кому-то из служек лицо помяли), помещения были спокойно захвачены, и все, находившиеся там, сперва собраны в одном месте, а после с конвоем выдвинуты сначала к основной дороге, по которой шли основные силы полка, а потом отправлены к Нарве. А к монастырю выдвинулась часть обоза, неплохо пополнившая монастырскими заготовками запасы полка. Обещанная князем провизия шла пока через тот же Везенберг, помалу, но разведчики обещали, что ближе к Ревелю со снабжением будет лучше, впрочем, пока хватало. Пришлось, по просьбе разведчиков, оставлять в монастыре еще тройку своих людей, до того, как князь направит сюда кого-то из своих.

Полковник сам увидел этих... монахов... только когда их привели к тракту, и они попытались высказать ему свои претензии, страдая, разумеется, карами всяческими небесными. Выглядели они вполне упитанными, да и одежды их, не успевшие запылиться за пол дня пути, были из хороших тканей, и рубище с власяницами не напоминали даже отдаленно. И вериг что-то заметно не было... Впрочем, та часть, что была явно служками, и одета была попроще, и руки имела рабочие. Полковник коротко ответил на выкрики, что не им, земли эти кровью большой захватившими, его упрекать, да сами они все ли заповеди соблюдают? И – велел побыстрее уводить их, тихо порадовавшись, что разбираться с этим будет воевода... Противное впечатление осталось.

Со вторым монастырем вышло иначе. Малый отряд, что с одним разведчиком поехал туда, вернулся как-то быстро. Не успел отправленный полусотник доложить полковнику, что... ничего не делали, как человек князя, пошептавшись со своими, тоже подошел доложиться.

–Давайте дальше пойдем – сказал он, и выглядел при этом как-то.. виновато? Сму-
щенно? – этих... не надо трогать. Пока.

–А что там? – нет, полковник был рад, меньше задержка в пути, меньше стычек и воз-
можных убитых и раненых своих бойцов – Святые нашлись? – больше в шутку спросил он.

Выяснилось, что не то, чтобы святые, но... Княжеские разведчики в любом селе или
деревне обязательно разговаривали с местными. Как знал полковник, они поясняли людям
новости, рассказывали про порядки, что на землях этих будут (да и он, кстати, первые дни
пути этим интересовался, для понимания), ну, и в свою очередь расспрашивали, чем каждое
поселение живет и дышит, так сказать (а еще – выискивали орденских доносчиков и прислуж-
ников, и находили). Верили им не сразу, конечно, но... слухи-то еще с зимы по этим землям
ходили. Люди князя повязки носили, с малым красным знаком своим, тоже помогало. А тут –
войско русское, но не грабят и не бьют, а... люди расспросы ведут, с обхождением... Так что
многое они узнавали, и пополняли карту (не все у них отмечено было, оказывается).

Так вот, жители деревеньки, что возле второго монастыря была, наоборот – очень хорошо
отзывались о местных монахах. Земли монастырские, конечно, они обрабатывали, но – монахи
и сами не гнушались простого труда, и имели при монастыре какой-то особенный огород и
малую кузню, лечили крестьян, еще как-то помогали... В общем, немного обескураженный
разведчик просил оставить пока этих монахов, как есть, а потом князь с ними сам разберется.
Поскольку угрожать полку они никак не могли (всех жильцов было там полтора десятка чело-
век от силы, полковник уточнил) – возражений не было, и полк двинулся дальше. А сам пол-
ковник еще раз про себя порадовался, что разбираться со всем этим ему не придется.

Ну, а где-то за три дня пути (по словам разведчиков) до Ревеля, передовой дозор встре-
тил группу вооруженных всадников. Изготовились к бою, но – у одного из них за спиной тре-
пыхался на пике малый красный значок, а о таком всю конницу предупреждали, да и подъ-
ехавший разведчик своих узнал, и княжеских воинов сопроводили к полковнику. Там они,
устроив для бойцов привал, примерно с час посидели над картами. Старший у княжых людей,
назвавшийся десятником Степаном, отметил на карте усадьбы и села, что они прошли и...
«почистили» – не особо много, но снова подмога получилась... А полковник, глядя, как те же
разведчики да вот Степан этот с картами обращаются, немного завидовал и прикидывал, как
бы из своих хотя бы десятников кого так подучить... Да и кое-какие ухватки у разведчиков
этих неплохо бы перенять, но это, видимо, ему тоже придется уже с князем их разговаривать.

Хоть и с некоторой помощью княжых людей меньше стало мест, куда надо было зайти,
но земли здесь пошли обжитые, и полк пришлось раздвигать уже по полусотням. Конники,
что ездили к морю, рассказали, что ровный до того берег, что тянулся почти прямой полосой
от самой Нарвы, резко забрал к северу, появились там мыса и заливы, и чаще пошли рыбацкие
деревушки. Всех их они, конечно, не смогли объехать, как и часть отдельных выселок ближе
к холмам, да и не нужно это было – орденцев там быть не могло, а все важное на карте было
обозначено. Скорость продвижения полка еще чуть замедлилась – больше времени стало тра-
титься для обхода деревень и усадеб. Но местность тут была в основном равнинная, главная
дорога, которой они придерживались, имела мосты (две малые реки им встретились, вот они
были с мостами, еще две-три – почти ручьи, и самих ручьев хватало), и идти бойцам было
легко. Но самое главное – стычек почти не было, а те, что были, проходили с таким преиму-
ществом полка, что сотники на вечерних докладах (они старались собирать сотни к вечеру
каждый день если не вместе, то поближе) про них упоминали совершенно обыденно. Среди
бойцов поговаривали, что странный у них поход, но – с некоторой, осторожной пока, радостью
– все были живы-здоровы, припасов хватало, погода – почти лето, а что еще нужно?...

Среди усадеб нашлась и первая брошенная, хозяин которой оказался уже благородным,
вроде как в Ревель убежавшим, по словам слуг. Полк у этого отсутствующего кое-что... поза-
имствовал, но так, для порядка, потому как сперва предупредили его люди князя, а на следу-

ющий день пришел к ним малый обоз, на трех телегах. Привез и рыбы, и свежатинки, а пришел он, как оказалось... из того самого Ревеля, где все это было набрано, как им сказали, из запасов этого нового Ордена или просто... куплено на местном рынке. Полковник удивился (а что, так можно было?), но от бойца, сопровождавшего обоз этот, он узнал, что будет к ним вскоре сам князь со старшими их Ордена, а до Ревеля – день пути всего. Нет, оно уже и по карте так выходило, но места всем были незнакомые, а доверять этим... рисункам полностью он пока не был готов. Полк его, и отвечать ему, дело такое, кто понимает.

Встреча прошла на следующий день еще до полудня. В этот раз полковник не стал разгонять бойцов далеко от главной дороги, оставив при себе две сотни, а приехавшие к ним всадники князя сегодня не стали разъезжаться с его конниками по боковым ответвлениям, как делали до того, а выдвинулись вперед вместе с дозором. И вскоре их заметили возвращающимися обратно в увеличившемся числе. При полковнике на всякий случай держался десяток охраны, но вблизи стало видно, что это те же люди, и добавился к ним всего пяток. Ну, а дальше они подъехали, вежливо поздоровались (пока как равные), договорились, что особой нужды вставать на привал прямо сейчас нет, на ближнем пути вперед (откуда князь приехал) тоже все чисто, и неспешным шагом, подстраиваясь под пеших бойцов, двинулись дальше, осторожно разглядывая друг друга.

Князь оказался на вид моложе, чем полковник ожидал, но в остальном – вполне... соответствующим, скажем так. Такие вещи в эти времена определялись влет, и воспитание, и разговор, и манеры, и одежда (хоть и сильно уже поношенная, но как раз княжеская) – наметанному глазу достаточно было десяти минут, чтобы определить социальный статус, как будут говорить в 20 веке. Князь совершенно не высказал никакого беспокойства при виде войска, и даже одобрение при виде справных бойцов мелькнуло в его глазах, как полковнику показалось. Да и выглядели его бойцы и правда хорошо – уже свыкшиеся с темпом марша, подобранные животы (которых, понятно, не было, но все же), бодрые (ну, а что, поход пока всем нравился), с загорелыми мордами... Спутники его, представленные как воевода Семен, известный ему от разведчиков их начальник Гридя и Петр, названный главой внутренней стражи Ордена Красного знамени (а малое знамя при них было, и верно, красное), тоже выглядели... именно соответствующе, да. Воевода тоже в основном присматривался к воинам полковника и берег руку (это было заметно опытному бойцу), Гридя, что по лицу было видно – из татар, сразу поотстал, и его сейчас окружали его разведчики, переговариваясь о чем-то, Петр этот, что единственный был постарше, производил впечатление того еще волчары – и по цепкому взгляду, и по повадкам, и вообще... Они пока перебрасывались немногими словами – о дороге, о погоде, о припасах, договорившись серьезно переговорить на обеденном привале.

Полковник князю тоже глянулся. Матерый, видно, но не заостеневший еще, как иные седобородые воеводы. Да и видел он уже их новинки в деле, что в Нарве, что в Везенберге этом, сумел понять, похоже, чем это может обернуться в будущем. Бойцов держит в строгости, но судя по их виду – зря не гоняет, да и от разведчиков передавали, что по уму все пока что делает... Ну, а чего он сам хочет – вскоре представится возможность узнать... На обеденный привал бойцы остановились в небольшом леске с преобладанием сосен. Расположились в тени, что под пригревающим солнцем не лишним было, бойцы быстро поставили малый шатер полковника, где они вчетвером (Степан со своими, встретив князя, снова умотал на боковые дороги) и расположились. Перекусили наскоро, и князь в немногих словах, без подробностей, рассказал полковнику, что у них происходило с момента отправки им последней грамоты к нарвскому воеводе – про смену власти в Ревеле и предварительные договоренности с ганзейцами, точнее, пока с одним, что остался в городе бургмистром, не уточняя, как та смена происходила. Полковнику рассказывать было почти нечего, он лишь передал, каково было послание от государя, да подтвердил, что дошли они до этих мест почти что без потерь (благодаря их карте, кстати, за что отдельное спасибо), и готовы так же идти и дальше, хотя,

конечно, остановка полку на три-четыре дня бы не помешала – и постираться-помыться пора бы, да и отдохнуть, перерыв в походе сделать. Или какие у князя задумки?...

Задумки оказались интересными. Хотел князь, чтобы полк поучаствовал... ну, обманом это назвать было все же нельзя, в некоем представлении, что ли, для ревельцев. Но – включающем в себя и стоянку для бойцов, на те же дня три, и некие действия для полковника (и сотников его) – требовалось показать группу опытных военачальников с русских земель в самом городе, но не с прямой военной угрозой, а... дипломатического характера, скажем так. Князь раскрыл и подробности – дело было простое, в сущности, и полковник согласился с удовольствием, оценив задумку. Немного затянувшийся привал закончили, и маленькая делегация князя уехала вперед, договорившись, куда слать гонцов, если что, а полк выдвинулся вслед не торопясь – полковник разослал весть по отдельным полусотням, что нынче снова надо собираться всем вместе, и они подтягивались до вечера к главной дороге.

А на следующее утро был дан приказ всем почиститься, более-менее построиться, и полк, растянувшись, чтобы особо не пылить на задних, выдвинулся в путь. Предместья Ревеля показались после полудня. Их встретила пара всадников от князя, и отвела ближе к городу, но правее, почти к морю, где они и встали на каком-то пустыре возле ближнего жилья, но в сам город пока не заходя. Самые остроглазые из бойцов углядели в посадке впереди маковку небольшой церквушки, похоже, православной, и среди воинов прокатилась волна разговоров – что же будет (простым бойцам всю задумку не раскрывали, конечно)? Ждать почти не пришлось – не успели сотни по команде сотников еще раз ровно выстроиться, как от центра города показалась некая процессия...

...Конечно, в переписке двух князей, рязанского и московского, не были подробно описаны их планы. Всего никогда нельзя предусмотреть, да и всегда были (и есть) такие вещи, которые не пишут в грамотах и письмах, а доверяют или самым надежным гонцам, или уж вообще – обсуждают только на личных встречах, без свидетелей, журналистов, переводчиков и галстуков... Поэтому князь Иван, получив от гонцов весть о захвате Нарвы, выждал некоторое время – сколько, по его прикидкам, должны были ехать гонцы от радостного воеводы до Москвы и обратно – и отправил в Нарву чуть загодя пару человек Гриди, карту с последними, самыми актуальными данными по орденцам (и разведчики, и люди в Ревеле времени зря не теряли, интересуясь в том числе и этим), и еще одно короткое послание от себя.

Как оказалось, государь Московский примерно в рамках их договоренностей в своей грамоте в Нарву и отписался. Выделил, правда, целый полк, чего не ожидалось, но с другой стороны – потери при захвате крепости были небольшие (о чем ему воевода сообщить должен был, конечно), и врагами у Руси на побережье Балтики только орденцы и остались, так что и в его интересах было полностью очистить от них эти земли. Была вероятность, что захочет Москва к рукам прибрать и прочие ливонские земли, и потому князь Иван и молчал пока, почти никому не раскрывая своих планов, но... не стал князь Василий того делать. Можно было вздохнуть спокойнее. Ну, а после, получая уже с небольшой задержкой вести, как продвигаются люди полковника второго наревского полка по побережью, князь и сам выдвинулся туда. Надо было ставить точку в Ревеле, фиксируя статусы – его и свой, говоря словами 21 века.

Тем более, что на других направлениях было пока тихо. Дозорным, что ходили вдоль Пярну, стали выдавать аж по три бомбы, подстелили соломки, дозорные Ордена на юге близко к ним по тракту теперь не появлялись – разведчики, с некоторым риском уйдя дальше, чем они обычно ходили, принесли весть, что только верстах в тридцати от южной засеки теперь их можно встретить. Князь не знал, чем вызван такой отход, и долго ли это продлится, но время это надо было использовать по полной. Почти все раненые в последней схватке у засеки вернулись в строй, и, хотя сейчас в Ревеле боевых действий не предполагалось, отряд был готов ко всему. Князь решил еще раз съездить в город, пока так же, без официальнойщины – пусть горожане привыкают, что он и другие бойцы Ордена Красного знамени в городе... ну, пока

не свои, конечно, но и не враги. В Ревеле надо было еще кое-что обсудить с бургомистром, узнать, какие новые сведения раздобыли Петр с Торгашом, и... приодеться.

На это обратил внимание Пимен еще в первый приезд князя, сразу после захвата крепости. Уже после переговоров с ван Баареном, на следующий день после пирушки, он аккуратно высказался князю в том смысле, что вот его когда они сюда отправляли – советовали сразу одежду на местную поменять, а раз вскоре будут переговоры с верхушкой Ревеля, представление членам городского совета и народу – то и князю, и людям его (ближним соратникам, тому же Петру, по крайней мере) надо выглядеть соответственно. Замечание было верное. Поизносились они за зиму. Одежда своевременно латалась и стиралась, конечно (это сейчас в замке было устроено хорошо, Магда и отправленные в замок чужинки обеспечили непрерывную работу замковой мыльни, превращенной после постройки бани в прачечную), но для парадных выходов была уже, пожалуй, непригодна. Одни из вечерних посиделок в башне, которые так и проводились, конечно, среди тех из руководства, кто был в Озерске, а не в разъездах, посветили обсуждению этого.

Как показалось Седову, все даже рады были сменить тему с привычного уже обсуждения схваток, расстановки сил, дозоров и прочей... войны – на что-то глубоко мирное, и даже приятное. Решено было особо не шиковать, но одеть все руководство Ордена в новое и богатое. Рассказы старца про военную форму будущего не забыли, но однообразно одеть всех своих воинов... до этого было еще далеко. Впрочем, как раз среди бойцов недостатка в одежде не было. Трофеев от орденцев накопилось большое количество, а использование их в это время чем-то зазорным не считалось, тем более, эту верхнюю одежду все равно после стирки приходилось перешивать (швы-то ручные, да и иглы с нитками пока были такими, что разобрать три драных кафтана и сшить один заново было чуть ли не проще, чем починить любой из трех, как было). С нательным тоже пока не было проблем, в общем, бабы и девки в замке и с этим справлялись. Но сшить что-то новое, сразу на несколько человек, из дорогих тканей – они бы не смогли, это было понятно всем. Пимен предал восточку, что из живущих в городе портных только одному можно такое дело доверить, и он с ним предварительно переговорил.

Князь в эту поездку собрал много народу – кроме него самого, ехали и Семен, и Гридя, и Ефим, и старче, заранее передали Степану, чтоб вернулся в Ревель (он недавно выехал со своими на зачистку малых орденских усадеб)... Только Черный, что сторожил юг, да Федор, все мотающийся по селам, в этот раз не попали в свиту князя. Дороги подсохли за это время хорошо, и Николай Федорович поспевал за остальными всадниками с некоторым трудом, но – справился. А когда они проезжали по городу, он отметил, что стражи городской особо не видно на улицах, а вот у ратуши снова произошла недолгая остановка и взаимные приветствия с бургомистром. Народу при нем было мало – похоже, ван Баарен сам начал какие-то игры, несколько ограничивая доступ к информации некоторым членам городского совета. Кстати, увидев старца, тот обрадовался, похоже, по письму, где Седов расписывал кое-что из будущего, у него были вопросы... Город на вид был вполне в порядке, правда, в паре мест они проезжали мимо обгоревших руин домов – последствия тех ночей еще не были убраны... Ну, а в замке, где их радостно встретили свои, и вообще все хорошо было.

Пока они умывались, пока собрали обед – Николай Федорович уточнил, какой у них намечается график. Выяснилось, что никто жестко время не согласовывал, ждали их приезда, и сейчас к портному пошлют посыльного, может, и сегодня примет, нет – так завтра. Светлое время суток уже хорошо прибавилось, так что, действительно, можно было и сегодня, как и оказалось – вернувшийся посыльный сказал, что мастер будет их ждать через пару часов, которые князь потратил на разговор о новостях с Петром и Торгашом, а остальные их слушали и отдыхали после поездки. Серьезных новостей не было, разве что – отправили один небольшой обоз с провизией подходящему полку, но было важное уточнение на будущее – Петр приставил людей Торгаша присматривать за орденскими складами в порту (теми самыми, что они

поджигали зимой, да толком не сожгли, как выяснилось – были они в разных местах, а кое-где даже каменными). Как оказалось, и бургомистр своих же людей для того же раньше поставил, но обошлось без стычек или драк – просто надо было эту проблему как-то решить. Похоже, были запасы-то еще в этих складах... И еще выяснилось, что не совсем понятно, чьи те башни и готовые части новых стен, что в городе помимо старого замка есть – то ли они считались собственностью города, то ли – Ливонского ордена. Это тоже надо было уточнить, а так – все было хорошо. Народ в замке потихоньку налаживал контакты с городом, Пимен возобновил ненадолго прерванные старые знакомства, приглашая людей теперь в замок (и знакомя их с Петром). Ван Баарен также несколько раз заезжал кое с кем из магистрата, в общем, процесс пошел, как говорил один деятель...

К портному они выехали верхами. Жил он не так далеко, в центре, как большинство торговцев и мастеров, работающих для богатой верхушки, и их группа ехала шагом, с интересом осматриваясь по пути. Глазели и на них – руководство их Ордена само не носило приметных белых повязок с красным знаком (как-то с самого начала так сложилось – в отряде их и так все знали), но все горожане понимали, что никем другим всадники, выехавшие из сменившей хозяев крепости, быть не могут. Участок, где стоял дом мастера Лео (как его представил Петр, поехавший с ними) оказался с улицы небольшим, но вытянутым вглубь. Хоть и предупрежденный, слуга, что открыл им ворота, посматривал с некоторой опаской (они были не в доспехах, конечно, но кое-что из оружия все же прихватили). Конюшня, что у мастера была, явно не смогла бы вместить всех, и коней после небольшой заминки оставили во дворе под присмотром сопровождавших воинов (охрана была, разумеется), а сами выдвинулись к боковому крыльцу, куда повел их тот же слуга. Сразу за слугой шел князь, а уже за ним – плотной кучкой все остальные, когда дверь распахнулась, и на невысокое, по колено где-то, крыльцо, выскочила...

Девчонка. Седов в Ревеле еще совершенно не ориентировался, знал, что море на севере, а крепость – на юго-западе города, и все. Поэтому сказать, куда выходит двор портного, он бы не смог, но солнце его сейчас освещало, и выскочившую девчонку им всем было видно хорошо. А вот она, похоже, их как-то умудрилась не заметить, выскочила на крыльцо с закрытыми глазами, что ли? Или ее как раз солнце ослепило? И уже на крыльце она прокрутилась вокруг себя еще раза три, взмахивая руками и счастливо приговаривая что-то на неизвестном Николаю Федоровичу языке. И тут, остановившись и открыв глаза (точно, зажмурившись была), она увидела всего в нескольких шагах перед собой толпу вооруженных мужиков, глядящих на нее, и замерла, сказав лишь «о!», и так и оставив открытым рот и не опустив до конца руки. Была она... лет пятнадцати максимум, как прикинул Николай Федорович. Может, и меньше. Настоящая блондинка (из-под чего-то типа капюшона свисали белые пряди), с голубыми глазами, невысокая и, пожалуй, худощавая, она кого-то напомнила ему своим простоватым лицом, чьи черты, будь еще попроще (и лицо не с белой кожей, а загорелым), могли бы вообще принадлежать какой-то крестьянке. Но это была явно не крестьянка, ее одежды, когда-то шоколадного (а сейчас заметно выгоревшего) цвета, даже им определялись как дорогие. И обувь, вроде, тоже... Народ хмыкал от такого представления, девчонка, опустив руки, залилась краской, как помидор, и тут на крыльцо вышли еще две женщины, постарше... И вот глядя на них, Николай Федорович моментально вспомнил, кого девчонка ему напоминает. Блондинку из АББА! А дело было в том, что женщины, вышедшие вслед за ней, были рыжими, с довольно мелко завитыми кудрями, да и лица их, чье сходство сразу бросалось в глаза (мать и дочь явно), были более вытянутыми, с довольно длинными носами (у девчонки был аккуратненький). И вот это сочетание рыжих кудрей с длинным носом и блонды с простоватым лицом и вытащило из памяти старца давно забытые, казалось бы, клипы...

Старшая из женщин, увидев столько мужчин с оружием, заметно встревожилась, и даже оглянулась на двери, из которых вышло два... похоже, их слуги, тоже всех увидавшие и сразу схватившиеся за рукояти кинжалов. Спутники князя насторожились, тоже оглядываясь...

–Ане!... – прошипела тем временем молодая рыжая, силой утаскивая так и тормозящую блондинку к себе за спину.

Тут выскочил еще на шаг вперед слуга портного, что вел их, и принялся что-то сбивчиво объяснять, опять на непонятном Седову языке, но явно успокаивающее. И сразу же на крыльцо, теперь полностью занятое народом, протиснулся сзади, из дома, невысокий человек с заметной лысиной, как оказалось, сам мастер, и буквально в три минуты инцидент был улажен. Хотя и было это против всяких правил, но прямо тут, у крыльца, были представлены «фюрст Иоанн» и «фрау Сесилия с дочерьми Маргаретой и Ане». Успокоившаяся вроде бы старшая рыжая – фрау Сесилия (дама, как стало видно, в возрасте) – теперь уже внимательно разглядывала князя и его спутников, дочерей отодвинули назад, прикрыв слугами, и они с князем даже сказали друг другу пару приличествующих случаю извинительных фраз на немецком. В задних рядах Торгаш шепотом пояснил Седову, что обнажение оружия слугами против князя (а он, получается, ближе всего к крыльцу стоял, слуга-то не считается) могло быть приравнено между благородными к оскорблению, и бог знает, чем кончиться... А дам этих Торгаш знал, были это, по его словам, благородные свейки, то есть шведки, в прошлом году приплывшие из Стокгольма – случилась у них там какая-то кровавая замятня, подробностей он не уточнял.

–А что говорила эта мелкая, ты понимаешь? – спросил старче у Торгаша.

–Вроде «у меня будет новое платье» – ответил тот.

Но, как выяснилось, не одному Николаю Федоровичу было интересно – когда инцидент был исчерпан, и дамы со слугами покинули двор (пешком, кстати), а портной повел всех к себе, князь, тоже подзадержавшись у крыльца теперь сам, попросил у Торгаша выяснить подробнее про этих женщин. Седов, который был рядом, мысленно хмыкнул – похоже, та блондинка князя заинтересовала – но вида не подал, конечно. Отметил только про себя, что и у старших женщин одежды были богатыми, но поношенными. «Почти как у нас – еще раз хмыкнул про себя он – тоже, видать, какие-нибудь беглые княгини, одежда-то – бархат (он все же разглядел подробнее). Дэнсин квин, блин».

В доме, после недолгих блужданий по коридорам и подъема по лестнице, их вывели в большую комнату, еще прекрасно освещенную солнцем. Там по краям была всякая мебель: диванчик, несколько стульев и лавок, пара небольших столов с обрезками тканей, но центр комнаты был расчищен от всего, позволяя, видимо, обмерять клиентов и проводить показы. Портной еще раз извинился за инцидент в его доме (но особой угодливости Седов не заметил, похоже, мастер Лео знал себе цену), предложил легкого вина (один из столиков, с бокалами и тарелками, был как раз для закусок) и поинтересовался, что конкретно высоким гостям от него угодно. Князь, поскольку привел всех он, в немногих словах обозначил, что хотел бы обновить парадные одежды для своих людей, и мастера Лео ему рекомендовали как единственного, кто может сделать это качественно и быстро. На похвалы портной оказался все же падок, но пришел в ужас, узнав, на сколько человек нужны наряды и в какие сроки. Николай Федорович обеспокоился было, но, приглядевшись, понял, что здесь, скорее, идет что-то типа привычного торгова – и князь выглядел довольным, и остальные наблюдали за этой сценой, как еще за одним представлением, и ужас портного был слегка наигран... Так и вышло – через некоторое время портной кликнул подмастерьев с образцами тканей, и началась уже нормальная работа.

Князь, как оказалось, неплохо разбирался. Из первых образцов он сразу чуть не все отодвинул, и попросил «такого же», но не «с перламутровыми пуговицами» – как некстати вспомнилось Седову, а потемнее. И в результате они разбирались среди сукна оттенков синего цвета, и выбран был оттенок чуть темнее, чем то, что принято было в 21 веке называть «деловым темно-синим костюмом», даже вроде как с фиолетовым отливом. А еще вспомнил Николай Федорович их первую встречу, и какие одежды тогда были на рязанцах, он еще удивлялся – золотая вышивка, украшения – и понял, что князь-то, пожалуй, был изрядным модником у себя в Рязани. Нет, ну а что?... 25 лет, Великий князь, полноправный владетель, да и серебро

уж всяко на эти цели у князя было... И сейчас он, похоже, невольно вспоминал то время, потому как заметил старче – рязанцы поглядывали на князя с улыбками, и в улыбках этих была теплота...

Но подборка тканей надолго не затянулась, дальше князь уже на примере своих же одежд показывал, что нужно по фасонам. Мастер Лео довольно настойчиво предлагал какие-то добавки и изменения, на что-то князь соглашался, что-то отвергал... Прочим гостям (или клиентам) тоже дело нашлось – позванные портным подмастерья (довольно молодые пацаны, среди которых затесалась одна девчонка, из родни, видимо) стали всех обмерять, занося пометки на... доску, что ли? Седов пригляделся, нет, это оказался какой-то плоский камень, на особой подставке возле окна, а писали на нем мелом. Сам Николай Федорович пока во всей этой веселой суете не участвовал, а сидел и попивал вино – слабенькое и белое, но вкусное. Но тут дошла очередь и до него, и он поднялся во весь свой рост.

Мастер Лео сперва невольно проследил за ним взглядом (он точно был ниже старца больше чем на голову), но почти тут же глаза его начали заметно расширяться. Он впервые обратил внимание на одежду Седова... Тот поехал в Ревель в куртке и штанах из 21 века – по утрам было еще прохладно. А вот жилет-поддевку взял Никодимовскую, для свитера в таком комплекте было уже жарковато. Ну, и резиновые сапоги – на дорогах были и грязь еще кое-где, и пыль (уже пылило на открытых участках). В общем, замершему портному пришлось сказать:

–Уважаемый мастер! Давайте, я сперва покажу, чего бы мне хотелось, а потом мы с вами поговорим.

Тот, услышав немецкий старца, завис еще ненадолго, но вскоре отошел, и они с помощью князя (Седов не знал нужных терминов на немецком, а князь, хоть и тоже не особо хорошо знал, уже наловчился объясняться) набросали, что было нужно. За основу Николай Федорович решил взять удлиненные пиджаки, бывшие в моде в конце 90-х – начале 2000-х, их еще называли «еврейские сюртуки». Были они на самом деле гораздо короче тех сюртуков, но – длиннее стандартных пиджаков, и по длине прекрасно вписывались в современные (то есть 16 века) правила – кафтаны сейчас были примерно такими, с лапами от середины бедра и ниже. Ткань, разумеется, взяли ту же, раз для всех людей князя это был стандарт, а вот прямые рукава, отсутствие лацканов и небольшой воротник-стойка – это было новым, но мастер не спорил, просто принимая все детали необычного заказа. Заминка возникла на пуговицах – от серебра Седов отказался, дерево, разумеется, тоже было отвергнуто (слишком дешево), в итоге остановились на крашеных в черный цвет костяных.

Князь, вспомнив про пуговицы, стал обсуждать с мастером их для себя и прочую отделку вообще, а с Николая Федоровича сняли мерки подмастерья, на всякий случай перемерив дважды (ну да, много получалось). Он, пользуясь случаем, посмотрел на доску для записей вблизи – что-то типа плоского шифера оказалось, интересно, где берут... Остальной народ все это время с удовольствием наблюдал и за процессом обмеров старца, и за торгом князя с мастером, вообще, какая-то легкая была атмосфера. Заказ штанов, жилеток и прочей мелочи прошел быстро, там никаких особенностей и не было.

В замок они вернулись, когда только начало смеркаться – подмастерья дело знали, да и князь с самим мастером Лео надолго переговоры не затягивали. Степан, пользуясь остатком светлого времени, уехал к своим, остальные устроились в замке. Нынче вечером больше ничего важного не было, они обошли крепость (прошлый раз толком времени не было), на башню наблюдательную поднялись, посмотрели на город и на море, да остаток вечера просидели с Петром, Пименом и Торгашом, разговаривая о всяком. Да еще Седов, раз все свои, поинтересовался, во сколько им эти новые одежды встанут (и что вообще с деньгами?). Князь только отмахнулся, а Петр пояснил, что (хоть он и ожидал большего) неплохо они тут, в замке, серебром-то разжились, да и в городе кое-что нашлось, и он князю уже докладывал... Ну, раз есть

запас, Николай Федорович детали не стал уточнять, и дальше они уже просто сидели, попивая приятное вино (в городе все же выбор импортных напитков большой был).

На следующее утро князь с рязанцами и Петром уехал на встречу с наревцами. В этот раз они уже снарядились по полной программе, могли быть всякие эксцессы... Ефим взялся разбирать бумаги, найденные в замке (хотя их уже просматривали до того, сразу после захвата), Седов ему помогал – но ничего интересного не нашлось, грамоты рыцарей, хозяйственные записки... Они отобрали кое-что для Федора, и Николай Федорович, вспомнив вчерашний взгляд мастера на его вещи, отправил посыльного к портному – будет ли у того время переговорить? Парень вернулся сразу, сказав, что мастер Лео очень ждет прямо сейчас. Старцу дали двоих охранников, да он и не отказывался, и они пошли к портному, сегодня пешком. Принял тот Седова с радостью, не во вчерашнем зале, а в другой комнате, поменьше, и сразу же завел разговор о том, где и из каких таких тканей шьют такую одежду. Николай Федорович свою тайну пока не раскрыл (они еще не обсуждали с князем, кого в Ревеле можно будет поставить в известность о его происхождении), но легко согласился показать. Ему принесли, во что переодеться, и часа два он рассказывал про разные швы, еще не существующие манжеты, карманы и подкладки, швейные машинки с особыми иглами, принцип работы одежных кнопок и «молнии», показывая кое-что на примерах... Вчерашнее легонькое винцо мастер снова выставил, и слушал периодически промачивающего горло Седова с огромным вниманием, иногда даже вскакивая и начиная экспрессивно бегать по комнате, ероша остатки шевелюры руками. На некоторые уточняющие вопросы (например, что за ткани такие у него) Николай Федорович молчал с таинственным видом, мол, увы... Но мастеру хватило и этого, тем более, что старец туманно пообещал рассказать больше, если так сложатся обстоятельства. А в конце визита Лео позвал кого-то из своих, и в комнату принесли детали почти готового пиджака для старца. Оказалось, и в самом деле могут портные шить быстро, а не месяцами, как хмыкнул про себя Седов. Детали прикинули на нем, кое-что мастер решил поменять, и они распрощались.

А в замке его ждал обед, а еще – приходил посыльный от бургомистра. То ли тому доложили, что старца не видели среди уезжавших, то ли что, но он писал, что хотел бы встретиться, переговорить по его письму. Снова пришлось посылать человека, и через некоторое время ван Баарен прибыл в замок. Сейчас он уже не напоминал того довольно испуганного бюргера, которому в небольшой комнатке заговорщики рассказывали в мрачных подробностях, что случится вскоре в его городе, а выглядел и вел себя, как бургомистр, (единственный теперь) глава города. Но – и ума, и чувства такта ему было не занимать, и в замке он вел себя естественно, без покровительственности и чувства превосходства, хотя и не было сегодня тут ни князя, ни Петра... Ему кратко пояснили, что князь убыл как раз по тому делу, и вскоре ожидаются важные новости, но – это уж он сам расскажет, когда вернется, через день-два, а пока – старец к его услугам и готов дать пояснения по всем вопросам.

Они собрались в зале одной из башен впятером – ван Баарен и Седов, Ефим и Пимен, и Торгаш, хоть тот и держался по привычке на заднем плане. Николай Федорович решил сперва более подробно рассказать ганзейцу о том, о чем в письме было упомянуто тезисно, а потом уже пройтись по вопросам, если они останутся. И началось все с карты мира. Да-да, Ефим все же нарисовал ее для Ганзы, но... сделал это в виде, который в 21 веке назвали бы детским рисунком – при сохранении пропорций морей и континентов, очертания у последних были самыми размытыми, и совершенно без внутренних подробностей – заливов, рек (даже крупных), гор... Но – и это была ценность, сейчас рисовали еще хлеще, судя по тому, как горели глаза у бургомистра. А еще на ней были обозначены (примерно, конечно) торговые пути в Азию, вокруг Африки и Южной Америки... Ну, и в пояснениях Седов указывал, что, по его данным, ситуация в мире такова, что почти все новые торговые пути будут недоступны Ганзе, ибо их перекрывают такие государства и союзы, с которыми у Ганзы отношения... не сложились, скажем так. Он это просто констатировал, без указания причин и оговаривая, что если его сведения не

верны – все может развиваться по иному, но... Ван Баарен эту часть его выкладок подтвердил. Без подробностей, да они и не нужны были, какая теперь разница – почему так случилось.

Но была к той карте и приписка, что, если Африка и пути возле нее для ганзейцев под большим вопросом, то для новых континентов (Нового Света, как уже стали называть эти земли) все не так однозначно... Путь через северную Атлантику был почти совершенно свободен, да и на юг можно было спуститься достаточно далеко, или – сперва достичь нового материка, а потом уже – вдоль его берегов. Ну, и вот тут уже Седов в письме останавливался, указав, что готов обсуждать детали и подробности, которые он, хоть и не очень много, но добавить сможет (ну да, и атлас был, и в памяти многое). Все это он сейчас более подробно ван Баарену и излагал. Тот, внимательно выслушав, со своей стороны сказал, что считает эти сведения бесценными («поторгуемся еще» – усмехнулся Седов, мысленно, конечно), но... для доведения до своих коллег хотелось бы заранее знать хотя бы какие-то подробности. Расклад был совершенно ясен. Ван Баарен хотел набрать очки среди своих и сразу занять такую позицию, при которой он будет слишком много знать, чтобы его потом смогли подвинуть. И такой вариант обсуждал старец с князем, что ж, ему было не жалко...

10

Англия, расползание ее колоний и ее роль в будущей мировой торговле, Швеция и... торговля Руси лесом и иными материалами, нужными для постройки кораблей – пенька, лен, смола... Этого ганзеец явно не ожидал и с первых слов Николая Федоровича превратился в слух, да и с остальными эти вещи если и обсуждались, то коротко и обрывочно. Ну, а Седов рубил наотмашь. Именно из русских материалов будет построен тот флот, которым Англия завоюет мир, и продадут их ей – ганзейцы (неплохо на этом зарабатывая, правда), а она в благодарность за это... выкинет их с островов, где-то через сотню лет, когда ее собственные торговые компании разовьются, оперятся и начнут точить молодые, но крепкие и острые зубы на весь мир. Выучится у Ганзы всему, что нужно, и... пойдет дальше, скинув конкурента в пропасть, из которой Ганза так и не вылезет, еще сотню-полторы лет существуя на уровне внутрибалтийской торговли, что на фоне новых открытых земель – совсем мизер, как видно по карте хотя бы... Все невольно перевели взгляд на рисунок, на котором Балтика выглядела тем, чем и была – малым заливчиком между крохотным полуостровом и сушей на дальней оконечности материка... Одного материка... А выход из этого заливчика полностью перекрыт Англией, что тоже было на том рисунке прекрасно видно...

Конечно, продолжал Седов, поскольку все это время у уважаемых ганзейцев торговля идти будет, нельзя сказать, что они погрязнут в нищете, совсем нет. Но – в то время, когда другие страны Европы обзаведутся колониями (он примерно показал площади, без конкретики), из которых начнут вывозить все (серебро, золото, пряности, драгоценности – Шахерезада не собиралась останавливаться), а объемы даже честной (гм) торговли в мире вырастут в разы и на порядки, Ганза... так и останется при своих. И эти «свои» будут стремительно... девальвироваться, как фальшивая серебряная монета, на вид настоящая, но... (фразу про китайские елочные игрушки, как всегда некстати подsunутую мозгом, он оставил при себе).

Это надо было переварить. Наиболее полно понял его именно ван Баарен, имеющий, как видно, представления и о торговле Ганзы в целом, и об основных потоках товаров с Руси и на Русь. Кое-что о межгосударственной торговле знали и Пимен с Торгашом, но не в таких масштабах, конечно, а на уровне Пскова и Ревеля. Ефим был от любой торговли далек, но он участвовал раньше в обсуждении возможных предложений со старцем. Но сейчас молчали все, и длилось такое молчание долго... Первым отмер именно ганзеец:

– Это... удивительно – все, что смог он выдать, выхлебав вино из своего кубка, как воду. Остальные тоже потянулись за чарками. Седов подумал было, что уместнее тут другое слово, тоже заканчивающееся на «...ительно», но нагнетать не стал. Потому что последовал вопрос ван Баарена, при чем же тут Русь и Швеция? Вот здесь Николай Федорович заговорил

осторожно, ступая с уверенного пересказа реально случившихся в его истории событий на тонкий лед предположений. С одной стороны, даже уменьшение (не говоря уже о полном прекращении) поставок упомянутых материалов англичанам ситуацию улучшит, просто дав той же Ганзе больше времени на приспособление к новым реалиям. С другой стороны, можно же эту информацию довести и до... других заинтересованных лиц, как они это уже сделали, например, с князем Московским (тут он получил острый взгляд от ганзейца). Конечно, у Англии есть и свои источники материалов, и в других местах они закупать могут, но... уважаемому бургомистру должно лучше других быть известно, хотя бы примерно, какие объемы потребного для кораблестроительства Англия берет у Руси, пусть через посредников, и сможет ли она их заместить.... Ганзеец, на некоторое время снова погрузившись в себя, похоже, что-то прикинул, и кивнул старцу, попросив продолжать.

Николай Федорович продолжил. Самой Руси, хоть она так и рвалась на Балтику, большой флот тут... не нужен, как покажут будущие события (вот теперь на него удивленно посмотрели уже свои). Нет, построить его можно, но... он точно так же будет заперт в этом глухом углу, как они только что обсудили... Такое было слышать всем присутствующим не особо приятно, по разным причинам, но... в главном-то старче был прав! А он продолжал дальше: на большое снижение продаж указанных материалов Русское государство пойти тоже не сможет – это будет для его бюджета и экономики в целом (пришлось кратко пояснять и это, но его быстро поняли) таким ударом, с которым оно вряд ли справится. Значит, речь может идти о частичном использовании всего этого для себя, и – о переориентировании на других покупателей. И вот тут всплывает Швеция. Седов следил за лицами слушателей, пока его вроде понимали, и он снова вернулся к истории.

В ближайшее время свои заявят о себе в Европе громко, став в какое-то время по общепризнанному мнению первой армией континента. Довольно долго им будут принадлежать значительные территории на материке, да вот эти самые места. Но... эти времена уйдут, и обескровленная постоянными войнами (больше двухсот лет войн!) Швеция получит в ответ потерю всех захваченных земель, поражение и армии, и флота, после чего останется на своем полуострове в древних границах и примет нейтральный статус на вечные времена, обязуясь не участвовать в войнах, что и выполнит (с оговорками, конечно) лет на триста... У народа снова перехватило дух от таких временных перспектив, а Николай Федорович, дав уложить и это в головы, нанес по мозгам слушателей еще один удар: все это время основным противником Швеции будет именно Русь, и именно в этих войнах обе страны будут терять людей и ценности – попеременно захватывая и отвоевывая одни и те же земли, разрушая и отстраивая одни и те же города и села, а между тем, как, наверное, хорошо известно всем присутствующим, земли, что сейчас разделяют эти страны, не стоят доброго слова – болота, озера, скалы, ну, лесов сколько-то хороших, так попробуй этот лес оттуда достань...

Вот тут он получил второй острый взгляд от ганзейца. Тот догадался, да Седов уже и так к главному подвел, и осталось только озвучить:

–Знания эти довел я до князя Московского. Думает он еще, но из известного мне уже – собирается... иначе вести дела свои здесь, на Балтийском море, и если получится довести эти же сведения до правителей свейских, с которыми, как нам известно, у Ганзы отношения более чем хорошие, то... от многих... не скажу – ошибок, но – тех действий, чью... бесполезность и взаимный вред сама история доказала, можно будет уйти. Чтоб уж совсем понятно было, заключи свои с москвитями мир на вечные времена, да договорись насчет того же строевого леса, да зерна русского, в чем всегда! у них нужда будет, по характеру земель их, да направь те корабли... туда – он махнул рукой на карту – так, пожалуй, все сложится иначе.

И снова тишина повисла в зале. Пожалуй, даже Ефим впервые слышал такой развернутый план... изменения будущего, и самое главное – был этот план... реальным, ну, исходя из того,

что они только что слышали и сами знали. Но... вот теперь ван Баарен смотрел на Седова по настоящему остро, до того были так, ласковые взгляды:

–И что мешает провести эти переговоры и договориться обо всем, о чем уважаемый старец сейчас рассказал... без Ганзы?... Тем более, как и было сказано, земли их граничат друг с другом напрямую...

–Вряд ли получится без Ганзы – совершенно честно развел руками Николай Федорович – слишком много лет войны между свеями да русскими идут, много злого да крови между благородными родами. В таких случаях всегда нужен посредник, а лучше несколько – торговцы, что и там, и там торгуют, да сами вес в тех государствах имеют, да еще – некая... местность, и ни тем, и ни другим не принадлежащая, на которой торговцы эти спокойно торговать могут, да люди на землях этих, что и переговоры провести помогут, а надо – так и скрыть, какие там между свеями и москвитями нынче дела делаются, от остальных, кому до того дела нет. Ну, а если получится, так опытные кормишки и матросы, купцы, что умеют торговаться хоть с кем, корабли, из того леса построенные, и бойцы свейские, вместе составят, пожалуй, очень заметную силу...

Это было пока все, что он хотел сказать, и теперь уже Седов потянулся за кубком, а остальные снова задумались. По виду ганзейца можно было сказать, что теперь тот понял всю картину, и прикидывает различные комбинации, варианты развития событий, действия сторон... Остальные так глубоко в раздумья не погружались, и отошли первыми, начав крутить головами, откашливаясь, тоже взявшись за чарочки. Что и говорить, нынешний рассказ старца был и похож, и не похож на его же предыдущие – вроде, и снова он веками да государствами оперирует с легкостью, но нынче еще и поменять это хочет!... Тем временем пришел в себя и бургомистр:

–Это замыслы... большие – сказал он, глядя теперь на Седова с некоторой опаской.

–Князь Иван поддерживает их, полностью – ответил тот – более того, все иные особенности законов и обычаев, что хочет он установить на этих землях, тому никак не противоречат, и известная мне история то подтверждает, как и история соседних земель.

–О чем идет речь? – заинтересовался ван Баарен.

–Новая религия, реформаты, протестанты, наследники Лютера. Именно на севере германских княжеств, вообще на севере Европы, на всей Балтике, а так же в Скандинавии эта религия установится в ближайшее время, на все оставшиеся известные мне времена став основной религией Севера. И – именно за нее будут идти многолетние кровавые войны в противостоянии с католическим Югом, но ведь Юг, как я сегодня показал, как раз и будет первым получателем выгод от новых торговых маршрутов и вновь открытых земель...

...-То есть не только религия, но и... иные мотивы будут лежать... – почти прошептал ганзеец.

–Разорить соперника под прикрытием религиозной войны – двойная выгода, не так ли? – теперь уже сам остро взглянув, ответил ему Седов – а в Англии, чтоб вы знали, своя Церковь будет, так и назовут – англиканство, так что и тут они сами отделятся и от Рима, и от остальных...

Все это так загрузило бургомистра, что тот, просидев с отсутствующим видом еще некоторое время, пока народ негромко обсуждал рассказ старца, откланялся (да и смеркаться началось, долго они просидели), пообещав дожидаться возвращения князя с новостями. Причем был он так погружен в себя, что сопровождавшая его охрана в тот вечер подумала, что перебрал нынче господин у этих новых орденцев, но никому про то, конечно, не говорила. А когда через два дня вернулся с вестями о подходе нарвского полка князь, Седов пересказал ему тот разговор, от себя добавив, что вроде бы понял все ганзеец, как надо, но как он захочет все это подать своим, в Любек – это, конечно, неизвестно. Но приглашенный в замок князем ван Баарен о разговоре том упомянул лишь мельком, сообщив, что направил теперь послание своим, с необ-

ходимыми пояснениями, которых и ждал от старца, и пока нужно будет подождать. Впрочем, другие дела пока у них были – князь и бургомистр, обсудив, как провести завтрашнюю необычную церемонию, разошлись, так как каждому из них предстояло за неполные сутки сделать довольно много.

И первым делом князь послал человека к мастеру Лео. Седов, видевший, что у того раскroенные костюмы чуть ли не на следующий день готовы были, не волновался, а остальные слегка нервничали, и посыльный от мастера вернулся с просьбой – раз срочно надо, то просит всех прибыть для подгонки, последней проверки и т. д. Пришлось снова всем ехать. Теперь без случайных встреч обошлось (но народ во дворе у портного на крыльцо то поглядывал), а у мастера часа на три получилась толчея, когда в двух комнатах нынче – в одной бы места не хватило – все примеряли, подгоняли, подшивали... Последним мастер сам торжественно вынес полностью готовый пиджак старца. Ну, что сказать?... Для 21 века это был бы эксклюзив, экзотика, в котором, конечно, не пойдешь на деловую встречу, но в любом другом месте внимание к человеку возраста Николая Федоровича в такой одежде было бы обеспечено. А так – длинный пиджак до середины бедра, пять незаметных пуговиц, воротник-стойка... Карманов не было – для парадной одежды Седов не стал заказывать, да и лишнее время. Все захотели увидеть, как оно будет на старце, и пришлось, ворча, переодеваться. Вышло... неожиданно, но никто не смог выразить словами. Правда, Ефим подошел и шепнул, что цепь с крестом надо выпустить поверх, Николай Федорович так и сделал, и, судя по шепоткам – угадал. И действительно, без любых украшений, без вышивки или иного шитья, галунов, лент и чего-то подобного – должно было выглядеть... мрачно. А так получился некий то ли церковный чин строгого монашеского ордена (да еще с его вязаной шапочкой – другого головного убора у него не было), то ли... старец! В общем, народ отмер, и в короткие сроки закончил примерку штанов, поддевок-жилетов, всяких мелочей... Еще в этот день между замком и ратушей несколько раз бегали посыльные, но вроде все согласовали и утрясли...

...Так что на следующий день на встречу с выстроеным на пустыре вторым наревским полком выдвинулась необычная процессия. Полковнику могли рассказать, как все должно пройти, только в общих чертах – у князя никакой конкретики не было, поэтому он, увидев, что всадники, ту процессию возглавлявшие, на приличном расстоянии до его полка стали спешиваться – выехал с сотниками еще чуть вперед перед строем, и они слезли с коней тоже. После этого встречающий их народ прошел ближе, медленно и торжественно, и стало видно, что двумя неровными колоннами идет... точно, приехавший к ним князь со своими людьми (они выделялись похожей одеждой), а обок – похоже, горожане, в одеждах более ярких, но разных. Сзади шла городская стража или их охрана, с оружием (немного, с десятков), а за ними, на небольшом отдалении – нестройной толпой горожане, привлеченные необычным зрелищем. Ну, и уже окончательно опознавшись, все они выдвинулись на сближение, но – перед тем, как им сойтись уже совсем накоротке, князь со своими людьми слегка ускорился, и они заняли как бы три стороны небольшого квадрата. Некоторое время люди выстраивались, и первым начал говорить князь:

–Я, Великий князь Иван Рязанский, являясь пресвитером Ордена Красного знамени, слово свое даю и поручаюсь, что не будет горожанам славного и вольного города Ревеля обид и притеснений от второго наревского полка государя Московского Василия!

Сказал он это громко и торжественно, на русском, и тут же – на немецком. После небольшой паузы слово взял толстячок в самых богатых одеждах, с дорогой цепью на шее, что стоял перед горожанами:

–Я, бургомистр города Ревеля Петер ван Баарен, гарантирую, что город, его воины и граждане, не причинят обид воинам государя Московского Василия, и окажут им гостеприимство, в случае их подтверждения мирных намерений!

Теперь сказано было сперва на немецком, а после кто-то из горожан перевел слова бургомистра на русский. Снова пауза, и пришло время говорить полковнику:

–Я, полковник второго наревского полка государя Московского Василия, посланный им по этим землям для наказания обидчиков его и клятвопреступников из Ливонского ордена, подтверждаю, что не имею злых замыслов к вольному и славному городу Ревелю, воинам и горожанам его! Гостеприимство же приму с радостью, и обещаю за все, что городу угодно будет нам предоставить, рассчитаться честно и сполна!

Полковник повторил эту фразу на немецком, и понял, что вроде угадал – несколько напряженное молчание у горожан перешло в легкое перешептывание, они заметно расслабились. Но тут же свою партию дальше повел бургомистр:

–В таком случае приглашаю вас быть гостями города, а военачальников прошу прибыть в ратушу, где мы сможем обсудить дела наши, как полагается!

Полковник поймал мимику князя, мол, «все идет как надо, так и держись дальше», отдал приказания своим, и сотни полка стали переходить через пустырь к городу. За время небольшой паузы и полковнику с сотниками, и князю с его людьми подвели коней, а бургомистр и члены городского совета (а с ним были они, конечно) успели так же торжественно, как пришли, отойти в городскую застройку. Теперь у полковника было время уже накоротке и без лишних ушей перекинуться словами с князем, и тот ему быстро пояснил, что это – православная слобода, ну, та часть посада города, где русские в основном, или выходцы с их мест живут, и церковь тут православная, так что город им это место под стоянку и отвел. Все предварительно оговорено, так что в ратуше сейчас будет небольшой пир, где надо будет пару здравиц поднять, там, за дружбу и процветание, успехи в торговле, ну, и они с бургомистром скажут...

Так, со скоростью пешего, полк вошел в предместье, сопровождаемый многочисленными зеваками (следящими за бойцами, впрочем, пока с некоторого отдаления), и дошел до перекрестка, одно из зданий (или даже группа) на котором не могло быть ничем иным, кроме как постоянным двором. Князь так же вполголоса шепнул полковнику, чтобы тот оставил тут кого из своих, им самим здесь жить и назначено, а сам двигался за ним. После небольшой задержки было оставлено два сотника с наказом размещать бойцов и выяснять, где тут что, а полковник и три остальных сотника двинулись за небольшим отрядом князя уже быстрее. На ратушной площади их снова встречал бургомистр с городским советом, но тут уже обошлось без речей, и спешившихся незваных гостей провели в главный зал ратуши. Он не был сегодня как-то украшен, лишь герб и флаг Ревеля тут были, а еще – накрытый стол, но никто не стал высказывать каких-то претензий – визит наревцев, если так можно называть, был неофициальный (правда, с четырьмя сотнями бойцов сопровождения, н-да...).

Столы нынче были расставлены буквой П, и сажали гостей не вразнобой, а горожан отдельно, людей князя отдельно, наревцев – отдельно тоже. Но после трех-четырех здравиц и утоления первого голода бургомистр пригласил князя и полковника куда-то вглубь ратуши, попросив остальных есть, пить и отдыхать, ни о чем не беспокоясь. Да народ, которого тут сегодня набралось всего чуть больше двух десятков, и расслабился уже, и разговоры кое-какие все же завязались... Кабинет, куда привел их ван Баарен оказался, похоже, его покоями – довольно большой и богато обставленный. Стол, что здесь тоже был накрыт (на троих, но побогаче, чем в зале, пожалуй), занимал от силы четверть большой комнаты, с мебелью из дорогого дерева, искусной выделки, кубками и еще чем-то, дорогим и подчеркивающим богатство... Но разговор зашел деловой, пили они все пока только для виду. Начал речь князь, еще раз обозначив главное – что московиты тут не по ревельское серебро, так сказать. Полковник подтвердил, несколько подробнее рассказав, что многолетнее нарушение договора, что был заключен после Дерптского мира между Москвой и Ливонским орденом, нарушение тех клятв, что при том даны были, и многолетняя же неуплата причитающейся дани... (тут полковник сделал паузу, и бургомистр покивал очень сочувственно) государя довелось, и... В общем, поскольку у дого-

вора того, мирного, срок в этом году истек – государь принял решение его не продлять, а взять виру за потери и обиды свои. В виру ту взята уже Нарва, и будет она городом русским, а еще – земли и города на юге, но о том он пока не может говорить (бургомистр снова закивал). Предполагается, что кроме клятвопреступников-орденцев, остальным жителям этих земель ничего не угрожает, и они готовы жить мирно, по-соседски, торговать и прочее, раз в самом Ревеле орденцев не осталось.

Тут слово снова взял князь. Подтвердив, что ливонцев не осталось, и крепость занята Орденом Красного знамени, он сообщил, что не только срок, по договору вышедший, привел Москву к началу... военных все же действий, но и иные... знаки и знамения, благословившие их на сие. Само основание его нового Ордена и его действия – есть последствия тех знаков (бургомистр снова кивал, прекрасно понимая, на что намекает князь). Ну, а полк отдохнет дня три-четыре, и пойдет дальше, да вот полковник сам и расскажет, что им нужно. Полковник уже в совсем простых словах пояснил, что надо им передышку сделать, потому как хоть шли они, считай, почти без боев, и очистили от орденцев уже все земли до самого Ревеля (тут бургомистр ожидаемо заинтересовался), все же после такого перехода требуется и одежду с обувью поправить, и самим постираться, помыться и отдохнуть... Бургомистр, теперь взявший слово, поблагодарил за сведения, еще раз выразил некоторую радость, что все так мирно выходит, а насчет просьб – сказал, что завтра же кое-кому из своих указания даст, да пошлет чиновника, русскую речь знающего, в ту корчму, где они остановились, чтоб был эти три-четыре дня при них, на всякий случай. Какие потом договоренности будут между Орденом новым и городом – тут, конечно, не обсуждали, а уже спокойно посидели за столом, выпили и закусили. Полковник по просьбе ван Баарена рассказал про Везенберг, князь, уже по просьбе полковника, раскрыл некоторые подробности последней битвы у засеки, бургомистр внимательно слушал... гостей, но сам нынче говорил мало.

Два дня полк отдыхал. Народ отсыпался, отъедался, стирался, чинился... (примерно в такой последовательности). Как только новости после встречи в ратуше разошлись, а произошло это, с учетом общего интереса горожан, практически мгновенно, наиболее шустрые из городских торговцев и ремесленников попытались на этом заработать. Так что уже на следующий день полковник распределял, кто из сотников и полусотников за что при этом отвечает. Понадобились и кузнецы, и шорники, и сапожники, а действительно присланный из магистрата чиновник одним своим видом несколько... сбивал излишний торговый настрой ревельцев, да и князь отправил к полковнику Торгаша, который тоже подсказывал по ценам, так что тот не переплачивал. Но – полковая казна похудела, конечно. А как подарок от города – плата за жилье с них не взымалась (тот постоянный двор, куда руководство полка заселили, и так почти пустой стоял, как они выяснили, но все же). Бойцы, отославшись и поев нормальной еды, сходили в православную церковь (верно тогда разглядели) и... перекинулись на пиво и иные... доступные развлечения, скажем так, но пока в меру. Полковника с сотниками двумя следующими вечерами приглашали в ту самую ресторацию, где они практически с теми же советниками, что в ратуше, и сидели, но уже в неформальной обстановке. Князь со своими тоже там был, так что знакомства устанавливали все три группы взаимно.

Городская стража усилила пост возле того предместья, где расположился полк, но не совалась, пока в одной корчме не случилась драка между наревцами и местными. Было это на третий день, обошлось без жертв, мордами разбитыми, но на следующий день был назначен уход полка. Сделали почти все, что хотели, бойцы отдохнули, вон, морды бить начали, так чего тянуть? Прощального пира устраивать не стали, но... полковнику пришлось задержаться. Вечером того же третьего дня в гавань Ревеля пришли три лоды из Нарвы. Было на них, кроме команд, с полсотни русских бойцов, а вел первую лодью Рыжий Дан...

...Послание, что получил тогда Данило от Пимена через ревельских рыбаков, было коротким: «Побратим, у рязанца все получилось. Передай купцам, пусть поторапливаются, как

бы им не опоздать». Вроде, ничего такого, а с другой стороны – мало кто мог в Ревеле знать, что Дан давно побратался с Пименом, и если про рязанца – Ивана, князя Рязанского – знали теперь многие, то про задумку псковских купцов Ждана и Тверда насчет города Хапсала – нет. А Дан знал, конечно, купцы с ним еще с зимы советовались, и к весне, когда намекнули ему, что пока он вполне может по зову князя Московского к Нарве пойти, а вот позже – они хотят ему доверить важное дело, и на это лето, и далее. Так что он, отпустив рыбаков (они, кстати, удачно вернулись в город, и получили от Пимена обещанное серебро, уже из его денег), на докладе нарвскому воеводе твердо стоял на том, что узнал от Пимена – сведения были верные.

Раз так, и ожидать по морю какого-то нападения от ливонцев в ближайшее время не следовало, его отпустили в Псков, заодно грамоты тамошнему воеводе передали – воеводы теперь, раз такие дела затевались на этих рубежах, сговорились между собой тоже новостями обмениваться. «Добежав» на своей лодье до Пскова, он первым делом те грамоты в крепости и отдал, вестями поделился, а из дома сразу заслал человека к купцам. У тех сборы и иная подготовка какое-то время еще заняли, одна лодья, например, где-то в пути была, но примерно через пару седмиц три лодьи, загрузив почти пять десятков купеческих бойцов и Ждана, отправились по озерам и реке Нарве в путь. Дорога прошла без задержек, в самой Нарве они узнали, что ушел по берегу к ливонцам целый полк, по указу государя (но – без подробностей, хоть слухи и ходили, конечно). Стало понятно, о каком опоздании говорил Пимен, хотя – как он тогда-то мог знать?... Ответа не было, но сейчас это было уже не важно – лодьи, особо далеко от берега не отходя, группой двинулись на запад. Обошлось без штормов, да и путь-то тут близкий, так что в гавань Ревеля, защищенную крупным островом и россыпью мелочи, они входили вполне бодро – были среди них кормишки, хорошо знавшие эти воды, все-таки Ревель был ближним к русским землям морским портом.

Ну, а в порту их встречали. И стража, и люди Торгаша были на местах, а что князь оказался в порту раньше чиновников из ратуши – так от Торгаша раньше успели узнать, а он, хоть и не точно ждал, но знал, что могут приплыть люди, тем более, что полковник про замыслы нарвского воеводы еще кого-то к ним морем отправить ничего не говорил. Так что князь успел переговорить с Даном раньше всех. Они узнали друг друга сразу, еще издалека, да и обоим трудно было с кем-то другим спутать... Ну, а тут и Ждан подоспел (его переправляли с другой лодьи, не с Дановой). Быстро обсудив в разговоре главное, к приезду бургомистра (а тому донесли, конечно, что к этим новым приплывшим москвитам поехал сам этот фюрст) они уже выдали ему скорректированную общую версию: люди эти из Пскова, князю хорошо известные и... близкие, но против Ревеля ничего не замышляют, а главными у них купец Ждан и кормщик Дан. Оказалось, что оба они заочно были ван Баарену известны, и тот, познакомившись теперь лично, пригласил было их в город, но те отказались, сославшись на необходимость завтра поутру следовать дальше.

Впрочем, под их переговоры быстро была... освобождена стражей одна из портовых таверн, почище. Место было... совершенно не по их статусу, но на короткий разговор хватило. А тут подоспел и Пимен, и его горячая встреча с побратимом (они не виделись с зимы, считай, несколько месяцев) и теплое приветствие со Жданом – сняло у ганзейца подозрения, если они у него еще оставались. Так что ван Баарен распрощался (князь намекнул ему, что кое-что расскажет позже), а князь и Пимен задержались в порту, куда подоспели и остальные рязанцы, и Седов, и вызванный спешно полковник. Первым делом представлены они со Жданом были друг другу, и планы насчет Хапсала уточнили. Полковник только порадовался, что ему такая неожиданная помощь будет, да отбыл к своим – надо было теперь уже с руководством полка решить, как им идти дальше с учетом новостей. Да и народ в корчме долго не рассиживался, но успели вспомнить такие вроде уже совсем давние деньки – Углич, Волга, усадьба Сига... На обратном пути в замок, под вечер уже, Николай Федорович даже порадовался за Данилу

– по тому сразу было видно, что ожил, помолодел даже как-то, все-таки во все времена были любители адреналина, хоть и не знали еще долго такого слова...

Полк проводили на следующий день, после полудня только получилось у них выйти. Через город не пошли, вернулись на нарвскую дорогу, и по ней, обходя Ревель с юга, пошли на запад. Впрочем, дорога должна была вскоре свернуть сперва на юго-запад, а потом и на юг, к Хапсалу, но сегодня полк успел верст на 15 всего отойти. Все бойцы были отдохнувшими, ну, а тех, кто кулаки почесать успел, сотники с десятниками обещали первыми на ливонцев послать – вот с ними надо драться, а не ревельцев мутузить. Ну, и приятной неожиданностью, кроме обещанных и поставленных князем припасов, стали подарки от бургомистра – несколько бочонков пива и немного хорошего вина офицерам. Как в первый же вечер они и решили за этим вином – ван Баарен понимающий человек, хоть и католик, бургомистр и ганзеец...

А князь прямо в день ухода полка поехал в ратушу с небольшим сопровождением. Там бургомистром и было официально озвучено чуть сократившемуся городскому совету, что падение Ливонского ордена, предвиденное... некоторыми лицами, должно было изменить ситуацию на этих землях, и чтобы избежать всяких... непредсказуемых случайностей, им, бургомистром, и были предприняты некие... шаги для установления дружеских отношений с фюрстом Иоанном и людьми его. Сейчас же, когда фюрст не только словом, но и делом подтвердил... свои договоренности с иными лицами, и полк русский ушел из города, можно перейти к главному, а именно – к заключению нового договора между вольным городом Ревелем и Орденом Красного знамени. Советники все это уже более-менее знали, но на намек (об ушедшем полку), что все могло быть иначе,отреагировали ожидаемо.

Сказал речь и князь. Щедро раздал авансы, сообщив, что имеет желание своей столицей Ревель сделать, а на землях развивать ремесла и торговлю, благо, само расположение к тому подталкивает. Плеснул мистики, упомянув о неких предсказаниях. Добавил конкретики, уточнив, что вера, конечно, дело личное, но – получать священников от епископа, Римом установленного?... Отдавать свои деньги на церковь, на которые те епископы и кардиналы роскошествуют до совершенного неприличия, в то время, как мастера днем и ночью трудятся, а простой народ вообще в нищете и невежестве прозябает? Ему кажется это несправедливым, не соответствующим заветам господним, например, рабство на его землях он собирается отменить... Все время его речи среди советников проходило вполне благожелательное перешептывание – намеки тут понимали, и перспективы видели. Ну, а после князь заявил, что новый договор, конечно, будет на основе старого, и все права города будут сохранены, они хотят лишь привести его в соответствие временам нынешним. И верно – договору между ливонцами и Ревелем было больше сотни лет, экземпляр его, найденный в замке, занимал со всеми приписками и дополнениями здоровый фолиант, и Ефим, которому поручено было проект нового написать, предвидел много работы. Но – договор, конечно, это не сейчас, пока они лишь обозначили такое намерение, неофициально, и на этом совещание было закончено, вполне к удовлетворению сторон.

Ну, а вечером князь пояснил пришедшему ван Баарену насчет Ждана и его планов на Хапсал. Поскольку был город тот эзельского епископа, у бургомистра вообще вопросов не было. Зато были по рассказу старца, и тут князь подтвердил, что именно такие планы и есть, но первым делом хочет он установить мир и порядок на этих землях, потому как считает это вполне им по силам, ну, а получатся ли те... большие задумки – бог весть, бургомистр и сам должен понимать. Бургомистр понимал, и еще раз подтвердил, что послана им весть в Любек, и надо ждать людей, что получше его разбираются... в подобном. На этом, договорившись слать гонцов, если что, они и расстались. Бургомистру еще надо было работать над законами и правилами города – как-то установить единичную теперь должность бургомистра в документах, с магистратом разобраться, выборы недостающих членов провести... А князь со своими людьми на следующее утро уехал в Озерск, все так же оставив в замке Петра за главного. По городу

пошла новая волна слухов, теперь уже правдивых, как ни странно, в которой сведения от русских войск (народ из наревского полка в пивных да на постое у хозяев не молчал, конечно) смешивались со сведениями от бургомистра и магистрата. Ну, и кумушки обсуждали, какой красавчик фюрст, особенно в новой одежде, да какая обаятельная улыбка у господина Петера, что в замке нынче главный, да оба неженаты... У мастера Лео прибавилось посетителей и заказов... Начали возвращаться и те горожане, которые решили покинуть город на всякий случай, и им, по возвращении, рассказывали все эти слухи уже вообще в эпическом варианте. Были эти сплетни не особо конкретными, но в целом – благожелательными и оптимистичными, и город стал забывать и те страшные ночи, и пожары, и погибших тогда людей... А еще – совершенно незамеченной для всех прошла (как и планировалось) отправка на попутном корабле до Любека двоих – Грека и еще одного из людей Петра, знавшего южные языки, которые тихо просочились в город еще за пару дней до второго приезда князя, переночевали где-то в тайниках у Торгаша, да и уплыли. Князь решил, что все же пора отправлять давно написанные ими от имени старца послания на юг.

В Озерске все было в порядке, леса по дороге стремительно покрывались зеленью, преобразая все окрестные виды, а сильно похудевший и загоревший, но вроде уже отославшийся Федор дожидался их в замке. Гридя с Семеном сразу уехали на юг, к засеке, сменить Черного, да Гридя собирался начать со своими... пошалить, и что там у орденцев происходит, узнать надо было. Ефим засел за фолиант с договором, и заскучавший было Малх взялся ему помогать. Ну, а Федор, дожидаясь Черного (решил он, что в Ревель они поедут вместе – на всякий случай), нашел время заняться старыми задумками, которые вызнал он от старца. Речь шла об инструментах. И если таких топоров, как у Седова, они делать не собирались (железа в нем хватило бы на три типичных топора 16 века), то вот остальное, о чем рассказывал Николай Федорович, Федору хотелось попробовать повторить. Он еще в конце зимы, в метели, показывал как-то старцу местный инструмент, плуги его в первую очередь заинтересовали. Увы, мало чем мог помочь Седов, честно рассказавший, что у них давно пахут тракторами, и все оборудование там сделано под совсем другую мощь (да он и не знает тонкостей). Но кое-что они договорились испытать. А тут и время пришло – после второй схватки у засеки у них добавилось трофеев, и брони, и оружия, и какое-то время спустя все они были все же разобраны – что на починку, что в арсенал, что – сразу кто из бойцов себе поменял... Нашлось там и то, что, по мнению Семена и Гриди (основными экспертами в итоге они были, конечно), только на выкидку. То есть, разумеется, на перековку – железо пока никто не собирался выкидывать, и еще долго не будет, лет четырехста...

В этих бросовых остатках были в основном обломки шлемов, полосовых, не цельных, обрывки кольчуг и тесаки короткого орденского стандарта, но, видать, из самого плохого железа. Федор, после уточнений со старцем, задумал сделать лопату, пилу и косу – сперва по одной, а там видно будет. Сказано – сделано, они пошли к деревенскому кузнецу, и Николай Федорович нарисовал тому прямо на земле, как эти вещи должны выглядеть. Свою лопату он прихватил для примера, остальное пришлось объяснять словами, но они с Федором справились. Ну, и задержались возле кузни почти на полдня, пока кузнец занимался черновой обработкой. Надо сказать, что виденный пока Седовым местный инструмент (кроме того, что весь был поменьше, под рост и руки местных мужиков) не сильно отличался от инструмента будущего в принципе. То, что сейчас называлось ручными пилами, например – было очень похоже на садовые ножовки из будущего, с тонким, слегка изогнутым полотном. Он разглядел это в той мастерской, что нашли они в замке – у ее неизвестного (погибшего при захвате) хозяина был собран неплохой набор инструментов, которыми потом пользовались бойцы отряда для починки своих вещей – умельцы нашлись. Те же орденские знаки там изготавливались, например.

Но были и отличия. Так, у лопат в лучшем случае железом оковывался край штыка (и весило такое весло многовато для Седова даже), кроме ручных пил, большая пила, под бревна (была в замке и такая), представляла из себя сложную лучковую конструкцию, с натягиваемой веревкой, а косили сейчас чем-то похожим на серпы-переростки. Причем в приседе, как он уточнил у Федора, о косьбе стоя тот не знал (и очень заинтересовался, разумеется). Так что надо сказать, что книжно-киношные представления о древности, сложившиеся у Седова, в целом оправдывались – железо было ценностью и дефицитом, и на орудия труда его пускали самый минимум. У тех же плугов железным был сам лемех (размером с треть штыка лопаты, на глаз), да еще какая-то железка для его крепления, остальная конструкция – дерево. У крестьян же, как ему рассказал Федор, были сохи, у которых железным был только насошник – ему показали небольшой клиновидный кусок железа, больше всего похожий на наконечник железнорожного костыля. А многие и просто крепкое корневище обжигали да приделывали. Федор рассказывал, морщась, что тут, где почвы песчаные, оно еще бы и ничего, но... Он вообще любил вот такие хозяйственные разговоры, а, поскольку Седов искренне интересовался, они много общались на эти темы – и до начала весенних работ, пока Федор сидел в замке, и после, в его короткие приезды...

А вот еще кое-что заметил Николай Федорович, что отличало его сложившиеся на основе книг и фильмов представления об этих веках от реальности. Если режиссеры и писатели, показывая и описывая быт этих веков, обычно изображали постройки мелковатыми и грязноватыми, то на деле – размеры, конечно, люди делали под себя, и ему постоянно приходилось следить за притоками. А вот внутреннее обустройство тех мест, где люди жили и работали, они все-таки старались делать удобным и даже уютным, ну, по мере возможностей, конечно. Сарайчик, где Никодимыч работал с деревом, торговые ряды во Пскове и комната, где у травницы девки занимались отварами, амбары у Сига, мастерская в замке, которую уже упоминали – все они были устроены и организованы так, чтобы человеку там было работать удобно, чуть ли не как и в 20 веке будет (с поправкой на стекло и электричество, конечно).

Вот и кузница, возле которой они с Федором сегодня торчали. Безусловно, сама кузница была черной и закопченной, но... Руда и уголь были сложены под отдельным навесом в здоровых коробах вполне аккуратно. Утоптанная земля возле них была чисто выметена. Сама кузня, в которую они заглянули, когда кузнец только разжигал горн, тоже была обустроена, как мастеру надо – две наковальни в разных концах, бочки с водой, инструменты под руками в нужных местах – все говорило, что это не времянка, и ее хозяин не криворукий неумеха, а вполне себе приличное заведение хорошего мастера. Да и сам кузнечный сруб был довольно большим. А еще, снова ломая один из шаблонов, высота стен кузни была такой, что Седов спокойно разогнулся в ней во весь рост, только сейчас сообразив, что там, где машут молотами и плавят и куют железо, тесниться и толкаться просто нельзя – это опасно, и образ кузниц как кривых закопченных сарайчиков, продуваемых всеми ветрами – не более, чем художественный вымысел (тратить с трудом поддерживаемую температуру в горне на ветер? Ха-ха!).

Но, как горн начал разгораться, они все же вышли наружу, и кузнец, оставив там шевелиться двоих мальчишек, еще выспрашивал (в основном, у Федора), как надо делать новый заказ. Появился вскоре и Якоб (как они шли по деревне с лопатой и железом – конечно, видели, и его появление для Седова было только вопросом времени), и с огромным интересом включился в разговор. Да Федор и не скрывал, чего хочет, и у них завязалось обсуждение теперь уже и со старостой, впрочем, они трясли старца периодически с тем или иным уточнением. Тем временем кузнец перебрался в кузню, там начали постукивать, и они перешли ближе к дому, где тоже нашелся навес со скамьями. Жена кузнеца вынесла важным гостям взвару, робко поинтересовавшись, мол, может, еще чего надо?... Ее успокоили, что пока ничего, и сидели так, пока кузнец не вынес первое готовое изделие – будущую пилу. По заказу Федора, на нее пустили один из тесаков. Само полотно сделали, конечно, гораздо уже, чем у знакомых Нико-

лаю Федоровичу двуручных пил, и короче (он вовремя вспомнил про разницу в росте и длине рук). Он отметил размер зубьев, и кузнец ушел обратно. Однако перестук, продолжившийся в кузне, совсем не походил на вырезание зубьев... Это скоро прояснилось – довольно быстро кузнец вынес лопату. Была она потолще, чем привезенная Седовым из 21 века (кузнец сегодня уважительно щупал сталь, рассматривая образец, и щелкал по ней), поменьше – где-то на треть, и более угловатой – ну да,ковка, это не штамповка... Но, в общем, и лопата была признана годной, и тоже отдана обратно – под доводку и заточку.

На этом Федор, распрощавшись с кузнецом и старостой, пошел обратно, и Николай Федорович последовал за ним.

–Пускай доводят, это уже без нас – пояснил Федор – да косу начнет делать, там работы побольше.

Действительно, Седов (у которого в коттедже старенькая коса была – он ей забор с улицы обкашивал) довольно подробно смог вспомнить, как там что. И загиб острия, и ребро жесткости, и кольцо под рукоять, и закалку лезвия, под отбивку. Но кузнец, хоть и на смешанном русско-германском с ними разговаривавший, по рисунку все вроде понял... Да, как заметил сегодня сам Федор, за это время народ в Озерске (а тем более, в замке) довольно шустро начал по-русски говорить, кто не умел. Ну да, все поняли, что новые хозяева – надолго, да и столько носителей языка постоянно в замке, тренируйся с полным погружением, как коучи будут в 21 веке советовать... Конечно, все это было пока на самом начальном, бытовом уровне, да и произношение... Особенно забавно, с акцентом, получалось у чудинок. Они вполне освоились, хоть и передвигаться по замку предпочитали тишком и молчком пока что, но уже парочки из бойца и кого-нибудь из прислуги Николаю Федоровичу приходилось замечать – природа брала свое, да и весна... Вот и они с Миланой, после его возвращения из Ревеля, гм... Особенно когда он, по ее настоятельной просьбе, переделся в новый костюм...

До вечера Седов еще сходил к Ефиму, сидевшему нынче у себя в комнате, попросился через древнегерманский язык договора Ордена с Ревелем. Шло тяжело, но зато он смог подсказать Ефиму сперва отдельно выписать из договора и множества дополнений права и обязанности сторон – такого в договорной практике 16 века и ранее еще не было – а потом собрать их заново, убрав повторы, архаизмы и ненужные им вещи. А вот цветистость оборотов, вспомнив речи бургомистра, предложил оставить (Ефим хотел подсократить) – им это ничего не будет стоить, а горожанам важность их потешит. Некоторые решения по документу, безусловно, будут оставаться за князем, но фронт работ у Ефима появился, и он занялся выпиской. Сам князь вечером, на привычных посиделках, еще раз подвел итоги поездки, отметив, что север, считай, все, и на очереди у них – Хапсал, тут будут они аж третьими после купцов псковских и полка наревского, но людей своих туда пошлют, конечно, и Серьгу с ракетами – обязательно. А еще князь попросил Федора рассказать, чем закончился его... заезд на много седмиц, скажем так, по их теперь землям, и как там что вообще – им с них теперь кормиться.

Федор взялся рассказывать с удовольствием. Сразу было видно, что занимался человек любимым делом. Но лишнего разводить не стал, и, хоть и сидел, обложившись теми самыми листами, по которым они перепись проводили, говорил коротко. Пока он рассказывал, Николай Федорович, пересев, глянул пару листов – к их описаниям и схемам пахотных земель возле деревень добавились заметки Федора – что за земля, что сажают, какие семена и еще что-то, короткое, ему только и понятное пока что. Напомнили эти листы Седову кадастровые планы участков из его времени – со схемой участка, непонятными надписями, сокращениями, аббревиатурами всякими... Но Федор все помнил, и говорил, на каждый лист только глянув. Пока оставил он с посевами почти все, как у ордена было заведено (но сразу отметил, что уже на будущий год, бог даст, есть, что поменять). Кое-где пришлось семян подкинуть, да лошадок между бывшими орденскими усадьбами перетасовать, с верховыми у них проблем не было, а вот под пахоту пришлось кое-что добавить. Самый же важный вопрос – распределение земель

и добавка к крестьянским наделам – на этот год тоже был решен половинчато. Федор от имени князя обещал «обратную десятину», то есть обещал, что с бывших орденских земель десятая часть урожая, как плата за работу, пойдет (через старост) тем селам, которые эту землю и обрабатывать нынче будут. Князь это, разумеется, согласовал заранее, да еще они не забывали напоминать, что это год у них – вообще без налогов, оброков и иных податей. В деревнях, по словам Федора, восприняли это с недоверием (своя-то земля, оно того, получше), но за зиму – подкармливание бедноты, рассказы вернувшихся ополченцев и иные слухи про их отряд (а то и своими глазами виденные действия) – все же начали формировать позитивное мнение про них, говоря словами 21 века. Так что проблем он не ожидал, какой год по погоде бог даст – будет видно к урожаю, ну, и военные действия как пойдут, конечно... И в конце сказал, что завтра вот они еще глянут, что там получится насчет инструмента у кузнеца, по подсказкам старче, потому как на те же косы у него надежда большая, и если хорошо выйдет – будет он еще трясти с Семена орденских тесаков, которыми и так комната забита у них (он, как экономайзер, знал, о чем говорил, конечно).

Пришлось рассказывать и про инструменты, и на следующий день, когда из Озерска прислали мальчишку – кузнец просил заглянуть – к кузнице пошло человек пять. Кузнец не особо смутился такому количеству посетителей, да с самим князем – мужик был крепкий, и при орденцах наглядился, похоже, всякого – и выставил им сперва лопату (уже на черенке) и пилу (тоже с рукоятями). Первым – после Федора, который выступал заказчиком – инструменты взял Седов. К лопате (к лопатке – так и хотелось ее назвать, поскольку была она уменьшенной, по заказу-то) у него вопросов не возникло. И изгиб штыка, и работающий как ребро жесткости желоб (правда, не округлый, а треугольный) – все было. Седов решил копнуть и спросил у хозяина насчет огорода. Тот все же удивился, но за соседний плетень отвел. Земля, действительно, была тут у них легкой, несколько с белесым оттенком... Особо Николай Федорович не налегал (и высота черенка была не для него), но вышло вроде неплохо, только перегружать ее не надо, как его стальную – о чем он и сказал. Ну, тут желающих проверить и сравнить – свою лопату он сегодня тоже взял – оказалось достаточно, и кузнецу вскопали сколько-то земли обеими лопатами... Он быстро снова принял невозмутимый вид, но что-то такое в глазах у него мелькнуло...

Ну, а народ, наигравшись с лопатами, перешел к пиле. Вот тут Седов, проверив заточку зубьев и насадку рукоятей, все же замечание высказал, и они с кузнецом, найдя у того в запасах подходящую железку (там надо-то было – кусочек металла со щелью, чтобы зубья в стороны разгибать), довольно быстро оформили развод зубцов – старче на нескольких показал, а дальше кузнец быстро добил остальные. И вот пилу он уже захотел опробовать сам. Как оказалось, были у него и дрова сложены аккуратно, поодаль от кузницы (видать, от случайной искры), и они со старцем, кое-как пристроив один ствол на двух других, его пилили на несколько чурбаков. Тут Николаю Федоровичу пришлось пояснять, что надо без рывков, оттяжки вниз и не толкая назад, а лишь придерживая, но – сила есть, ума не надо, и уже второй чурбак у них шел под знакомую каждому ровную песню ручной пилы «вззы-вззззы». Неудобно было – и рост разный, и козел нет – но справились, и тут уже все захотели опробовать теперь и пилу.

Здоровые, сытые мужики... Надолго ли им те дрова, кто понимает? Даже Якоб (конечно, опять появившийся в скором времени после их прихода) захотел поучаствовать. Пока запыхавшимся от выпуска дури жена кузнеца снова приносила взвар, сам кузнец и Седов обсуждали косу. Та пока была не закончена, тоже выглядела маленькой для Николая Федоровича, но что уж теперь, и он (на примере черенка лопаты) показал кузнецу, какой у нее хват должен быть, и какой у кольца-держалки загиб делать, чтоб лезвие параллельно земле шло. Тот запомнил – особых сложностей там не было, а тут и Федор запыхавшийся подошел, посмотрел, и остальные. В общем, договорились еще на две пилы, лопатку, а насчет косы – Федор таки хотел дождаться травы, уже зная, по его словам, где поблизости от замка хорошие заливные

места, там опробовать, и после того заказать, может, больше. Надо сказать, что это для Седова она выглядела несколько игрушечной – народ посматривал на хищное железо с острым, чуть изогнутым клювом, как-то даже с опаской.

Договорились, и Федор пошел в замок грабить свою же оружейку, а народ – обсуждать, куда и как лучше такие новинки применять, и заодно интересуясь у старца – нет ли у него еще чего-нибудь эдакого?... Эдакого сколько угодно – отвечал Седов – но... на все железо надо, и все больше такое, мирное... Набор для печек, например – колосники всякие, заслонки... Чугунки... Это особо не привлекло слушателей, и в качестве пробы для пилы выбрали (еще до башни дойти не успели) их первые засеки, что на дороге к Везенбергу – пора было их разбирать и устанавливать нормальное сообщение и с этой частью своих земель. Так сказал князь, и спорить никто не стал. Вообще, князь лопату не брал в руки, а вот пилу опробовал, вроде понравилось. И рассказ старца про иное «мирное железо» он тоже внимательно слушал. На следующий день в замок вернулся Черный, которого сменили на заставе Семен и Гридя, послушал новости, рассказал, что у засеки все тихо, и они уехали с Федором в Ревель. А коса, доведенная до ума кузнецом, осталась дожидаться первой травы.

Так уж сложилось после на Руси, что многое из того, что пришло с земель бывшего Ливонского ордена, так «ливонским» и называли. Или «орденским». Объяснение тому было – и привычка, и... не желали особо и правители в Москве, и те же священники, к примеру, называть полное название – Красного знамени – уж больно оно было... опасным. Так могли и вопросы последовать – что за знамя, да в честь чего красное, с какой такой крови... Да и про князя Рязанского вспоминать... Потом это сгладилося, но привычка сложилась уже у всех, так что и земля эта для русских была Ливонией, и люди – ливонцами (ну, или «новыми ливонцами»), и штуки всякие – ливонскими, как то же рассечение.

Конечно, это не касалось официальных визитов и документов – там и Орден новый правильно именовался, и должности его руководства... Хотя и тут был один любопытный момент. В Рязани, где как раз весной 1521 года боярам огласили грамоту князя Ивана (с приличествующим случаю письменным сопровождением от князя Василия и... предварительной работой с верхушкой княжества, конечно), прочтена она была так, что князь Иван называл князя Василия «правителем» Рязанского княжества. А написано в его грамоте было «управителем». Нюанс, но в них, как известно, есть разница – первый термин отдавал власть в княжестве без вопросов, второй – скорее, назначал временного управляющего... При жизни обоих князей, впрочем, это никак не всплывало, да и многие годы после их смерти тоже. Лет через триста, когда уже были бездельники, то есть историки, кому дело было в старых грамотах копаться, нашлось это, но, правда, тоже особого шума не вызвало. Напишут, пожалуй, потом несколько диссертаций на эту тему, да и все...

А вот косы такие, как сделал тогда озерский кузнец, так и назывались по всей Руси «ливонками». И даже когда в 18 веке, то есть лет через 200 после описываемых событий, началось массовое освоение южно-русских земель, с их глубокими черноземами, и для них потребовались другие инструменты, начиная от плугов и упряжи и до тех самых кос – именно такого вида коса осталась в северных и части центральных районов европейской части России основной. Правда, это облегчило тем же будущим историкам работу, поскольку тут с вариантами происхождения (как у той же литовки) проблем не возникало. А Федор уже в июне, после пробы, заказал целый десяток таких кос, стандарта «один орденский тесак – одна коса», но это уже другая история.

11

Разумеется, Гридя с Семеном уехали на юг не вдвоем, а с бойцами. Но по дорогам местным, хоть и подсохшим уже, больше, чем по двое в ряд мало где можно было передвигаться (особенно в лесной части), ну, и понятие субординации уже было, хоть и слова такого еще не

было. Так что друзья ехали рядом, а воины – на некотором отдалении. Особой необходимости спешить не было, ехали шагом, так что вполне можно было вести негромкий разговор между собой. А тему в этот раз задал Семен, и была она из числа давненько не обсуждаемых ими:

– Скажи, Гридя, а вот если бы у нас, ну, на Руси город надо было бы захватить – ты бы смог? Я все про Ревель думаю – пояснил он на вопросительный взгляд друга.

Гридя задумался надолго, Семен его не торопил.

– У нас... другое – начал тот отвечать, подбирая слова – везде князя, с дружинами да... своими людьми, что вроде меня. Тут, в этих вольных городах, что по Любеку или Магдебургу ровняются, оно выходит... как у нас раньше было! – сообразил он – призвали князя на защиту, а не понравился, так прогнали и призвали другого. Ливонцы, конечно – он усмехнулся – не дали бы никого иного позвать, раньше... Ну, а тут, на море – в городах давно главными торговцы... В Новгороде и Пскове, считай, так же было. Купцы все в руках держали. А тут еще надо понимать, что купцы-то не свои, а Ганза.

И, видя, что друг все так же вопросительно смотрит, закончил:

– Точно так же – у нас не вышло бы. Хотя и подкупали городскую верхушку, слышал я, и ворота открывали, и... иное разное бывало, но без большой крови не обходилось, ну, если полюбовно о сдаче не договаривались.

– А вот, насчет крови – Семен, кивнув, сразу задал второй вопрос – сколько наших, ты не прикидывал? Сперва один, это когда зимой Петр туда ездил, потом трое...

– Четверо – поправил его Гридя – из людей Торгаша, что он привел... ну, которые в замке сейчас... тоже погиб один – в их ночном деле. А ты к чему все это?

– Да я с полковником поговорил этим, наревским. У них, как они с Нарвы вышли, еще десятка погибших нет. Он говорит, и сам две службы отстоял в церкви, той, православной, в их слободе, и сотники его, да из бойцов кто соображает – тоже... Никогда не было такого...

Теперь Гридя посмотрел на друга, прищулив свои и без того узковатые глаза:

– Что?...

– Да то! Озерск – трое погибших. Ревель – четверо, и целая крепость, и сам город, считай, тоже... У наревцев сама Нарва! И дальше, одним полком – уже сколько прошли – как по маслу...

– Ты опять о... том – Гридя сообразил не сразу, но догадался, чего там.

– Да! Я недавно понял, может, так оно и раньше было, когда... ну... с небес помогали? В церковных-то писаниях иное рассказывают, там, Богоматерь на облаках, или глас ангельский, перед битвой появлялись... Так, может, как старче говорит, то позже... ну... дописывали... А на деле, может, просто... удавалось людям то, что иначе не вышло бы никак... Тут трое погибших, в Ревеле четверо...

– Не так ты считаешь – после паузы ответил Гридя – Озерск, ладно. Но Ревель... сперва мы их комтура перехватили, так? Да не одного, а с ближними! И везенбергских, кстати, и наревского... так?

– Так – согласился Семен.

– А после, когда на перекрестке мы с ними столкнулись?... Нам потом рассказали, что это самые сильные бойцы были, из тех орденцев, что в ревельской крепости сидели! Два десятка почти!

– Забыл, слушай – повинился Семен перед другом.

– И то не все еще! – Гридя не останавливался – и Везенберг наши зимой палили, были там погибшие, а еще – как с Нарвы орденцы побежали, которые успели, так и с других мест с ними кое-кто, кто трусливей или умней, тоже на полдень по побережью подались...

– Так что так – трое да четверо – подытожил он – да не так, а вся зима, все стычки по лесам, Нарва, что ракетами сожжена!... Но повезло, конечно – добавил он в конце немного не в тему, сбавив тон.

–Как так?...

–Вот сколько ополчения мог Ревель выставить, ты прикидывал?

–Стражи там полусотня – начал отвечать Семен – а народу... тысяч пять живет, мастера есть разные, по железу тоже, по дереву, портовые, опять же... Сотен пять точно, с мальчишками если – стрелы там подносить – подытожил он.

–Пять сотен, стража, орденцы, пушки в крепости, арсенал города, арсенал орденцев, башни, стена... не готовая, но завалами завалить проезды... и сколько бы там четыре сотни нарвские стояли? Без пушек? Ну, пусть ракет бы мы им дали из своих, а там немного уже осталось?

Семен смотрел с вопросом.

–Сжечь посадки бы смогли – пояснил друг – и все, пожалуй. Повезло, что Торгаш этот нашелся, да людей нашел, да на ван Баарена вышли, и тот согласился... в свою пользу обернуть. Ну, и... ночью той сделали чисто, это да.

–Это так – согласился Семен после очередной паузы – но... ганзеец этот, говорили, согласился на... все, только после рассказа старца о... будущих временах, да Торгаш-то...

Теперь с вопросом посмотрел Гридя.

–Так ведь с того света его, считай, вытащили, помнишь, как привезли его в замок, еле живого уже?... Те снадобья старца, да и сам он тогда руку приложил...

А вот с такой стороны Гридя явно на ситуацию не смотрел.

–Ну, еще Грек есть, он тоже... Так-то, если с того начать, что мы без старца тут и не оказались бы, оно конечно... – протянул он через некоторое время – но я тебя понял...

–У тебя, кстати, ничего не было... такого... когда в лесу бились? Ну, возле засеки в этот раз? – поинтересовался Семен еще через некоторое время.

–Нет, а у тебя? – с любопытством глянул Гридя.

–Тоже нет. Да я, считай, в этот раз из-за второй загородки, ледяной, и не выходил – все по задумкам вышло, вот и не пришлось, ну...

Друзья обменялись кивками – действительно, во второй раз у засеки все вышло по их задумкам, и были они именно уже не старца, а их самих. Хотя, кое-что там было из рассказов старца, да...

–То мы все отбивались – буркнул совсем негромко Гридя – а скоро, похоже, надо будет вперед идти, вот там другое будет. Выясню только, что там, у орденцев...

И на эту тему сегодня они больше уже не заговаривали. Добравшись на следующий день до засеки, они рассказали Черному и бойцам новости, отправили десятника в замок, Семен остался главным, а Гридя, отобрав тройку своих, стал готовиться к долгой, на несколько дней, вылазке в сторону Феллина, на занятые ливонцами земли.

...У магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга было сегодня плохое настроение, неясные, но нехорошие предчувствия, да и здоровье что-то стало пошаливать. А ведь каких-то три месяца назад все было... ну, не то, чтобы радужно и безоблачно, но и на зимнем капитуле, и какое-то время после него ему казалось, что год, слава господу, начался вполне неплохо. И вот – его протеже, Генрих фон Галлен, кастелян Феллина (и – по факту – уже достойно показавший себя полновластный хозяин в этом старинном, хоть и утратившем ныне свой статус, замке), вслед за сообщением о поимке так досаждавшей всю зиму в тех местах банды шлет сначала весть о... пропаже сразу четырех комтуров северных земель, а после... не вполне точные, но – как позже выяснилось – оказавшиеся достоверными сведения о гибели их отряда и возникновении в самой сердцевине орденских земель неких... уже не бандитов, а самых настоящих захватчиков, неведомыми путями (и неизвестным числом) прошедших туда с русских земель. Магистр поверил Генриху еще с первой его грамоты, еще когда тот не был ни в чем уверен, но уже выражал опасения – не такой был фон Галлен человек, чтобы в таком деле преувеличивать. Поэтому, после выяснения подробностей и сообщения о примерной числен-

ности... лазутчиков, фон Плеттенберг выдал Генриху грамоту, передающую ему полномочия даже с некоторым запасом – магистр знал, что тот не станет как-то обращать их к своей выгоде, а первым делом приложит все силы для исполнения порученного ему. Ну, и со своей стороны фон Плеттенберг направил эти же сведения епископам – Рижскому, Дерптскому и Эзельскому. Курляндцам не стал, от них все это было слишком далеко.

Магистр ни на минуту не думал, что у Генриха не выйдет разобраться и вернуть земли и вейсенштайнский замок. Но тревога на душе у него поселилась, и сведений с севера он этой зимой ждал с нетерпением. Были они разными – если Генрих докладывал о подготовке, то города и крепости (Пернов, Хапсал, Дерпт и Ревель, ну и Нарва) – что у них все в порядке, признаков бунта или начала подготовки к войне (это у соседних с русскими землями) – нет, а вот о комтурах и их сопровождении, где были славные рыцари и некоторые подающие надежды юноши из хороших семей – увы, никаких вестей не было. Так что приходилось надеяться, что они все же в плену у... этих, но живы.

Разумеется, фон Плеттенберг сразу поднял всех, кому по долгу службы приходилось интересоваться русскими (и иных соседних стран) делами, благо, служба такая (небольшая, впрочем, всего несколько человек) была постоянно при нем – нынче в Вендене. Да и сам этот город вел неплохую (и даже увеличивающуюся в последнее время) торговлю с этими хоть и дикарскими, но богатыми богатыми землями, так что тут были и русские купцы со своими людьми (кое-кто получал некую... помощь от людей магистра), и те купцы, что, наоборот, были ливонцами, но торговали с Псковом и иными русскими городами. Но – никто, ни платные, ни добровольные помощники, не видели прошлой осенью никаких признаков хоть сколько-нибудь серьезной подготовки у русских. Так что, если путь проникновения с псковских земель этих неизвестных, скорее всего, был где-то по северу Чудского озера (других вариантов не оставалось), то количество и состав их войска, или отряда, или чего там, так и остались невыясненными – но большого войска там быть не могло! Это должно было успокаивать, но как раз спокойствия-то и не было... Магистр занимался прочими делами, которых как всегда было изрядное количество, но о ситуации на севере не забывал ни на минуту. Не давали забыть и поступившие после сообщения о странных пожарах в северных городах...

Ну, а после грамоты от Генриха, что они выступают, общим числом воинов около трех сотен (досадную задержку устроила погода), наступило молчание. Конечно, фон Галлен должен был сообщить сразу же, какими бы не были новости, но... ничего не было. Наступившая оттепель превратила дороги в месиво, приходилось учитывать, что и из-за этого задержка будет, но время шло, шло, и только когда он сам уже собирался посылать гонца в Феллин – ему доложили, что приехали двое оттуда с письмом. Уже по лицу секретаря было видно, что вести... плохие. Фон Плеттенберг распечатал пакет с феллинской печатью, прочел вложенные листы раз, другой... И – задумался, уронив листы на стол, не замечая, как с тревогой смотрит принесший пакет секретарь на разом постаревшее лицо магистра...

...Тогда, на поляне, возле злосчастной засеки, после того, как ахнула справа пушка (или две? потом мнения разделились), снеся почти треть всадников с седел, а у всех остальных – заложив наглухо уши, на некоторое время наступила... ну, проще сказать, суматоха, беспорядок, в котором трудно было понять, что делать (да и дыма натянуло). Потом выяснилось, что кто-то из рыцарей отдал приказ скопившимся на той стороне своим воинам – догнать и уничтожить этих... этих... организовавших засаду, и бойцы с ревом рванули ко второму укреплению, ледяному, а уцелевшие всадники стали подниматься с истоптанного снега, ловить своих коней (те, кто не попал под выстрел, но кого кони сбросили или унесли – тоже стали подтягиваться обратно), и тут выяснилось, что ранен кастелян. Нет, он был не один такой, многим не повезло еще сильнее, увы, и кому-то наскоро оказывали помощь, а кому-то она уже была не нужна, но довольно быстро выяснилось, что кастелян жив, без сознания, дышит слабо, а из видимых повреждений – вмятина с правой стороны кирасы, и крови вроде нет. Но... времен-

ная, хотелось надеяться, глухота рыцарей заставляла орать и тратить время на согласование даже простых действий, а тут раздались новые выстрелы из пушек, заставившие всех, кроме самых тяжело раненых, отвлечься на новое действие битвы.

Как оказалось, и бойцов у этих русских не так мало, и пушки во втором укреплении есть, а еще – довольно большое количество огнестрельного оружия, и волна орденцев почти остановилась перед второй ледяной засекой. Но – почти, и вот сейчас должна была все же ворваться туда. Вот только оборонявшиеся и отступавшие до того русские сделали ответный ход. Небольшая их группа (но вся в железе) выскочила навстречу орденцам, а до того – что-то многие из нападавших упали прямо возле ледяной засеки, сраженные выстрелами одновременно. Подробности за дымом были не особо хорошо видны, но... орденцы были отеснены, а потом (кто-то после рассказывал, что периодически раздавались свистки детской свистульки) из-за ледяного укрепления раздался дикий рев, свист, и оттуда вылетели... вылетело... в общем, оно взрывалось, и возле первой засеки, и над ней, убивая и раня орденцев, снова распугивая коней...

Два феллинских рыцаря приняли правильное решение. На одного из ставших бесхозными коней был аккуратно посажен кастелян, и его повезли назад, к обозу, поддерживая с двух сторон. Один из рыцарей был ранен в руку, но не опасно, а второй – цел, но совершенно ничего не слышал пока (и лицо все было в чужой крови и пороховой копоти – он оказался недалеко от спрятанной в лесу пушки, но под дроб не попал), и толку от них в схватке пока не было. Однако, не проехав и трети поляны (ехали медленным шагом), раненый по звукам понял, что позади что-то... не так. Обернувшись, он увидел, что с той стороны засеки какая-то конница (не их, точно, они так и не открыли проход), похоже, добивает их бойцов, забытая было позиция противника слева продолжает довольно метко обстреливать поле (а посланный к ним отряд так до них и не добрался – там что-то в снегу, ловушки или ров), а в лесу справа раздаются хоть и слабые, но тоже взрывы, и некоторые из посланных туда бойцов начинают выскакивать из этого леса обратно... Да и их всадники, что еще оставались возле засеки, начинают... оттягиваться за ними? точно, выстраиваясь в неровную линию по старой дороге. Их даже обогнали, пока они ехали до конца поляны, сдвинув в середину небольшой колонны, и вышло это... к лучшему. Так как оглядывающийся все чаще рыцарь не увидел, что задержало их впереди, конники там начали собираться в кучу, и тут вблизи грохнули два взрыва, слабых, но заставив всех дернуться (а кто-то впереди и упал), и сразу же откуда-то с боков, из чертова леса, снова раздался рев, и что-то.. прилетело и взорвалось теперь сзади, сильнее.

После этих взрывов дроба в спину не было, но они чуть не уронили кастеляна, и на поляне, и пока выжившие и удержавшиеся в седлах неслись вскачь через затор, не разбирая, по чему скачут. Лишь через некоторое время сдержав коней, они сбавили скорость и снова шагом поехали дальше. По пути их догоняли бойцы, запыхавшиеся, некоторые раненые, но ни за что не желавшие остаться там, где летают и взрываются... эти штуки. Так что до своего лагеря добралось семь всадников и десятка два пеших бойцов Ордена. Пришлось вставать на отдых, попробовали привести в чувство кастеляна (безуспешно), сняли кирасу – похоже, ему поломало ребра (он слабо застонал пару раз, пока его раздевали). Народ продолжал подходить, раненым оказывали помощь, но оставаться тут, в поле, не хотелось никому, и было решено ехать в ближайшую большую деревню и там решать, что делать. Сложность была еще и в том, что все это приходилось обсуждать чуть ли не криком – слух к рыцарям пока вернулся не полностью – и все бойцы тоже слышали все это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.